

ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Социально-экономические
и правовые исследования

TYUMEN STATE
UNIVERSITY

HERALD

Social, Economic, and Law Research

Журнал основан в 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Том 9. № 1 (33)

2023

Vol. 9. No. 1 (33)

Founded in 1998
A quarterly journal

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Главный редактор

Л. М. Симонова, Тюмень, Россия

Заместители главного редактора

Е. В. Андрианова, Тюмень, Россия

Л. В. Зайцева, Тюмень, Россия

К. А. Захарова, Тюмень, Россия

Ответственный секретарь

Д. А. Авдеев, Тюмень, Россия

Редакционная коллегия

И. Акихиро, Токио, Япония

М. М. Акулич, Тюмень, Россия

В. В. Гамукин, Тюмень, Россия

В. А. Давыденко, Тюмень, Россия

Д. Сонг, Сеул, Южная Корея

В. Д. Драшкович, Котор, Черногория

Е. Казьмерчик, Познань, Польша

М. И. Клеандров, Москва, Россия

Е. Г. Комиссарова, Тюмень, Россия

Н. А. Костко, Тюмень, Россия

Ф. Крайсиг, Кемниц, Германия

М. С. Матейкович, Москва, Россия

Г. Ф. Ромашкина, Тюмень, Россия

Д. Ю. Руденко, Тюмень, Россия

Е. В. Смахтин, Тюмень, Россия

В. С. Собкин, Москва, Россия

А. В. Сумачев, Тюмень, Россия

Г. Н. Чеботарев, Тюмень, Россия

Л. Ф. Шилова, Тюмень, Россия

П. Ярвелейд, Таллин, Эстония

ISSN 2411-7897 (Print)

ISSN 2500-3534 (Online)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72158 выдано 29 декабря 2017 г. (ранее: ПИ № ФС77-60412 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Издатель/редакция/типография

ТюмГУ-Press

625003, г. Тюмень, ул. Володарского, б

+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Прием статей

vestnik-social-r@utmn.ru

Публикация статей для авторов бесплатна

Журнал распространяется

В открытом доступе <http://www.e-library.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

По подписке

Каталог Российской прессы (индекс ПА252)

Editor-in-chief:

L. M. Simonova, Tyumen, Russia

Deputy editors-in-chief:

E. V. Andrianova, Tyumen, Russia

L. V. Zaytseva, Tyumen, Russia

K. A. Zakharova, Tyumen, Russia

Executive secretary

D. A. Avdeev, Tyumen, Russia

Editorial board

M. M. Akulich, Tyumen, Russia

V. V. Gamukin, Tyumen, Russia

V. A. Davydenko, Tyumen, Russia

V. D. Drašković, Kotor, Montenegro

A. Ishikava, Tokyo, Japan

J. Kaźmierczyk, Poznań, Poland

M. I. Kleandrov, Moscow, Russia

E. G. Komissarova, Tyumen, Russia

N. A. Kostko, Tyumen, Russia

V. Kreissig, Chemnitz, Germany

M. S. Mateykovich, Moscow, Russia

G. F. Romashkina, Tyumen, Russia

D. Yu. Rudenko, Tyumen, Russia

E. V. Smakhtin, Tyumen, Russia

V. S. Sobkin, Moscow, Russia

J. Song, Seoul, South Korea

A. V. Sumachev, Tyumen, Russia

G. N. Chebotaryov, Tyumen, Russia

L. F. Shilova, Tyumen, Russia

P. Järvelaid, Tallinn, Estonia

ISSN 2411-7897 (Print)

ISSN 2500-3534 (Online)

Founded by

University of Tyumen

Published, edited and printed by

UTMN-Press

6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

+7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

For article submission

vestnik-social-r@utmn.ru

No publication charges

The journal is distributed

Accessed at

<http://www.e-library.ru>

<http://vestnik.utmn.ru>

Subscription to

Russian Post catalogue (No. IIA252)

Содержание

Социология

- 6 Анализ кризисов в связанных экономиках на примере стран Латинской Америки
Ромашкина Г. Ф., Андрианов К. В., Богданенко А. А.
- 24 Жизнь соло в зеркале зарубежных социально-экономических исследований
Любимова Е. А.
- 44 Волонтерская деятельность молодежи: репрезентация в социальных сетях
Кичерова М. Н., Юрина Е. А., Каравайцева Т. В.

Право

- 66 Защита от социальных рисков как фактор обеспечения права на достойное существование
Иванчина Ю. В., Истомина Е. А.
- 78 Конституционный судебный контроль как средство непосредственного обеспечения прав и свобод граждан
Тарасов А. В., Гоглева К. Ю.
- 92 Полномочия конституционных (уставных) советов субъектов РФ как органов правовой охраны Основного закона
Курятников В. В.
- 109 Гендерный подход и принцип справедливости уголовного закона
Абдулвалиев А. Ф.
- 122 Адаптация правового регулирования института отцовства к достижениям в области медицины: история и современность
Мун В. А.

Экономика

- 131 Влияния имущественных налогов на инвестиционную деятельность организаций
Королева Л. П.
- 148 Прогноз котировок акций ПАО «Сбербанк» с применением корреляционно-регрессионного анализа
Теньковская Л. И.
- 167 Финансовый механизм государственно-частного партнерства: особенности и направления совершенствования
Тюрина Ю. Г., Духовская А. А.
- 189 Содержание за 2022 год

Contents

Sociology

- 7 Analysis of crises in related economies
on the example of Latin American countries
Romashkina, G. F., Andrianov, K. V., & Bogdanenko, A. A.
- 25 Solo living in the mirror of foreign socio-economic studies
Lyubimova, E. A.
- 45 Youth volunteering : representation in social media
Kicherova, M. N., Yurina, E. A., & Karavaytseva, T. V.

Law

- 67 Protection from social risks as a factor
in ensuring the right to live in dignity
Ivanchina, Yu. V. & Istomina, Y. A.
- 79 Constitutional judicial control as a means of directly ensuring
the rights and freedoms of citizens
Tarasov, A. V. & Gogleva, K. Y.
- 93 The powers of constitutional (statutory) councils
of subjects of the Russian Federation as bodies
of legal protection of the Basic Law
Kuriatnikov, V. V.
- 110 Is the punishment imposed on women for committing intentional
crimes consistent with the principle of justice?
Abdulvaliev, A. F.
- 123 Adaptation of the legal regulation of the institution of fatherhood
to advances in medicine: history and modernity
Mun, V. A.

Economics

- 132 The impact of property taxes on the investment
activities of organizations
Koroleva, L. P.
- 149 Forecast of stock quotations of Sberbank PJSC using correlation
and regression analysis
Tenkovskaya, L. I.
- 168 Financial mechanism of public-private partnership:
features and directions of improvement
Tyurina, Yu. G. & Dukhovskaya, A. A.
- 189 Contents for 2022

Анализ кризисов в связанных экономиках на примере стран Латинской Америки

Гульнара Фатыховна Ромашкина, Кирилл Владимирович Андрианов[✉],
Анна Андреевна Богданенко

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: kirvland@mail.ru[✉]

Аннотация. В статье приводится анализ ключевых макроэкономических и финансовых показателей стран Латинской Америки в период 2020–2022 гг. Задача исследования — периодизация поведения экономических индикаторов в связанных экономиках развивающихся стран. Актуальность исследования обусловлена потребностью в понимании механизмов поведения субъектов экономик в кризисных ситуациях. Страны Латинской Америки выбраны как модель для исследования, поскольку они характеризуются высокой степенью связанности, все попадают в категорию развивающихся и существенно различаются по поведению регуляторов в условиях кризиса. Исходя из поставленной задачи, анализируемый период для рассматриваемого региона был условно разделен на четыре этапа: начальная паника 2020 г., период начала восстановления в конце 2020 г., восстановление экономик на фоне роста инфляции в 2021 г. и снижение восстановительного роста в связи с нестабильностью 2022 г. Методика позволяет показать общие тенденции и характерные отклонения, обусловленные общими и специфическими факторами. Общие тенденции описывают поведение экономических индикаторов в выделенных четырех этапах кризиса. Отклонения показывают, как реагируют связанные экономики на общие внешние шоки в специфических условиях. В качестве специфических факторов показали себя, например, размер экономики, внутренняя экономическая политика. Было показано, что более крупная экономика Бразилии в большей степени пострадала от инфляционного шока и принимала более жесткие меры в отношении ставки центрального банка. Мексика на протяжении всего кризиса и последующего периода продемонстрировала более низкий уровень безработицы и меньший уровень потерь государственного бюджета.

Ключевые слова: поведение в экономике, долговой рынок, Латинская Америка, развивающиеся рынки, COVID-19, регион, кризис

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 23-28-01321 «Анализ поведения участников долгового рынка в условиях кризисных ситуаций в связанных экономиках».

Цитирование: Ромашкина Г. Ф., Андрианов К. В., Богданенко А. А. 2023. Анализ кризисов в связанных экономиках на примере стран Латинской Америки // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 1. С. 6–23. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-6-23>

Поступила 27.02.2023; одобрена 12.03.2023; принята 13.03.2023

Analysis of crises in related economies on the example of Latin American countries

Gulnara F. Romashkina, Kirill V. Andrianov[✉], Anna A. Bogdanenko

University of Tyumen, Tyumen, Russia
Corresponding author: kirvland@mail.ru[✉]

Abstract. This article provides an analysis of the key macroeconomic and financial indicators of Latin American countries in 2020–2022. The objective is to periodize the behavior of economic indicators in the connected economies of developing countries. The relevance of the study lies in the need to understand the mechanisms of behavior of economic entities in crisis situations. Latin American countries were chosen as a model for the study because they are characterized by a high degree of connectivity, as they all fall into the category of developing countries and differ significantly in the behavior of regulators in crisis conditions. Based on the objective, the analyzed period for the region under consideration was conditionally divided into four stages: the initial panic of 2020, the period of the beginning of recovery at the end of 2020, the recovery of economies against the background of rising inflation in 2021, and a decrease in recovery growth due to instability in 2022. The methodology shows general trends and characteristic deviations caused by general and specific factors. General trends describe the behavior of economic indicators in the selected four stages of the crisis. The deviations show how related economies react to general external shocks in specific conditions. For example, the size of the economy and domestic economic policy have shown themselves as specific factors. The results show that Brazil's larger economy was more affected by the inflationary shock and took tougher measures with regard to the central bank rate. Throughout the crisis and the subsequent period, Mexico demonstrated a lower unemployment rate and a lower level of government budget losses.

Keywords: economic behavior, debt market, Latin America, emerging markets, COVID-19, region, crisis

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation under grant No. 23-28-01321 “Analysis of the behavior of debt market participants in crisis situations in related economies”.

Citation: Romashkina, G. F., Andrianov, K. V., & Bogdanenko, A. A. (2023). Analysis of crises in related economies on the example of Latin American countries. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(1), 6–23. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-6-23>

Received Feb. 27, 2023; Reviewed Mar. 12, 2023; Accepted Mar. 13, 2023

Введение

Экономический кризис, получивший свое начало в 2020 г. в результате распространения COVID-19, привел к торможению темпов экономического роста во всем мире. По оценкам международных организаций в результате эпидемии коронавируса мировая экономика потеряла по оценкам специалистов Всемирного банка около 3% ВВП.

Динамика и структура прохождения так называемого коронакризиса различными странами была весьма сложной. После неизбежного шока, в течение 2021 г. ситуация в мировой экономике начала улучшаться, однако с марта 2022 г. рост цен на сырье и инфляция в развитых странах привели к еще большему сжатию экономики в развивающихся стран. Экономике различных стран и регионов по-разному реагировали на происходящие экономические потрясения в зависимости от проводимых правительствами политик и особенностей экономики. Опыт, с которым столкнулись различные страны и регионы на различных этапах экономических потрясений, требует всестороннего изучения и обобщения. Предметом анализа в данной работе является комплекс финансовых и макроэкономических показателей стран Латинской Америки на фоне коронакризиса. Цель работы — описание происходивших после 2019 г. процессов по динамике отдельных показателей структуры и качества развивающихся связанных экономик как примеров успешности (неуспешности) кризисного поведения.

Актуальность изучения стран Латинской Америки обусловлена тем, что этот регион представлен большим количеством стран, относимся к развивающимся экономикам. Для этих стран характерны тесные экономические связи внутри континента при большом разнообразии подходов к управлению экономикой и других экономико-географических признаков. Так, например, в регионе присутствуют как страны с собственной валютой (Бразилия, Аргентина и др.), так и те, в которых государственной валютой является доллар США (Панама, Эквадор и др.). При этом лишь в восьми из стран региона центральные банки применяют политику инфляционного таргетирования [De Gregorio, 2019], принятую в большинстве стран мира.

Отметим, что изучение разнообразия динамики показателей представляет самостоятельный интерес, поскольку служит основанием для выводов о способах и мерах

успешности (неуспешности) кризисного поведения стран с развивающимися экономиками, которые можно назвать связанными из-за высокой плотности межнациональных экономических связей. Для нас представлялось интересным продемонстрировать, насколько велика мера разнообразия динамики финансовых и экономических показателей в схожих внешних условиях, но с различными внутренними экономическими и иными политиками.

Методология и данные

Исследование посвящено изучению динамики некоторых финансовых и экономических показателей стран Латинской Америки в период кризисных 2020–2022 гг. и предкризисный период 2019 г. Для изучения в рамках этой работы были выбраны четыре макроэкономических показателя: уровень инфляции, ставки центральных банков, уровень безработицы и темпы роста ВВП. Среди важнейших финансовых показателей можно выделить следующие: динамика биржевых индексов стран, сальдо доходов государственных бюджетов, уровень государственного долга к ВВП. Оставляя вне рассмотрения причинно-следственные связи, мы сфокусировались на описании происходящих процессов и выявлении разнообразия динамики отдельных показателей. Инструментами для изучения разнообразия являются динамика и коэффициенты корреляции отдельных показателей.

Обоснование выбора показателей

Одним из важнейших индикаторов экономической ситуации является инфляция. Высокие значения инфляции были одной из причин экономических проблем региона в течение второй половины XX в. [Bittencourt, 2012; De Gregorio, 2019]. Ввиду того, что одной из главных особенностей текущей макроэкономической нестабильности является высокая инфляция во всем мире, страны Латинской Америки в текущих условиях вновь столкнулись с проблемой, которая мешала их экономическому развитию в прошлом. Индикатором для изучения инфляции в рамках этой работы послужили данные центральных банков об индексе потребительских цен (ИПЦ) в выражении год к году.

В рамках поддержания макроэкономической стабильности многие из центральных банков региона прибегли к повышению процентных ставок для сдерживания инфляции, что обуславливает целесообразность процентных ставок банков в их взаимосвязи с инфляцией. В качестве интегрального показателя динамики роста или спада экономики послужил темп роста ВВП в национальной валюте. Для сравнения размеров экономик в данной работе используется показатель размера номинального ВВП, выраженный в долларах США без пересчета по паритету покупательной способности.

Одним из ключевых показателей для изучения экономической ситуации являются биржевые индексы. Выбор данного показателя обусловлен тем, что биржевые индексы являются одним из первых индикаторов, который реагирует на шоки экономики и некоторым образом демонстрируют ожидания инвесторов относительно перспектив развития крупных компаний стран, а значит и экономики в целом. Например, бирже-

вые индексы были одними из первых индикаторов, прореагировавших на появление и развитие COVID-19 [Ngwakwe, 2020]. Также на биржевых индексах стран Латинской Америки в значительной степени отразился и предыдущий крупный экономический кризис в 2008 г. [Zhu и др., 2019].

Также важным финансовым показателем развития стран являются показатели государственного долга. Ряд исследований, например [Checherita-Westphal, Rother, 2012; Calderón, Fuentes, 2013], свидетельствуют о том, что отношение государственного долга к ВВП может оказывать влияние на экономический рост. С точки зрения кризиса 2022 г. данный показатель становится еще более актуальным в связи с ростом мировых процентных ставок и удорожанием обслуживания долга, которое ведет к увеличению расходов государственного бюджета.

Не менее важным фактором является и непосредственное сальдо государственного бюджета. Актуальность рассмотрения государственного бюджета обуславливается тем, что именно через него реализуются государственные политики поддержки населения. Именно в коронакризис многие государственные бюджеты оказались под ударом [Gordon и др., 2020].

В качестве базы были привлечены данные статистических ведомств и центральных банков восьми крупнейших стран материковой части Латинской Америки, по номинальному ВВП в долларах США 2021 г., без корректировки на ППС. В таблице 1 представлен список и размеры рассматриваемых экономик.

Таблица 1. Характеристики размера экономик рассматриваемых стран
Table 1. Characteristics of the size of the economies of the studied countries

Страна	Номинальный ВВП, млрд долларов США	ВВП на душу населения, долларов США
Бразилия	1 609	8 551
Мексика	1 293	9 255
Аргентина	491	12 391
Чили	317	14 322
Колумбия	314	6 443
Перу	223	6 506
Венесуэла	106	14 025
Эквадор	106	5 465

Результаты исследования и их обсуждение

Инфляция

Влияние инфляции на экономический рост подчеркивается в работах различных авторов (например, [Akinsola, Odhiambo, 2017]). Помимо такого эмпирического аспекта, проблема инфляции для рассматриваемого региона имеет и некий особый смысл — борьба

с ней была одной из основных целей правительств стран региона на протяжении второй половины XX в. [Bittencourt, 2012; De Gregorio, 2019]. Так, долговой рынок некоторых из рассматриваемых стран до настоящего времени преимущественно формируется с использованием плавающих ставок (Бразилия, Аргентина), либо индексируемых валют (Колумбия, Чили, Аргентина). Для изучения инфляции в данной работе используются индексы потребительских цен ИПЦ, раскрываемые национальными центробанками и статистическими ведомствами.

Динамика инфляции рассматриваемых стран представлена на рис. 1, из рассмотрения на графике исключена Венесуэла, инфляция в которой принимала значение в 344 509,5% в феврале 2019 г. и затем монотонно (за исключением нескольких месяцев) снижалась до значения в 114% в августе 2022 г.

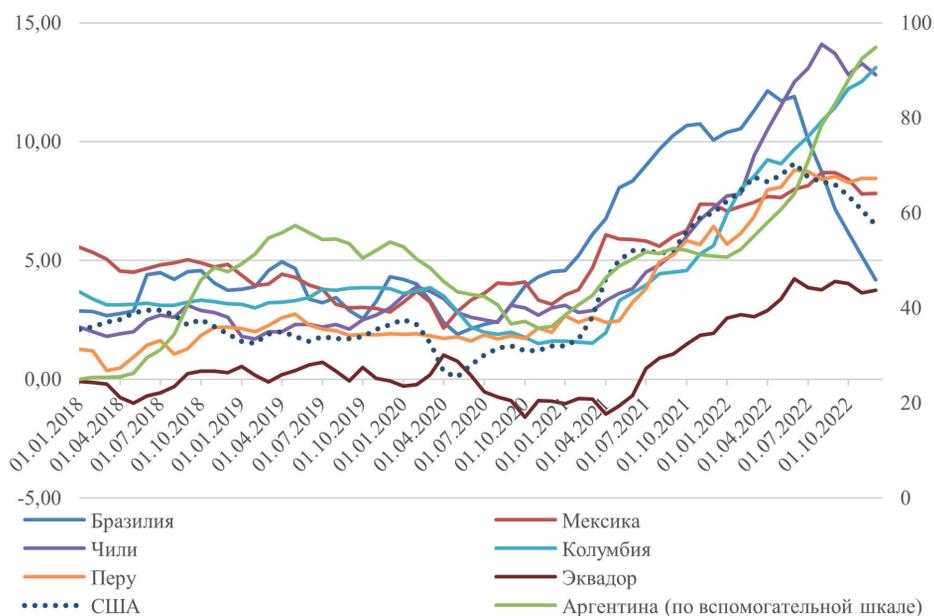

Рис. 1. Динамика индекса потребительских цен в странах Латинской Америки в 2018–2022 гг.

Примечание. Бразилия, Мексика, Чили, Колумбия, Перу, Эквадор, США — левая шкала; Аргентина — правая шкала.

Fig. 1. Dynamics of the consumer price index in Latin America in 2018–2022

Note. Brazil, Mexico, Chile, Colombia, Peru, Ecuador, USA — left axis; Argentina — right axis.

Как можно увидеть на рис. 1, большинство стран Латинской Америки преодолели 2020 г. без значительного повышения инфляции. Наибольшее ее увеличение — 0,32% наблюдалось в Мексике, в то время как в Аргентине, Эквадоре, Колумбии и Венесуэле инфляция за 2020 г. снизилась.

Повышение инфляции в регионе началось вслед за мировой тенденцией, вызванной QE¹ — в середине 2021 г. К концу 2021 г. во всех странах региона, кроме Венесуэлы, наблюдался значительный рост инфляции. При этом стоит отметить достаточно высокий уровень корреляции инфляции в национальных экономиках региона и экономике США.

В 2022 г. ситуация меняется и коэффициенты корреляции национальных инфляций к инфляции в США значительно снижаются.

Таблица 2. Взаимосвязь динамики финансово-экономических показателей континентальных стран Латинской Америки и США

Table 2. The relationship between the dynamics of financial and economic indices of the continental countries of Latin America and the USA

	Прирост инфляции к концу 2020 г., %	Коэф. корреляции с инфляцией США до начала 2022 г.	Коэф. корреляции с инфляцией США в 2021 г.	Коэф. корреляции с инфляцией США в 2022 г.
Бразилия	5,54	0,932**	0,951**	0,800*
Мексика	4,21	0,937**	0,957**	0,173
Аргентина	14,80	0,573*	0,942**	-0,542*
Чили	4,20	0,896**	0,858**	0,003
Колумбия	4,01	0,874**	0,938**	-0,471
Перу	4,46	0,92**	0,788**	0,137
Венесуэла	-2 273,40	-0,29	-0,775**	-0,577*
Эквадор	2,87	0,801**	0,757**	0,085

Примечание: * — значимо на уровне $p < 0,05$;

** — значимо на уровне $p < 0,01$ (двусторонняя).

Note: * — significant at the level of $p < 0.05$;

** — significant at the level of $p < 0.01$ (two-sided).

Ставки центральных банков

В борьбе с нарастанием инфляции центральные банки (ЦБ) рассматриваемых стран были вынуждены начать поднимать процентные ставки. При этом, в отличие от развитых стран, где увеличение ключевых ставок началось лишь весной 2022 г., в Латинской Америке центральные банки начали увеличивать ставки уже в середине 2021 г. (рис. 2). Первым к политике повышения ставок перешел ЦБ Бразилии еще в апреле 2021 г. За ним последовали и другие крупные экономики — Мексика, Чили и Перу.

¹ Количественное смягчение (англ. *Quantitative easing, QE*) — монетарная политика, используемая центральными банками для стимулирования национальных экономик.

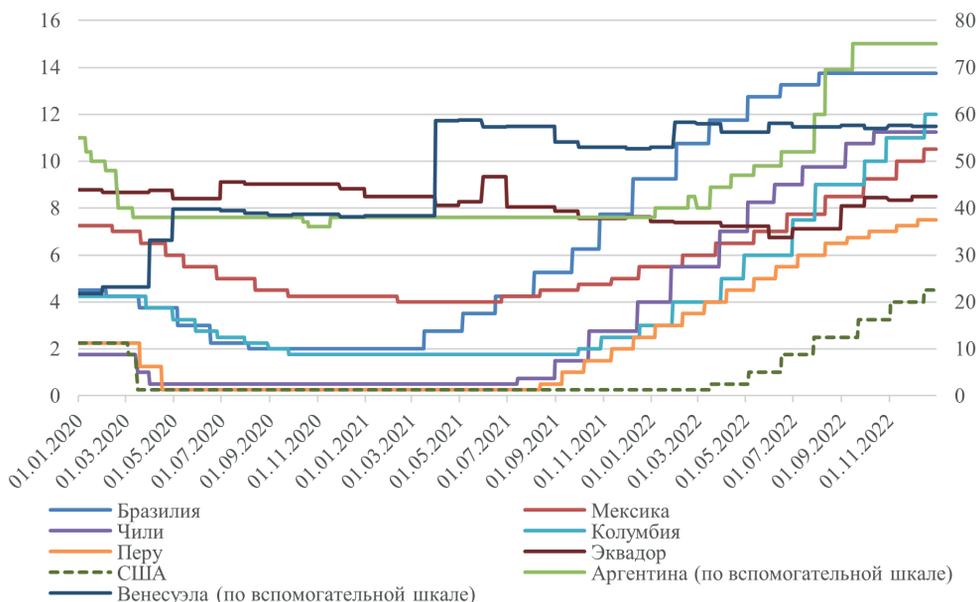

Рис. 2. Ставки центральных банков рассматриваемых стран в 2018–2022 гг.

Примечание: Бразилия, Мексика, Чили, Колумбия, Перу, Эквадор, США — левая шкала; Аргентина, Венесуэла — правая шкала.

Fig. 2. Rates of central banks of the studied countries in 2018–2022

Note: Brazil, Mexico, Chile, Colombia, Peru, Ecuador, USA — left axis; Argentina, Venezuela — right axis.

Возвращаясь к динамике инфляции, стоит отметить, что в Бразилии, Мексике и Перу подобная ранняя реакция монетарных властей на увеличение инфляции позволила странам во второй половине 2021 г. удерживать примерно постоянные спреды с инфляцией в США, а ко второй половине 2022 г. даже уравнивать значения инфляций с крупнейшей экономикой мира. Обратим внимание, что именно в этих странах наблюдается стабилизации волатильности биржевых индексов, что может свидетельствовать о том, что своевременные действия центральных банков в некоторой мере способствовали снижению паники на рынках.

Индексы ВВП

Одним из интегральных показателей для изучения экономик можно назвать ВВП. Динамику ВВП, как правило, невозможно использовать для текущего анализа кризисов, т. к. данные по ней выпускаются с задержкой в несколько месяцев. Однако изучение этой динамики позволяет оценить, как внутренние и внешние факторы в итоге повлияли на национальные экономики (рис. 3).

Анализ динамики ВВП рассматриваемых стран Латинской Америки позволяет заключить, что большинство из них смогли в 2021 г. вернуться к докризисному уровню ВВП.

Исключениями стали Аргентина, Мексика и Эквадор. Эквадор не представлен на графике ввиду недоступности данных по 3-му кварталу 2022 г., по состоянию на 2-й квартал 2022 г. его ВВП составлял 99,58% от базы сравнения 30.06.2017. В течение 2022 г. рост ВВП во всех рассматриваемых странах несколько замедлился, но остался положительным, что позволяет сделать вывод о том, что кризис 2022 г., по состоянию к концу 3-го квартала года, в меньшей степени сказался на рассматриваемых странах Латинской Америки нежели коронакризис 2020 г.

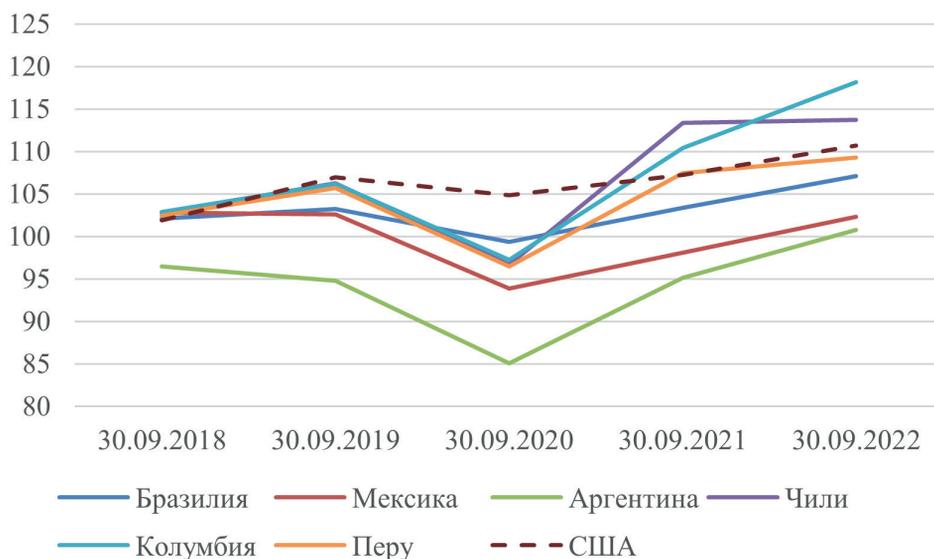

Рис. 3. Индексы ВВП (в национальной валюте) рассматриваемых стран в 2018–2022 гг. (база сравнения — 30.09.2017)

Fig. 3. GDP indices (in national currency) of the studied countries in 2018–2022 (comparison base — Sept. 30, 2017)

Не менее важным макроэкономическим показателем в разрезе исследования кризисов является безработица. По данным всемирного банка, всего за 2020 г. безработица выросла в среднем по миру на 0,4%. Страны Латинской Америки же, продемонстрировали куда более активный рост данного показателя (рис. 4).

Пик уровня безработицы во всех странах региона пришелся на второй-третий кварталы 2020 г. Вопреки интуитивным ожиданиям, не все крупные экономики региона смогли сдержать всплеск безработицы и лидерами по росту безработицы (по отношению к началу 2020 г.) стали Эквадор (+11,8%), Перу (+10,2%) и Колумбия (+9,95%). Примечательным в разрезе изучения динамики безработицы является то, что после периода восстановления мировой экономики в 2021 г. уже в 2022 г. уровни безработицы в большинстве стран продолжают снижаться. По состоянию на конец 2022 г. безработица в большинстве рассматриваемых стран ниже, чем в первом квартале 2020 г. С одной стороны, этот факт может подтверждать давно известное макроэкономическое

тождество обратной взаимосвязи инфляции и безработицы (а кризис 2022 г. характеризуется, в т. ч., резким ростом инфляции). С другой стороны, период второй половины 2022 г. для многих стран характеризуется одновременным снижением и безработицы и инфляции при высоких ставках ЦБ.

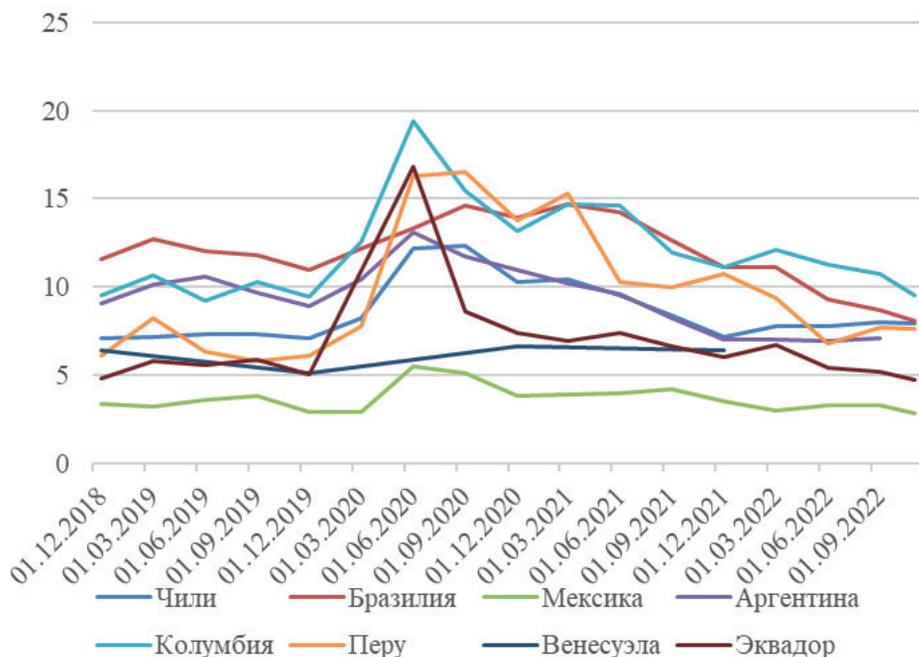

Рис. 4. Уровень безработицы рассматриваемых стран в 2018–2022 гг.

Fig. 4. The unemployment rate of the studied countries in 2018–2022

Динамика биржевых индексов

Важным фактором, связываемым с инфляцией, является динамика финансового рынка различных развитых и развивающихся странах [Boyd, 2001]. Внимание в этой области уделяется и частным экономическим феноменам, например, бурному росту финансового рынка Ирана [Нами, 2017], который связывают тем, что финансовый рынок стал для населения способом спасения сбережений от инфляции.

Помимо этого, динамику финансового рынка можно отнести к опережающим индикаторам кризиса. На рис. 6 представлена динамика индексов цен закрытия биржевых индексов по состоянию на последний месяца с учетом корректировки на инфляцию за сопоставимый период. Базой расчетов является состояние на 31 января 2020 г.

В первую очередь стоит отметить высокую степень согласованности динамики индексов рассматриваемых стран с индексом S&P 500, который можно обозначить как некий общемировой тренд ситуации на рынках акций (рис. 5).

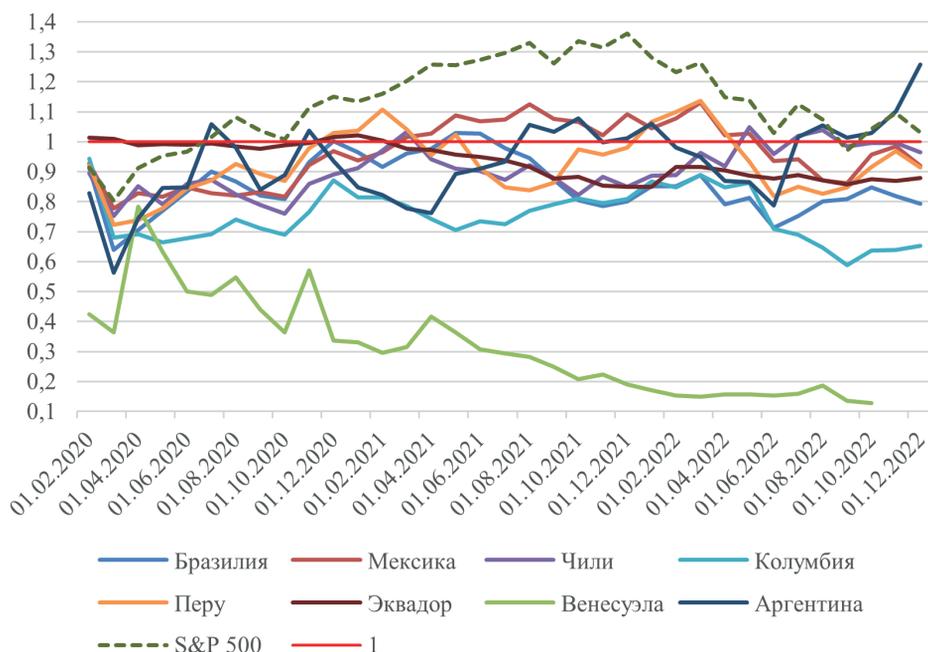

Рис. 5. Динамика биржевых индексов рассматриваемых стран к 31.01.2020, с корректировкой на инфляцию

Fig. 5. Dynamics of stock indices of the studied countries by Jan. 31, 2020, adjusted for inflation

Однако если доходность Американского фондового рынка уже к середине 2020 г. по отношению к его началу оказалась в положительной зоне с учетом инфляции и находится в ней до сих пор, то лишь несколько из индексов стран Латинской Америки смогли восстановить свою доходность к середине 2021 г. По состоянию же на конец лета 2022 г. лишь Аргентина и Чили демонстрируют положительную доходность в расчете к началу 2020 г. Медианным же значением для рассматриваемых стран является 0,85, что свидетельствует о том, что восстановительный рост после выхода мировых рынков из коронавирусного кризиса для рынков Латинской Америки де-факто нивелирован текущим кризисом.

Несколько хуже ситуация с сальдо доходов государственных бюджетов. Если в 2019 г. большинству рассматриваемых стран удавалось балансировать на грани дефицита бюджета, то начиная с 2020 г. дефицит бюджетов стал серьезной проблемой (рис. б). Выделив в качестве референтного значение показатель ВВП за предкризисный 2019 г., были рассчитаны показатели отношения накопленного государственного долга к этому показателю. Следуя логике рассчитанного значения, можно сделать вывод о том, что крупнейшие экономики региона, продемонстрировав большую устойчивость в вопросе увеличения инфляции и падения биржевых индексов, за последние два года накопили и крупнейший бюджетный дефицит.

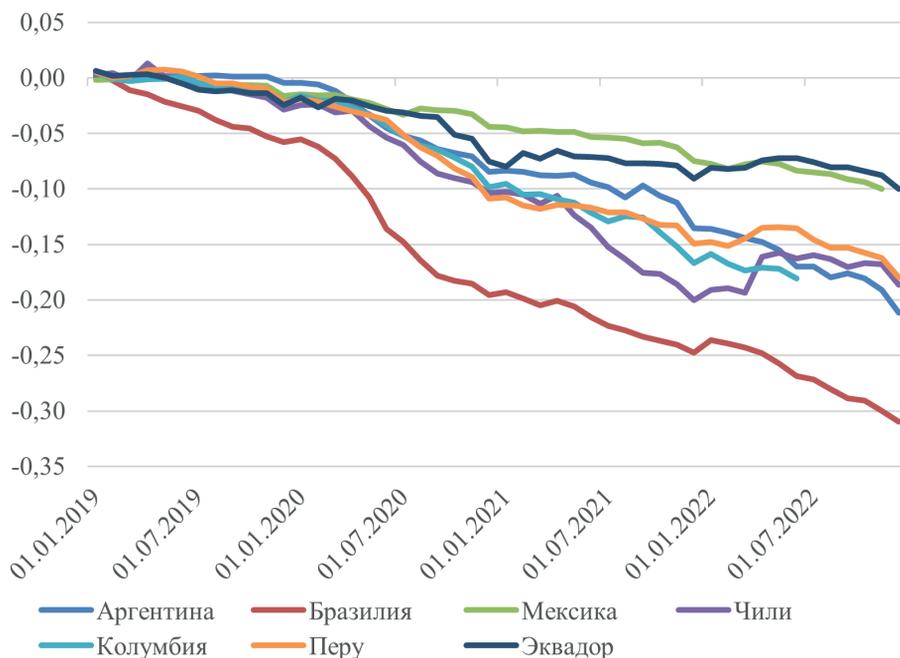

Рис. 6. Отношение накопленного сальдо государственного бюджета рассматриваемых стран с 01.01.2019, в % по отношению к ВВП 2019 г.

Fig. 6. The ratio of the accumulated balance of the state budget of the studied countries since Jan. 1, 2019, in % relative to GDP in 2019

В большинстве стран на начало 2022 г. наблюдается уменьшение показателей дефицита. Однако последующий сырьевой кризис и мировое повышение ставок в начале второго полугодия 2022 г. обратило эту тенденцию вспять и к концу года страны Латинской Америки подходят со стабильно увеличивающимся дефицитом. Венесуэла в данном случае отсутствует в анализе ввиду отсутствия статистики по государственному бюджету.

Одним из факторов нарастающего бюджетного дефицита мог стать накопленный в предыдущие года государственный долг. Доступность данных позволяет оценить этот показатель лишь к моменту начала 2022 г. Хотя этого и недостаточно для описания текущей ситуации с государственным долгом, стоимость содержания которого в 2022 г. значительно выросла, но данные позволяют оценить влияние коронакризиса на рассматриваемые экономики (рис. 7).

Основная тенденция в изучаемых странах за последние 3 года — наращивание государственного долга. В условиях реализации политики QE в период пандемии коронавируса в 2020–2021 гг., наращивание государственного долга не несло серьезной угрозы экономикам ввиду низкого процента за обслуживание долга. Однако резкий рост ставок в середине 2022 г. сделал обслуживание долгов гораздо дороже, что и могло еще сильнее усугубить ситуацию с государственным бюджетом.

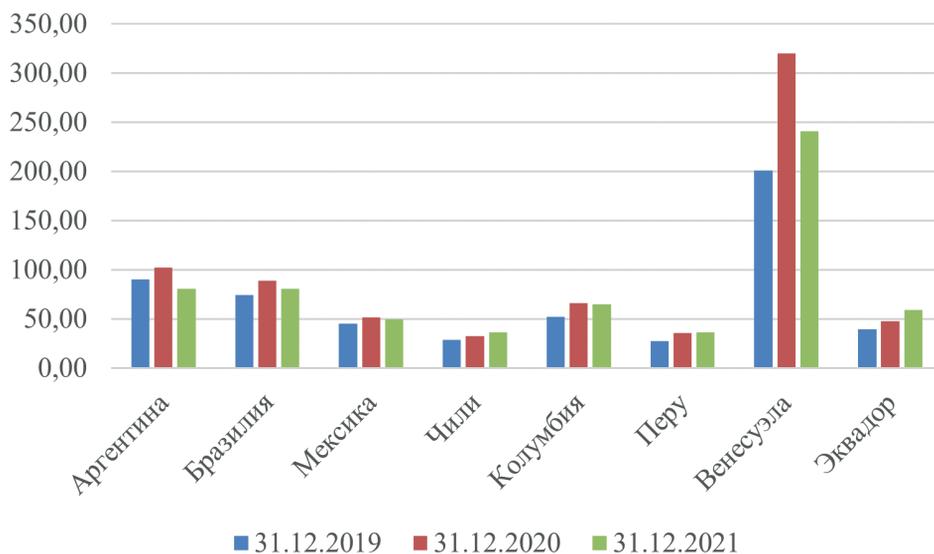

Рис. 7. Отношение государственного долга рассматриваемых стран к ВВП, %

Fig. 7. The ratio of the public debt of the studied countries to GDP, %

Отметим, что все рассмотренные страны существенно отличаются по качеству здравоохранения и тому, как они прошли коронакризис с точки зрения сохранения населения. Наиболее болезненным удар коронакризиса сказался в Перу. Это не самая большая страна региона с не самой большой плотностью населения, относительно маленьким номинальным ВВП и низким уровнем государственного долга по отношению к ВВП. В Перу политика по отношению в пандемии COVID-19 характеризовалась крупным кризисом здравоохранения, по официальным данным на февраль 2023 г. в стране погибло 6,73 чел. [Коронавирус в Эквадоре] на 1 000 населения, и это самый высокий показатель в регионе. Следующие в регионе страны по доли умерших от COVID-19 в численности — Чили, где по тем же данным смертность составила 3,36 чел. на 1 тыс. и Аргентина с уровнем смертности 2,91. При этом Перу одна из стран с самой низкой долей расходов на здравоохранение (5% от ВВП), высочайшим уровнем неформальной экономики, включающей по разным данным до 70% населения [Ермольева, 2021]. Уровень расходов на здравоохранение в Чили составил 9%, а в Аргентине — 9,1% к ВВП.

Заключение

Для большинства стран Латинской Америки рассмотренные показатели демонстрируют примерно схожую динамику, для обобщения которой можно прибегнуть к следующей периодизации с начала коронавирусного кризиса в феврале 2020 г.

Период с начала пандемии коронавируса и до середины 2020 г. характеризуется ростом безработицы и некоторой паникой на финансовых рынках при слабой волатильности

остальных показателей. Благодаря снижению процентных ставок и активным заимствованиям со стороны бюджетов было заложено основание для наращивания дефицита бюджетов. При этом наблюдается значительный спад ВВП в большинстве стран к концу 2020 г.

Период с конца 2020 г. до конца 1 квартала 2021 г. характеризуется спадом безработицы, укреплением биржевых показателей, и некоторым восстановлением экономик при сохранении низких ставок центральных банков и достаточной низкой инфляции. Объем дефицита бюджетов в этот период продолжает накапливаться.

Период с конца 1 квартала 2021 г., это период роста инфляции на фоне восстановления экономики. В течение всего 2021 г. центральные банки в попытке побороть инфляцию повышали ставки. К концу 2021 г. в большинстве стран наблюдалось увеличение ВВП и появилась тенденция к сокращению дефицитов бюджетов. Финансовые рынки рассматриваемых стран вошли в восстановительный рост.

Период с конца 1 квартала 2022 г. Нестабильность и сырьевой кризис в глобальной экономике в этот период приводят к тому, что на фоне сокращающейся безработицы и роста ВВП происходит еще более сильное увеличение инфляции. В этот период центробанки вынуждены, повинуясь мировому тренду, всё сильнее поднимать ставки. Нестабильность приводит к новым колебаниям на финансовых рынках, а увеличивающиеся ставки центральных банков делают высокой стоимость обслуживания государственного долга. Этот и другие факторы так же приводят к развороту динамики сальдо государственных бюджетов снова в сторону увеличения дефицита.

Динамика анализируемых показателей в целом согласуется с тенденциями в мировой экономике, но имеются особенности, обусловленные, во-первых, тем, что все рассматриваемые страны входят в клуб развивающихся. При этом учет и обобщение поведения экономических индикаторов в связанных экономиках развивающихся стран важен для анализа как набор возможных удачных и неудачных практик поведения рынков и монетарных властей в условиях «идеального шторма», к которому справедливо можно отнести коронакризис 2020–2021 гг. Четыре выделенных этапа кризиса демонстрируют общие тенденции, но и имеют важные отклонения, связанные с особенностями внутренней экономической политики и размером экономики. Можно заключить, что, помимо общих факторов, имеются специфические, которые важно выделить для дальнейшего анализа. Рассматриваемые страны в различной степени привязаны к экономике США, имеют разный размер и специфики поведения национальных банков.

Например, при общей согласованности индексов, более крупная экономика Бразилии в большей степени пострадала от инфляционного шока и принимала более жесткие меры в отношении ставки центрального банка. Мексика, также являющаяся крупной развивающейся страной региона, на протяжении всего кризиса и последующего периода продемонстрировала более низкий уровень безработицы и меньший уровень потерь государственного бюджета.

Более мелкие по размеру экономики характеризуются существенно большей чувствительностью к шокам, но их поведение определено скорее общими для региона факторами, чем внутренними политиками, что и демонстрирует нам высокий уровень согласованности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Ермольева Э. Г. 2021. Коронакризис в Латинской Америке: как спасти человеческий капитал? // *Мировая экономика и международные отношения*. Том 65. №. 10. С. 133–141.
- Коронавирус в Эквадоре // *Всемирная статистика по коронавирусу COVID-19 | Вестник коронавируса*. URL: <https://covid.observer/ec.ru/> (дата обращения: 25.02.2023).
- Процентные ставки ЦБ // *Cbonds*. URL: <https://cbonds.ru/central-bank-rates/> (дата обращения: 10.02.2023).
- A Bolsa do Brasil | B3. URL: <https://www.b3.com.br/> (дата обращения: 10.02.2023).
- Akinsola F. A., Odhiambo N. M. 2017. Inflation and Economic Growth: a Review of The International Literature // *Comparative Economic Research, Sciendo*. Vol. 20. No. 3. Pp. 41–56. <https://doi.org/10.1515/cer-2017-0019>
- Banco Central de Reserva del Perú. URL: <https://www.bcrp.gob.pe/en> (дата обращения: 10.02.2023).
- Banco Central do Brasil. URL: <https://www.bcb.gov.br/en> (дата обращения: 10.02.2023).
- Banco Central do Venezuela. URL: <https://www.bcv.org.ve/> (дата обращения: 10.02.2023).
- Banxico, central bank, Banco de México. URL: <https://www.banxico.org.mx/indexen.html> (дата обращения: 10.02.2023).
- Bienvenidos — Bolsa de Valores de Lima — BVL. URL: <https://www.bvl.com.pe/> (дата обращения: 10.02.2023).
- Bittencourt M. 2012. Inflation and economic growth in Latin America: Some panel time-series evidence // *Economic Modelling*. Vol. 29. No. 2. Pp. 333–340. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2011.10.018>
- Bolsa de Valores de Caracas. URL: <https://www.bolsadecaracas.com/> (дата обращения: 10.02.2023).
- Bolsa de Valores de Colombia. Mercado de capitals | bvc. URL: <https://www.bvc.com.co/> (дата обращения: 10.02.2023).
- Bolsa de Valores de Quito Sociedad Anónima | La mejor opción de Inversión y Financiamiento del Ecuador. URL: <https://www.bolsadequito.com/> (дата обращения: 10.02.2023).
- Bolsa Mexicana de Valores | Grupo BMV. URL: <https://www.bmv.com.mx/> (дата обращения: 10.02.2023).
- Boyd J. H., Levine R., Smith B. 2001. The Impact of Inflation on Financial Sector Performance // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 47. No. 2. Pp. 221–248. [https://doi.org/10.1016/S0304-3932\(01\)00049-6](https://doi.org/10.1016/S0304-3932(01)00049-6)
- Calderón C., Fuentes J. R. 2013. Government debt and economic growth // *IDB Working Paper Series*. No. IDB-WP-424.
- Central Bank of Argentina. URL: https://www.bcra.gob.ar/varios/english_information.asp (дата обращения: 10.02.2023).
- Central Bank of Ecuador. URL: <https://www.bce.fin.ec/en/> (дата обращения: 10.02.2023).
- Checherita-Westphal C., Rother P. 2012. The impact of high government debt on economic growth and its channels: an empirical investigation for the euro area // *European Economic Review*. Vol. 56. No. 7. Pp. 1392–1405.
- Cotizaciones en Tiempo Real | БУМА Bolsas y Mercados Argentinos. URL: <https://open.bymadata.com.ar/#/dashboard> (дата обращения: 10.02.2023).

- Country List Government Debt to GDP // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/government-debt-to-gdp> (дата обращения: 10.02.2023).
- De Gregorio J. 2019. Inflation Targets in Latin America // Peterson Institute for International Economics. Working Paper 19-19.
- Emisores de Renta Variable // SANTIAGOX. URL: <https://www.bolsadesantiago.com/emisores> (дата обращения: 10.02.2023).
- GDP Annual Growth Rate // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/gdp-annual-growth-rate> (дата обращения: 10.02.2023).
- Gordon T., Dadayan L., Rueben K. 2020. State and local government finances in the COVID-19 era // National Tax Journal. Vol. 73. No. 3. Pp. 733–758.
- Hami M. 2017. The Effect of Inflation on Financial Development Indicators in Iran (2000–2015) // Studies in Business and Economics. Vol. 12. No. 2. Pp. 53–62. <https://doi.org/10.1515/sbe-2017-0021>
- Home // Banco de la República. URL: <https://www.banrep.gov.co/en> (дата обращения: 10.02.2023).
- Home // Banco Central de Chile. URL: <https://www.bcentral.cl/en/home> (дата обращения: 10.02.2023).
- Ngwakwe C. C. 2020. Effect of COVID-19 pandemic on global stock market values: a differential analysis // Acta Universitatis Danubius. Œconomica. Vol. 16. No. 2. Pp. 255–269.
- Unemployment Rate // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/country-list/unemployment-rate> (дата обращения: 10.02.2023).
- World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 10.02.2023).
- Zhu Z., Bai Z., Vieito J. P., Wong W.-K. 2019. The impact of the global financial crisis on the efficiency and performance of Latin American stock markets // Estudios de Economía. Vol. 46. No. 1. Pp. 5–30.

References

- Ermolyeva, E. G. (2021). Preserving Latin American Regional Human Capital in the Midst of the Corona Crisis. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 65(10), 133–141. [In Russian]
- World Coronavirus COVID-19 Statistics | Coronavirus Bulletin. (n.d.). *Coronavirus in Ecuador*. Retrieved Feb. 25, 2023, from <https://covid.observer/ec/ru/>. [In Russian]
- Cbonds. (n.d.). *Central banks interest rates*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://cbonds.ru/central-bank-rates> [In Russian]
- B3. (n.d.). *A Bolsa do Brasil*. <https://www.b3.com.br>
- Akinsola F. A., Odhiambo N. M. (2017). Inflation and Economic Growth: a Review of The International Literature. *Comparative Economic Research, Sciendo*, 20(3), 41–56. <https://doi.org/10.1515/cer-2017-0019>
- BCRP. (n.d.). *Banco Central de Reserva del Perú*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://www.bcrp.gob.pe/en>

- BCB. (n.d.). *Banco Central do Brasil*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://www.bcb.gov.br/en>
- BCV. (n.d.). *Banco Central do Venezuela*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://www.bcv.org.ve>
- Banxico, central bank, Banco de México. (n.d.). Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://www.banxico.org.mx/indexen.html>
- BVL. (n.d.). *Bienvenidos — Bolsa de Valores de Lima — BVL*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://www.bvl.com.pe>
- Bittencourt, M. (2012). Inflation and economic growth in Latin America: Some panel time-series evidence. *Economic Modelling*, 29(2), 333–340.
- BVC. (n.d.). *Bolsa de Valores de Caracas*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://www.bolsadecaracas.com>
- Bolsa de Valores de Colombia. (n.d.). *Mercado de capitales | bvc*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://www.bvc.com.co>
- BVQ. (n.d.). *Bolsa de Valores de Quito Sociedad Anónima | La mejor opción de Inversión y Financiamiento del Ecuador*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://www.bolsadequito.com>
- Grupo BMV. (n.d.). *Bolsa Mexicana de Valores*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://www.bmv.com.mx>
- Boyd, J. H., Levine R., Smith B. (2001). The Impact of Inflation on Financial Sector Performance. *Journal of Monetary Economics*, 47(2), 221–248. [https://doi.org/10.1016/S0304-3932\(01\)00049-6](https://doi.org/10.1016/S0304-3932(01)00049-6)
- Calderón, C. & Fuentes, J. R. (2013). Government debt and economic growth (No. IDB-WP-424). *IDB Working Paper Series*.
- BCRA. (n.d.). *Central Bank of Argentina*. Retrieved Feb. 10, 2023 from https://www.bcra.gov.ar/variros/english_information.asp
- BCE. (n.d.). *Central Bank of Ecuador*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://www.bce.fin.ec/en>
- Checherita-Westphal, C. & Rother, P. (2012). The impact of high government debt on economic growth and its channels: an empirical investigation for the euro area. *European Economic Review*, 56(7), 1392–1405.
- BYMADATA. (n.d.). *Cotizaciones en Tiempo Real | BYMA Bolsas y Mercados Argentinos*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://open.bymadata.com.ar/#/dashboard>
- Trading Economics. (n.d.). *Country List Government Debt to GDP*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://tradingeconomics.com/country-list/government-debt-to-gdp>
- De Gregorio, J. (2019). Inflation Targets in Latin America. *Peterson Institute for International Economics Working Paper* (19-19).
- SANTIAGOX. (n.d.). *Emisores de Renta Variable*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://www.bolsadesantiago.com/emisores>
- Trading Economics. (n.d.). *GDP Annual Growth Rate*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://tradingeconomics.com/country-list/gdp-annual-growth-rate> [In Russian]
- Gordon T., Dadayan L., & Rueben K. 2020. State and local government finances in the COVID-19 era. *National Tax Journal*, 73(3), 733–758.
- Hami M. (2017). The Effect of Inflation on Financial Development Indicators in Iran (2000–2015). *Studies in Business and Economics*, 12(2), 53–62. <https://doi.org/10.1515/sbe-2017-0021>
- Banco de la República. (n.d.). *Home*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://www.banrep.gov.co/en>

- Banco Central de Chile. (n.d.). *Home*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://www.bcentral.cl/en/home>
- Ngwakwe, C. C. (2020). Effect of COVID-19 pandemic on global stock market values: a differential analysis. *Acta Universitatis Danubius. Œconomica*, 16(2), 255–269.
- Trading Economics. (n.d.). *Unemployment Rate*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://trading-economics.com/country-list/unemployment-rate>
- World Bank. (n.d.). *World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files*. Retrieved Feb. 10, 2023 from <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>
- Zhu, Z., Bai, Z., Vieito, J. P., & Wong, W. K. (2019). The impact of the global financial crisis on the efficiency and performance of Latin American stock markets. *Estudios de Economía*, 46(1).

Информация об авторах

- Гульнара Фатыховна Ромашкина*, профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
g.f.romashkina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7764-5566>
- Кирилл Владимирович Андрианов*, аспирант, направление экономика социология, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
kirvland@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4135-0878>
- Анна Андреевна Богданенко*, студентка, направление экономика, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
bogdanenko_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9919-8541>

Information about the authors

- Gulnara F. Romashkina*, Dr. Sci. (Soc.), Professor of the Department of Economic Security, System Analysis and Control, Tyumen State University, Tyumen, Russia
g.f.romashkina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7764-5566>
- Kirill V. Andrianov*, Postgraduate Student, Economic Sociology, Tyumen State University, Tyumen, Russia
kirvland@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4135-0878>
- Anna A. Bogdanenko*, Undergraduate Student, Economics, Tyumen State University, Tyumen, Russia
bogdanenko_a@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9919-8541>

Жизнь соло в зеркале зарубежных социально-экономических исследований

Елена Анатольевна Любимова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Контакт для переписки: e.a.lyubimova@utmn.ru

Аннотация. Цель статьи — характеристика феномена жизни соло через призму зарубежных исследований с позиции экономического и социологического подходов. Жизнь соло — это общемировая тенденция, которая наблюдается во всем западном мире и распространяется на незападные страны. Междисциплинарный подход позволяет дать комплексное представление об изучаемом феномене. На первом этапе исследования анализу подвергнуто более 100 научных публикаций за период 2000–2022 гг. Автор выявил три актуальных исследовательских подхода к изучению феномена жизни соло: экономический, социологический и психологический. На втором этапе исследования отобраны 26 научных работ социально-экономической направленности. Они положены в основу качественного анализа зарубежной социально-экономической репрезентации жизни соло. Учет специфики одиночного образа жизни в рамках экономического подхода актуален для обоснования государственной политики в сфере недвижимости, градостроительства, сферы туризма и досуга. Эта демографическая тенденция оказывает заметное влияние на общество, поскольку во многих отношениях одиночки ведут себя иначе, чем другие слои населения. Значительная представленность жизни соло сопоставляется с традиционными домашними хозяйствами и общественными практиками. Этот феномен развивается, меняя социальную действительность и представления о взаимоотношениях, воздействует на специфику градостроительства и экономики. Социологический подход к данной тематике акцентирует внимание на отсутствии устоявшихся культурных моделей и амбивалентность жизни соло, а также описывает дискриминацию живущих соло, которая исследуется через стереотипы по отношению к ним и соотношение работа — личная жизнь. Наблюдаются половые различия в отношении к жизни соло: так, одинокие мужчины, которые строят карьеру, оцениваются положительно, женщины — негативно. Жизнь соло присутствует во всех социальных слоях, и может рассматриваться как стратегия совладания с вызовами социума, создания жизненного пространства для рекреации.

Ключевые слова: жизнь соло, экономический подход к жизни соло, социологический подход к жизни соло, анализ зарубежных исследований жизни соло

Цитирование: Любимова Е. А. 2023. Жизнь соло в зеркале зарубежных социально-экономических исследований // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 1. С. 24–43. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-24-43>

Поступила 19.01.2023; одобрена 08.02.2023; принята 21.02.2023

Solo living in the mirror of foreign socio-economic studies

Elena A. Lyubimova

University of Tyumen, Tyumen, Russia
Corresponding author: e.a.lyubimova@utmn.ru

Abstract. The purpose of the article is to characterize the phenomenon of solo living through the prism of foreign studies from the standpoint of economic and sociological approaches, revealing its interdisciplinarity and multidirection. Solo living is a worldwide trend that is observed throughout the Western world and extends to non-Western countries. The use of an interdisciplinary approach allows us to give a comprehensive idea of the phenomenon under study. At the first stage of the study, more than 100 scientific publications for the period 2000–2022 relevant to the topic were analyzed, on the basis of which the author was able to identify three relevant research approaches to the study of the phenomenon of solo living — economic, sociological and psychological. At the second stage of the study, 26 scientific papers of socio-economic orientation were selected, which are the basis for a qualitative analysis of the foreign socio-economic representation of solo living.

Taking into account the specifics of a single lifestyle within the framework of an economic approach is relevant for the justification of state policy in the field of real estate, urban planning, tourism and leisure. This demographic trend has a noticeable impact on society, because in many respects singles behave differently than other segments of the population. The significant representation of solo living is compared with traditional households and social practices. This phenomenon develops, changing social reality and ideas about relationships, affects the specifics of urban planning and economics. The sociological approach to this topic focuses on the absence of established cultural models and the ambivalence of solo living, and also describes the discrimination of solo living, which is investigated through stereotypes

to them and the relationship “work — personal life”. There are gender differences in the attitude to solo living, so, single men who are building a career are evaluated positively, women — negatively. Solo living is present in all social strata, and can be considered as a strategy for coping with the challenges of society, creating a living space for recreation.

Keywords: solo living, economic approach, sociological approach, analysis of foreign studies of solo living

Citation: Lyubimova, E. A. (2023). Solo living in the mirror of foreign socio-economic studies. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(1), 24–43. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-24-43>

Received Jan. 19, 2023; Reviewed Feb. 8, 2023; Accepted Feb. 21, 2023

Введение

Целью статьи является характеристика феномена жизни соло в актуальных зарубежных социально-экономических исследованиях. Жизнь соло во многих странах является самым быстрорастущим типом домашнего хозяйства. Учет этого тренда актуален в разработке национальной политики, планирования новых районов с высокой плотностью населения. Сольное проживание актуально для различных социальных групп: высококвалифицированных специалистов, женщин, пожилых. Также оно интегрируется в различные сферы жизнедеятельности общества: строительство, недвижимость, бытовая инфраструктура, сфера услуг, туризм.

Жизнь соло — это достаточно новый социальный тренд, который отражает растущую индивидуализацию и детрадиционализацию современного общества. Увеличение доли только живущих людей воспринимается неоднозначно, поскольку свидетельствует о наличии кризиса традиционных семейно-брачных институтов. Жизнь соло не претендует на статус преобладающего образа жизни в обозримой перспективе, однако актуализируется своего рода легализация в массовом сознании возможности осознанного выбора данного жизненного стиля.

Методы

Исследование строится в рамках сравнительного метода анализа, одного из ведущих методов компаративной социологии, который подразумевает соотнесение данных в качественном и количественном отношениях. Как отмечает Н. Дж. Смелзер: «вся социальная наука строится на различиях между людьми и социальными укладами» [Смелзер, с. 4], сравнение которых возможно по различным основаниям. Объективность результата научного исследования посредством сравнительного метода достигается через использование системного подхода к анализу информации и достоверной источниковой базы. Сравнительный анализ дает возможность исследовать истоки феномена жизни соло, оценить его современное состояние и спрогнозировать направление

развития. Использование междисциплинарного подхода является основой успешного изучения жизни соло с позиции разных научных направлений, позволяя сформировать комплексное представление об изучаемом феномене.

В качестве платформы для анализа научных публикаций выбран Elsevier — один из четырех крупнейших научных издательских домов мира. На первом этапе исследования подвергнуто анализу более 100 научных, релевантных теме публикаций за период 2000–2022 гг., на основе которого автору удалось выявить три актуальных исследовательских подхода к изучению феномена жизни соло: экономический, социологический и психологический. Последний остается за пределами данного исследования, подробнее освещается в наших работах [Любимова, Андреева, 2018; Любимова, 2020]. На втором этапе исследования отобраны 26 научных работ социально-экономической направленности, которые положены в основу качественного анализа зарубежной социально-экономической репрезентации жизни соло.

Результаты

Наполнение дефиниции «жизнь соло» в зарубежных исследованиях осуществляется с помощью характеристики различных аспектов указанного феномена. Поэтому для поиска статей использовались несколько ключевых терминов: “solo living”, “living alone”, “single people”, “singlehood”, “solitary living”, “living apart relationships”, “one-person households”. Выбор указанного временного промежутка соответствует актуализации научного интереса к жизни соло. Реконструкция содержания и эволюции дефиниции «жизнь соло» предполагает опору не только на данные исследований указанного феномена в развитых странах с индивидуалистской культурой, где этому способствуют множество факторов, но и в странах с традиционной культурой института семьи.

Палитра зарубежных исследований феномена жизни соло весьма разнообразна. Этот вопрос исследуется в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии, европейских странах: Великобритании, Ирландии, Израиле, Нидерландах, Польше, Финляндии, Швейцарии — в азиатских странах: например, Иран, Сингапур; Корея; Индонезия; Китай; Вьетнам, Таиланд, Мьянма, Япония — и африканских обществах.

Живущий соло описывается следующими признаками:

- «1) горожанин; 2) наличие отдельного жилья (в собственности или арендуемого);
- 3) без партнера, детей и других родственников; 4) самостоятельное ведение домашнего хозяйства (ни с кем не разделяет расходы и доходы)» [Любимова, Андреева, 2018, Любимова, 2020].

Дефиниция «жизнь соло» содержательно отличается от понятия «одиночество» (loneliness), и заслуживает отдельного изучения [Jamieson и др., 2009]. Предлагаются различные концепции одиночной жизни: «оставшиеся женщины» в Китае, «женщины-паразиты» в Японии, «позднее одиночество» («late singlehood») в Китае, Израиле, «синглотоны» (от «single») в Австралии, США и Великобритании.

Анализ научных публикаций позволил выявить междисциплинарность и мультинаправленность исследований указанного феномена [Song, van der Cammen, 2019]. Жизнь соло выступает предметом изучения как отдельных исследователей, так и меж-

дународных научных союзов (Китай — Канада, Нидерланды — США, Нидерланды — Япония и др.). Частотный анализ публикаций по научной направленности показал, что чаще встречаются статьи по социологии, далее располагаются работы, выполненные на стыке демографии и социологии. На третьем месте по частотности располагаются статьи в области маркетинга, менеджмента и человеческих ресурсов, далее представлены работы по направлению жилищного строительства, жилищных исследований и дизайна. Замыкают список статьи по туризму, социальной и культурной географии, географии населения.

Остановимся подробнее на рассмотрении *экономического подхода к изучению жизни соло*. В современных европейских странах наблюдается тенденция роста доли домохозяйств с одним человеком (one-person households; далее — ОРН), а количество семей, соответственно, уменьшилось. По данным Евростата, в Финляндии в 2014 г. таковыми были 42% всех домашних хозяйств. Аналогичная ситуация — в Германии и Дании [Eurostat. Statistical Atlas]. Израиле в 2013 г. — 18,7% [Lahad, 2017]. Одиночная жизнь наиболее представлена среди работников молодого и среднего возраста, высококвалифицированных жителей больших городов [Wilkinson и др., 2017]. В Великобритании доля одиночно проживающих составила 28% в 2016 г. [Wilkinson и др., 2018]. В США доля ОРН увеличилась с 6 до 28% в период с 1930 по 2010 г., а семей, состоящих в браке, снизилась с 79 до 49% за тот же период [DeKa, 2014]. В Австралии около четверти домашних хозяйств являются ОРН, их доля растет с 8% в 1946 г. до 24% в 2011 г. [de Vaus, Qu, 2015]. Эти тенденции, по прогнозам, продолжатся [Jamieson, Simpson, 2013].

В некоторых азиатских странах наблюдается похожая тенденция. Треть высокообразованных женщин в Сингапуре одиночки, а почти 40% тайваньских женщин старше 30 лет живут соло [Ang и др., 2020]. В Индонезии доля никогда не состоящего в браке населения в возрастной группе 40-65 лет увеличилась с 4,26 до 5,3% в период с 2007 по 2017 гг. [Setyonaluri и др., 2020]. Согласно выводам широкомасштабных исследований, доля ОРН в Азии будет продолжать расти в ближайшие несколько десятилетий из-за стремительной тенденции старения, снижения уровня брака и рождаемости, а также увеличения числа разводов и миграции [Yeung, Cheung, 2015]. Доля ОРН в Южной Африке возросла с 17,8% в 1996 г. до 27,5% в 2011 г. [Mutanda, Odimegwu, 2019]. Большинство исследователей указывают на необходимость дополнительных исследований по вопросам одиночного образа жизни для обоснования государственной политики.

Эта демографическая тенденция оказывает заметное влияние на общество, поскольку во многих отношениях одиночки ведут себя иначе, чем другие слои населения. В крупных канадских городах в 2010 г. проведено обследование (N = 15 390), содержащее социально-демографические характеристики индивида, дневник использования времени и оценку транспортного поведения. Выявлено, что одиночно проживающие горожане ездят на более короткие расстояния и реже имеют водительские права или доступ к транспортному средству, чем респонденты из семейных домохозяйств. Общая частота поездок индивидов, живущих соло, существенно не отличается от семейных домохозяйств, а также они чаще осуществляют поездки, связанные с едой и социальными аспектами [Young, Lachapelle, 2017].

На *рынке недвижимости* спрос на небольшие квартиры мало изучен академическим сообществом, что обусловило выбор проблемы и объекта исследования [Tuvimaa, Kamruzzaman, 2019]. Оценивалось влияние домохозяйств с одним человеком (до 34 лет) на цены на квартиры в Хельсинки (Финляндия). Выявлено, что увеличение на 1% числа ОРН по соседству приводит к росту цен на квартиры на 0,51%. Что означает: если ОРН увеличивается на 10% в районе, то средняя стоимость квартиры возрастает на 10061 евро. Таким образом, при сохранении данной тенденции рынок квартир будет продолжать испытывать подъем.

Анализ проводился на основе данных о продаже жилых помещений в Хельсинки с 2005 г. по 2012 г. Данные получены с помощью онлайн-сервиса KVKL Hintaseurantapalvelu от Центральной Федерации финских агентств недвижимости, которая представляет около 80% профессиональных агентств недвижимости в стране, ежемесячно загружающих данные о своих транзакциях в эту базу данных. В ходе исследования получены важные данные для аналитиков рынка жилья и инвесторов. На рынок жилья оказывают влияние различные факторы: не только цены на квартиры, но и демографические факторы, связанные с ростом населения (иммиграция и коэффициент рождаемости), а также со средним размером домохозяйства. Одиночки предпочитают жить в городских районах, где цены на квартиры выше, чем в пригородах.

Проблемам одиноких жителей уделяется мало внимания в исследованиях жилищного строительства, отмечают финские исследователи [Tervo, Hirvonen, 2020]. В ходе исследования жителей одного из районов Хельсинки (N = 1453) установлена необходимость в пересмотре установленных норм жилых помещений для преодоления нехватки пространства, испытываемой одинокими жителями.

Так, исследование людей, выбирающих жизнь соло, актуально для развития рынка недвижимости в части учета потребностей людей, стремящихся к автономии. Например, строительная промышленность может разрабатывать специальные проекты, которые бы понравились одиноким женщинам (огороженные стенами четырехугольные внутренние дворы, более интенсивное освещение улиц, большие по площади туалетные комнаты), предлагать услуги для упрощения содержания такой недвижимости. Увеличение доли одиночно проживающих людей способствует интенсивному развитию рынка арендного жилья, чтобы они легко могли найти и снять доступную квартиру.

Развитие современной городской среды требует учета роста доли людей, проживающих соло. Так, в Австралии все большее количество людей переселяется в дома с высокой плотностью населения, и одиночная жизнь является самым быстрорастущим типом домашнего хозяйства в стране. Исследователи рекомендуют разрабатывать текущую национальную политику планирования инклюзивных новых районов с высокой плотностью населения для укрепления социального здоровья в Австралии [Hall, Andrews, 2019].

В США политика направлена на помощь пожилым людям оставаться/стареть в своих домах. Инновации направлены на повышение физического, социального благоустройства домов и районов, где одиночно проживают пожилые люди: предоставление коллективных услуг, создание специального жилья, разработка маломасштабных моделей межпоколенных отношений и привлечение инноваций в области мобильности, доставки и коммуникации [Forsyth и др., 2019].

Анализ жизни соло включает рассмотрение *досуговой сферы и туризма* людей, проживающих в одиночку, инфраструктуры для одиночек, влияние живущих соло на экологию. Актуально развитие сегмента для потребителей-одиночек в сфере услуг, бытовой инфраструктуры. Следует отметить, что вся трэвел-индустрия заточена под пары. Рост количества одиноких путешественников может способствовать развитию новых разновидностей туристических услуг. Жизнь соло не означает, что человек испытывает или действительно ищет одиночества в своем образе жизни. Он может иметь интенсивное социальное взаимодействие в других областях своей личной и трудовой жизни. Результаты исследования свидетельствуют о наличии четырех факторов, определяющих тип соло-туриста. Остановимся на них подробнее. Образ жизни современного городского жителя становится все более насыщенным, и первый фактор — поиск одиночества — может рассматриваться как способ совладания с избытком вынужденной активности. Сольный туризм позволяет индивиду больше контролировать свое социальное взаимодействие (второй фактор): как и с кем проводить время, и даже изучать собственную идентичность через взаимодействие с другими. Третьим фактором выступает смягчение осуждения жизни соло со стороны социума. Четвертый фактор — интенсивное развитие интернет-коммуникаций — рассматривается как «потенциальный костыль, который облегчает получение новых сольных впечатлений» [Leith, 2020]. Соло-туризм может быть привлекательным и без взаимодействия с друзьями, но знание того, что такое взаимодействие доступно в цифровом виде облегчает восприятие опыта и приводит к меньшему беспокойству во время путешествия или прогулки.

Жизнь соло вызывает озабоченность экологическими последствиями в изменении климата [Yates, 2018]. Более крупные домохозяйства потребляют меньше ресурсов на человека из-за экономии масштаба, мелкие домохозяйства больше потребляют энергии и ресурсов, производят бытовых отходов, CO₂. Мелкие домохозяйства рассматриваются как неэффективные: люди, живущие в одиночку, владеют, производят и потребляют ресурсоемкие вещи в одиночку, а не вместе. Исследователи оценивают растущее число одиноких людей как потенциальный экологический риск.

С позиции развития мирового рынка главными потребителями являются не семейные, а одинокие люди. Они ведущая целевая группа для продавцов и рекламщиков. Индивидуализм через призму потребления имеет очевидную экономическую выгоду: «одиночки потребляют на 38% больше товаров, на 55% — электроэнергии и на 61% — газа на душу населения» [Кляйненберг, 2014].

На основе анализа публикации по предмету нашего исследования экономической направленности можно выделить некоторые закономерности его развития:

- 1) увеличение доли ОРН (более 40% в некоторых странах) и прогноз дальнейшего роста на ближайшие годы;
- 2) репрезентация жизни соло не только в западных странах с преимущественно индивидуалистской культурой, но и в незападных странах. Следовательно, можно предположить, что феномен жизни соло обусловлен не только особенностями традиционной патриархальной культуры, но и является отражением глобального общемирового тренда;

- 3) для реализации различных направлений экономической сферы требуется корректировка с учетом роста ОРН. К этим направлениям относятся спрос на городской транспорт; спрос и цены на небольшие квартиры в центре города, что вызывает увеличение предложения квартир за счет перепланировок или нового строительства, а также падение спроса на большие квартиры и дома;
- 4) увеличение доли соло-путешественников требует разработки новых разновидностей туристических услуг;
- 5) наряду с позитивным воздействием роста живущих соло на различные отрасли экономики, наблюдаются и негативные экономические следствия, в частности, отрицательная нагрузка на экологию со стороны одиночных хозяйств в сравнение с семейно-групповым способом ведения хозяйства.

Исследования жизни соло в рамках экономического подхода базируются как на анализе данных государственной статистики, так и на результатах специально организованных обследований с масштабными выборочными совокупностями респондентов, что свидетельствует о надежности полученных данных. Изучение жизни соло в рамках экономического подхода осуществляется преимущественно количественными методами, в отличие от социологического подхода, где качественные исследования преимущественно преобладают.

Перейдем к рассмотрению *социологического подхода к исследованию жизни соло*. Если экономические исследования фиксируют масштабы формирующегося тренда и обозначают возможные способы адаптации к нему со стороны экономики, то социологические исследования сосредотачиваются на ценностно-нормативной оценке жизни соло. Рост ОРН провоцирует «давние страхи по поводу индивидуализации, постоянно предсказываемые, подтверждаемые и оплакиваемые со времен Дюркгейма и Тенниса» [Yates, 2018]. Значительная представленность одиночного образа жизни интерпретируется как отклонение от «нормальных» домашних хозяйств и общественных практик, угрожающее гражданскому обществу и традиционным ценностям.

Сложность феномена жизни соло определяет научный интерес к нему с позиции разных отраслей социологического знания. Социология молодежи и социология развития фокусируются на факте откладывания молодыми людьми супружества и формирования семьи. Некоторые исследователи предлагают рассматривать одиночное проживание не только как переходный период, а как постоянную черту существования. Анализ глубинных полуструктурированных интервью, проведенных с одиноко проживающими людьми в возрасте до 65 лет ($n = 51$) в Монреале показал, что молодые респонденты в возрасте от 25 до 30 лет имеют три представления об «одиноким жизни»: молодежный образ жизни; период перехода к супружеству; образ жизни на длительный срок [Molgat, Vézina, 2008].

Исследователи из Чехии предлагают рассматривать интересующий нас вопрос через призму таких конструктов, как «формирующаяся взрослая жизнь» и трансформация гендерных ролей [Kvapilová Bartošová, Fučík, 2017]. Почти два десятилетия назад социологи заметили, что переходы между детством и взрослой жизнью становятся размытыми. В этой связи жизнь соло может рассматриваться как новая стадия жизни. Отмечается, что доля соло проживающей молодежи значительно возросла по сравнению с про-

шлым, и одиночная жизнь характеризуется универсальными требованиями к поведению как мужчин, так и женщин [Kvapilová Bartošová, Fučík, 2017].

Для социологии города в изучении сольной жизни фокус смещается на вопросы градостроительства и джентрификации, поскольку люди, живущие соло, ориентируются на привлекательную обстановку таких районов благодаря близости к большому количеству услуг и магазинов, а также оживленной атмосфере улиц и кафе. Это «рай для одиноких, где есть все, что нужно, даже если у вас нет партнера». Разделяя пространство с похожими людьми, живущие соло получают подтверждение социальной приемлемости их образа жизни [Molgat, Vézina, 2008].

Чем больше мужчин и женщин становятся независимыми и строят автономные домохозяйства, тем более важным становится вопрос воспроизводства гендерных ролевых схем. ОРН можно рассматривать как среду, в которой происходит трансформация гендерных ролей. С точки зрения гендерной социологии феномен жизни соло рассматривается как новая категория идентичности [Wilkinson, 2014]. Доминирующая в социуме гетеронормативность детерминирует не только ориентацию на «правильный» пол, но и «правильное» представление о парной жизни. Ставя супружеские отношения выше других форм небиологических привязанностей, таких как дружба, сужается, ограничивается понимание интимной жизни, принадлежности, заботы, дома. Государственное санкционирование супружества приводит к исключению живущих вне его рамок (это относится как к одиночкам по выбору, так и одиночкам по воле судьбы). Однако увеличение доли одиночек требует учета их потребностей, в том числе создания новых форм жилья, которые лучше соответствуют желаниям одиноких людей за пределами гетеронормативной формы.

Жизнь соло в контексте гендерных изменений рассматривается как специфическая ситуация в партнерских отношениях [Kvapilová Bartošová, Fučík, 2017]. Новые формы организации партнерских отношений во время одиночного проживания (LAT отношения, открытые отношения, «друзья с выгодой») обеспечивают необходимую степень независимости и отсутствия обязательств. Отношения «living apart together» (LAT) более распространены в Западной, чем в Восточной Европе. Чаще LAT союзы образуют молодежь, обучающаяся в высших учебных заведениях, люди с высоким уровнем образования и либеральными взглядами, те, кто ранее имел опыт сожительства или брака. Некоторые группы рассматривают LAT как замену брака/сожительства [Ayuso, 2019]. Присвоенный статус заменяется достигнутым, который зависит от индивидуальных достижений и возможностей каждого отдельного человека.

Эмпирические исследования показали, что одиночное проживание связано с более эгалитарными взглядами на разделение домашнего труда, занятость женщин и уход за ними. Эти формы партнерских отношений более приемлемы для индивидов, поскольку их характер соответствует потребности в мобильности, независимости и гибкости, которые характерны для образа жизни, связанного с формирующейся взрослостью. Сольно проживающие создают новые нормы и ценности, касающиеся родительства, например, воспитание детей в молодом возрасте воспринимается как безответственное, потому что люди не считаются готовыми [Kvapilová Bartošová, Fučík, 2017].

Отчетливо эта тенденция проявляется в развитых и богатых странах, где жизни в одиночестве способствуют множество факторов. Однако и в странах с традиционной системой семейных ценностей наблюдаются похожие процессы.

1. *Высокий уровень образованности связан с распространяющейся тенденцией одиночного проживания.* Увеличение образования не только задерживает вступление в брак, но и влияет на вероятность постоянного одиночества среди женщин и мужчин в возрасте 40-65 лет. К такому выводу пришли индонезийские исследователи на основании анализа данных индонезийского Национального социально-экономического обзора (SUSENAS) с десятилетним интервалом — 2007 и 2017 гг. Также результаты исследования показали, что высокообразованные женщины и мужчины имеют одинаковую вероятность остаться одинокими [Setyonaluri и др., 2020]. Высшее образование дает женщинам больше свободы, авторитета и независимости в поиске партнеров. Хорошо образованные женщины, как правило, предпочитают мужчин с таким же или более высоким уровнем образования, чем они сами. Однако повышение уровня образования среди женщин также увеличивает задержку вступления в брак и одиночества, поскольку женщины не могут найти мужчин, разделяющих те же ценности, особенно в отношении совместного ухода за детьми и домашней работы. Для мужчин высшее образование представляет собой преимущество в поиске партнеров. Люди решают вступить в брак, если комплементарная полезность обоих партнеров выше, чем у каждого из них. Партнеры с более высоким потенциалом дохода, отраженным более высоким уровнем образования, будут специализироваться на рынке труда, в то время как те, кто имеет более низкий потенциал дохода, будут специализироваться на домашнем производстве. Поскольку образование уравнивает потенциальные доходы между мужчинами и женщинами, это означает, что женщины с высшим образованием сталкиваются с более жестким брачным рынком, где им приходится конкурировать за мужчин с более высоким потенциальным доходом.
2. *Усиление роли женщин:* «(массовый выход на рынок труда, контроль собственной сексуальной и репродуктивной жизни, а также бытового аспекта жизнедеятельности). По данным Бюро трудовой статистики Министерства труда США, с 1950 по 2000 гг. число работающих женщин увеличилось с 18 млн до 66 млн, а доля занятых в экономике страны женщин увеличилась с 33% до 60%» [Кляйненберг, 2014, с. 41]. Данная тенденция сопровождается ростом количества более поздних браков, разводов и раздельного проживания супругов, удлинением периода взросления, а количество возрастает. Статус одиночки не включает требования к сексуальному воздержанию, молодые люди пользуются преимуществами одиночного существования — поиск новых ощущений, частая смена партнеров, отсутствие постоянных связей [Кляйненберг, 2014, с. 41, с. 43].
3. *Революция в средствах коммуникаций* (пользователи имеют широкие возможности быть всегда на связи: мгновенно обмениваться сообщениями, принимать участие в блогах, размещать видео в социальную сеть).

4. Фактором формирования субкультуры синглтонов, объединенных схожими ценностями, интересами, является массовая урбанизация. Этот образ жизни более специфичен для крупных городов, привлекающих нонконформистов, которые стремятся не жить по общепринятым правилам.
5. Увеличение средней продолжительности жизни. Во многих развитых странах пожилые люди предпочитают жить самостоятельно, не переезжая к родственникам, или в дом престарелых.

Несмотря на то, что одинокий статус становится нормой *de facto*, люди, которые выбирают жизнь соло, находятся под воздействием традиционной культуры, верной стандартам брака. СМИ транслируют послание одиноким людям, что «они никогда не будут по-настоящему счастливы и не будут иметь полную жизнь, пока не вступят в брак» [DePaulo, Morris, 2006]. Для одиноких людей существуют сложности признания и открытого заявления другим людям: «Я счастлив/счастлива. Мне нравится моя жизнь». В культурные представления не входит идея о возможности принятия статуса «холостой/незамужней» и желания быть одиноким.

Более представлены в научном дискурсе исследования жизни соло женщин, в том числе через призму феминистских течений. В исторической ретроспективе женщина экономически зависела от мужчины-кормильца, что лишало ее возможности самостоятельного осознанного выбора проживания в одиночку. Рост участия женщин на рынке труда и относительного заработка снижают степень воздействия экономического участия на вступление в брак.

Исследователи указывают на *амбивалентность жизни соло* [Ang и др., 2020]. Культурные модели жизни соло еще не выработались. Часть людей, оказавшихся на пересечении этих факторов, обнаружила новые возможности в таком способе проживания, как соло. Однако удачное решение вопроса «сольного» проживания не бесплатно. Можно говорить о существовании распространенных негативных стереотипов об одиноких людях, укорененных в нашем сознании, которые зачастую не замечаются. *Дискриминация* людей соло исследуется через стереотипы по отношению к ним [DePaulo, Morris, 2006], а также через призму соотношения «работа — личная жизнь» [Wilkinson и др., 2017, 2018].

Одинокое проживание (по выбору, разводу или вдовству) более вредно для женщин, чем для мужчин. Она является темой «слона в комнате», означающей наличие стереотипов, маргинализации и «вопиющей дискриминации» женщин [Stalp, 2014]. Одинокие женщины «патологизируются».

«Синглизм — это стереотипизация, стигматизация и дискриминация людей, не состоящих в браке. Другая крайность — матримония: чрезмерно активное празднование и ажиотаж вокруг брака и свадьбы» [DePaulo, Morris, 2006; Lahad, 2017].

Предпосылки синглизма базируются на предположении о том, что сексуальное партнерство является единственным действительно важным видом отношений между сверстниками, и люди, имеющие это партнерство, более счастливы и удовлетворены, чем те, кто не имеет его. Одинокие люди часто исключаются из льгот по здоровью, более широких возможностей социального обеспечения, более низких налоговых счетов и более высокой зарплаты.

Жизнь холостяков обсуждается и осуждается. Синглизм — это ненасильственная, более мягкая форма фанатизма, чем сталкиваются другие стигматизированные группы (например, группы с нетрадиционной ориентацией). В отличие от более известных «измов» (расизм, сексизм или гетеросексизм), синглизм не часто признается, и когда на него обращают внимание, он рассматривается как законный. Результаты опроса бездетных, никогда не выходивших замуж женщин в возрасте от 30 до 48 лет в городе Лагос (Нигерия), показали, что окружение жалеет и обвиняет в их положении. Вина чаще связывается с наличием некоего личностного дефекта характера женщины [Ntoimo, Isiugo-Abane, 2014].

Почти 1000 студентов попросили перечислить характеристики, которые приходили им на ум, когда они думали о людях, которые были женаты (в одном случае) или одиноки (в другом). Женатым людям приписываются такие характеристики: зрелые, стабильные, честные, счастливые, добрые и любящие. Живущие соло описываются с помощью следующих эпитетов: незрелые, неуверенные в себе, эгоцентричные, несчастные, одинокие и уродливые (в позитивной коннотации — независимые). Воспринимаемые различия между одинокими и женатыми людьми часто были довольно большими [DePaulo, Morris, 2006]. Большинство людей вообще не знают, что одиночки подвергаются стигматизации.

Одинокие мужчины, которые развивают свою карьеру, рассматриваются в культурах положительно. Однако одинокие женщины рассматриваются как «компенсирующие» работой то, что у них нет супруга. «Женщин могут осуждать за то, что они слишком много работают для того, чтобы строить хорошие взаимоотношения» [DePaulo, Morris, 2006]. Мужчины также сталкиваются с общественным мнением о том, что одному жить не полагается, если мужчине не о ком заботиться, то он эгоист. Работать и жить только для себя — плохо. Детей следует заводить чем раньше, тем лучше. Но главное — везде брать с собой спутницу, друзья активно жалеют человека без пары. L. Jamieson и R. Simpson [Jamieson, Simpson, 2013] утверждают, что соло дихотомизируются популярной культурой в привычные стереотипы: молодой, богатый, расточительный сингтон и его двойник — пожилая, социально уязвимая вдова или вдовец.

Дискриминация на рабочем месте: личная жизнь одиноких людей зачастую считается менее важной и заслуженной, чем личная жизнь тех, кто состоит в браке. Ссылаясь на то, что холостякам незачем сидеть дома, от них ждут, что они будут больше работать, в то время как имеющие детей и женатые уходят с работы пораньше, забирают последние возможные выходные или больше путешествуют. K. Wilkinson с коллегами [Wilkinson и др., 2017] провели полуструктурированные интервью с 36 только живущими менеджерами и специалистами различных профессий в возрасте от 25 до 44 лет в Великобритании. В ходе анализа полученных данных выявлены специфичные для этой группы проблемы трудовой жизни:

- 1) соотношение рабочего и нерабочего времени. Одиночки привлекаются к работе чаще, чем имеющие семью. В организации предполагается, что они могут работать дольше, поскольку у них не так много требований к своему времени вне работы, как у работников-родителей. Фактически одиноко проживающие

имеют специфические потребности во времени, поскольку несут единоличную ответственность за домашнее хозяйство, необходимость вкладывать время и энергию в дружбу для личной и эмоциональной поддержки и благополучия. Что касается развития интимных отношений, то многие считали, что обязательства по работе (долгие часы работы и требования мобильности) затрудняют формирование отношений;

- 2) законность баланса между работой и личной жизнью (одиночки реже могут уйти с работы раньше или выйти в течение дня. У них увеличена рабочая нагрузка, повышены требования к поездкам и/или ограничения на отпуск из-за необходимости компенсировать на работе отсутствие коллег, реализующих обязательства по уходу за детьми);
- 3) отсутствие поддержки финансового и эмоционального благополучия (большая уязвимость получения дохода в нестабильной экономической среде);
- 4) уязвимость, связанная с работой (одиночное проживание усиливает привязанность к работе).

Другая проблема только живущих специалистов, выделенная исследователями, связана с игнорированием потребности этой группы. Культура многих организаций по-прежнему сосредоточена главным образом на оказании помощи работающим родителям и особенно работающим матерям. На макроуровне законодательно обеспечивается облегчение совмещения работы и жизни для работающих родителей (отпуск отцовства, в связи с усыновлением; отгулы по семейным обстоятельствам; право требовать гибкий график). Сотрудники без детей негативно реагируют на воспринимаемую несправедливость организационной политики, в которой приоритет отдавался потребностям работающих родителей [Wilkinson и др., 2018]. В связи с этим актуализируется необходимость инклюзивного подхода специалистов по кадрам к потребностям данной группы персонала.

Следующая трудность, с которой встречаются проживающие соло — это необходимость решать эмоционально окрашенные задачи по организации досуга и домашнего хозяйства, которые нагружены культурными смыслами, связанными с семьей (например, Новый год или Рождество) [Yates, 2018]. Концепция «общественного взгляда» (“public gaze”) предполагает субъективную природу того, что люди чувствуют, когда другие их видят. Например, еда в общественном месте в одиночестве вызывает пристальный взгляд и воспринимаемое суждение других. Чаще всего люди принимают решения, которые в какой-то степени учитывают этот пристальный взгляд. Одно дело съесть бутерброд в кафе в одиночестве, и совсем другое — заказать столик в романтическом ресторане на День святого Валентина. Человек может неохотно участвовать в публичной соло-деятельности, рискуя быть осужденным [Leith, 2020].

Жизнь соло имеет социологически важное значение, поскольку затрагивает насущные проблемы социальной жизни и поднимает фундаментальные вопросы о том, как люди осмысливают и организуют свою жизнь с другими. Исследователи обращаются к процессам смыслообразования одиночного проживания и темпоральности на при-

мере жизни соло женщин [Lahad, 2017], которые проявляются, например, посредством утверждений в коннотациях жалости, тревоги и презрения: «чего же ты ждешь?», «перестань тратить свое время», «ты умрешь в одиночестве», «ты опоздаешь на поезд и останешься одна», «почему ты до сих пор не замужем?», «что случилось с тобой?», «почему ты недостаточно стараешься?», «разве вы не должны понизить свои стандарты?». Необходимость объяснять свое одиночество — это повторяющийся опыт для многих одиноких женщин. Наблюдаются различные формы взаимодействия, в которых одиноким женщинам приходится отчитываться о своем статусе: во время семейных обедов, встреч с друзьями, разговоров с соседями и даже взаимодействия с незнакомыми людьми. Признаком общественного интереса к этому вопросу стали реалити-шоу о сватовстве, газетные статьи и бестселлеры самопомощи по всему миру.

Отмечается трудность оспаривания убеждений об одиночной жизни, поскольку они артикулируются посредством языка времени, который характеризуется нормативностью и истинностью. Социально-временной порядок — это социально сконструированный артефакт, согласно которому одиночество может быть только временным положением. Если одиночное проживание выходит за свои временные границы, оно становится предметом общественного порицания. Таким образом, статус одиночки — это не только частный вопрос, но и коллективный. Поезд — ключевая темпоральная метафора в дискурсе об одиноких женщинах, временные истины («ты опоздаешь на поезд!») редко оспариваются. «Опоздание на поезд» означает, что нет никаких шансов стать «уважаемыми» женщинами, добившись полного членства в обществе, выраженном в семейных, гетеронормативных терминах.

Жизнь соло имеет свои положительные и отрицательные аспекты. К позитивным относятся следующие аспекты: свобода как возможность делать то, что хочется, не согласовывая свои действия с партнером; наличие времени и пространства для отдыха и восстановления сил; возможность понять себя и смысл собственной жизни; саморазвитие, карьерный рост, творчество, самовыражение. Этому способствуют наличие множества разнообразных социальных отношений, с помощью которых происходит развитие разных сторон личности, что позволяет стать более сложной самостоятельной личностью.

Наличие множества приятелей и друзей — основная причина того, что мужчины и женщины, несмотря на одинокий статус, чувствуют насыщенность своей жизни. «Одинокие люди обычно имеют лучшую стратегию инвестиций в хорошие отношения. У них обычно имеется диверсифицированное портфолио отношений — друзья, братья/сестры, коллеги, и они высоко ценят такие отношения», «они не вкладывают весь свой эмоциональный капитал в одного человека» [DePaulo, Morris, 2006]. Широкая социальная сеть является как психологической, так и эмоциональной защитой, несмотря на то что общество воспринимает одиночек как психологически уязвимых именно потому, что им не хватает органической системы поддержки супруга/супруги.

Одиночки разрабатывают ряд стратегий для преодоления напряженности между традиционными социальными ценностями и своим выбором жизни соло, в том числе: противодействие идеологии брака, использование юмора, получение социальной под-

держки. Респонденты отмечали, что они в значительной степени полагаются на дружбу в периоды одиночного проживания, и важность инвестирования в дружбу с течением времени [Wilkinson и др., 2017].

Масштабный переход к более мелким домашним хозяйствам имеет далеко идущие социальные последствия. Феномен домашних хозяйств, состоящих из одного человека, привлекает внимание все большего количества социологов. Многоаспектность жизни соло обуславливает интерес к ее изучению с позиции разных отраслей социологии (социологии молодежи, социологии развития, социологии города, гендерной социологии).

Анализ результатов исследований, проведенных социологами разных стран, позволяет утверждать, что феномен жизни соло негомогенен: выделяют три его разновидности: молодежный образ жизни; период перехода к супружеству; образ жизни на длительный срок. В соответствии с идеей второго демографического перехода трансформация гендерных ролей привела к сокращению размеров семьи и увеличению доли проживающих в одиночку. В социологическом поле солное проживание является следствием возрастающей индивидуализации и трансформации жизненного курса.

Отношение общества к человеку различается в зависимости от того, к какой разновидности жизни соло относится его поведение. Наибольшее общественное давление испытывают люди, выбравшие жизнь соло как стиль жизни на длительный срок. Социально сконструированный артефакт — социально-временной порядок — допускает, что жизнь соло может быть только временным положением. Если оно выходит за свои временные границы, то становится предметом общественного порицания. Таким образом, статус одиночки не является частным, персональным вопросом, а переходит в разряд коллективных, общественных.

Обсуждение

Жизнь соло — это значимая глобальная потребительская тенденция на предстоящие десятилетия и, вероятно, в отдаленной перспективе (некоторые исследователи даже используют термин «super-solo society» [Ang и др., 2020; Yeung, Cheung, 2015]). Во всем западном мире одиночные домохозяйства становятся все более распространенным явлением, начиная с 1970-х гг. эта тенденция распространяется на незападные страны. Существует заметная разница между азиатским и западным обществами в отношении брака и одиночного проживания. На Западе брак обычно считается личным выбором, в то время как во многих азиатских странах наблюдается твердая убежденность в универсальности брака. Причины одиночного проживания существенно различаются между отдельными людьми и культурами, а также в глобальном масштабе, однако сопровождаются общими трендами — более низким уровнем браков, более высоким уровнем разводов и влиянием на сферу занятости. Эти факты, с одной стороны, можно интерпретировать как признак снижения приверженности семейному образу жизни, усиления социальной фрагментации и роста одиночества. С другой стороны, они рассматриваются как репрезентация более широкого выбора, который люди имеют в своем жизненном устройстве и образе жизни.

Для понимания смысла и значения жизни соло необходимо собрать воедино разрозненные части мозаики, описав:

- социально-демографические и социально-экономические характеристики группы проживающих соло;
- природу жизни соло, ее продолжительность, связь с социальным взаимодействием и благополучием;
- в какой степени люди предпочитают жить одни и любят жить соло;
- степень одиночества, как негативно окрашенного переживания у тех, кто живет один;
- причины вступления и выхода из одиночного проживания.

Анализ категории «жизни соло» показывает, что она имеет очень разные значения в различных подгруппах, и относить ее к одному из полюсов — «фрагментации» или «свободы» — является редукционизмом.

Рост доли ОНР за последние десятилетия четко прослеживается на материалах статистики. Однако большая часть исследований посвящена либо молодым людям, живущим в одиночку, либо жизни соло в более позднем возрасте. Средний возраст мало привлекал внимания ученых, несмотря на то что условия жизни в среднем возрасте быстро меняются и становятся особо важными непосредственно перед выходом на пенсию, поскольку тесно связаны с условиями жизни и источниками поддержки в более позднем возрасте. Синглтоны среднего возраста, которые не имеют детей, не имеют образования, не являются экономически активными и живут в арендованном жилье, скорее всего, больше всего рискуют нуждаться в социальной и экономической «страховке» в старости. Качественное исследование этих групп имеет важное значение для определения направления социальной политики.

Патриархат и гетеронормативность влияют на жизнь женщин, долгосрочное одиночество рассматривается как нежизнеспособный вариант для женщины, потому что она не соответствует гендерным ожиданиям и не поддается гендерной социализации в целом. Более того, тот факт, что длительное одиночество не воспринимается как осуществимая возможность, может быть одной из причин, почему некоторые женщины остаются в несчастливых и даже оскорбительных отношениях.

Распространение жизни соло в течение последних десятилетий связано с глобальными изменениями в семейных отношениях: более поздний брак, увеличение отдельного проживания, увеличение разводов и позднее родительство. Жизнь соло, как правило, это сознательный выбор миллионов людей в разных культурах и странах. Данная социальная практика жителей крупных городов, осознанное решение представителей социальных групп разного возраста, детерминирующая необходимость теоретического и эмпирического исследования. Этот феномен развивается, меняя социальную действительность и представления о взаимоотношениях, воздействует на специфику градостроительства и экономики. Указанное явление присутствует во всех социальных слоях, и может рассматриваться как стратегия совладания с вызовами социума, создавая жизненное пространство для рекреации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Кляйненберг Э. 2014. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн. 284 с.
- Любимова Е. А. 2020. Зарубежные исследования жизни соло // Цифровое общество — новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: материалы Всероссийской научной конференции XIV Ковалевские чтения 12–14 ноября 2020 года. СПб. С. 185–186.
- Любимова Е. А. Андреева О. С. 2018. Особенности границ Я у женщин, сознательно выбирающих жизнь соло // Таврический журнал психиатрии. Т. 23. № 3 (83). С. 17–23.
- Смелзер Н. Дж. 2004. О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии // Социс. № 11. С. 3–12.
- Ang C. S., Lee K. F., Lie X. 2020. Understanding singleness: A phenomenological study of single women in Beijing and Singapore // Qualitative Report. Vol. 25. No. 8. Pp. 3080–3100. <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2020.4269>
- Ayuso L. 2019. What future awaits couples Living Apart Together (LAT)? // Sociological Review. Vol. 67. No. 1. Pp. 226–244. <https://doi.org/10.1177/0038026118799053>
- de Vaus D., Qu L. 2015. Demographics of living alone // Journal of the Home Economics Institute of Australia. 2015. Vol. 22. No. 1, Pp. 27–38. <https://search.informit.org/doi/10.3316/INFORMIT.377657191876929>
- Deka D. 2014. The living, moving and travel behaviour of the growing American solo: Implications for cities // Urban Studies. Vol. 51. No. 4. Pp. 634–654. <https://doi.org/10.1177/0042098013492233>
- DePaulo B. M., Morris W. L. 2006. The unrecognized stereotyping and discrimination against singles // Current Directions in Psychological Science. 2006. Vol. 15. No. 5. Pp. 251–254. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2006.00446.x>
- Eurostat. Statistical Atlas: Share of single-person households. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/statistical-atlas/gis/viewer/?config=census.json> (дата обращения: 19.03.2023).
- Forsyth A., Molinsky J., Kan H. Y. 2019. Improving housing and neighborhoods for the vulnerable: older people, small households, urban design, and planning // Urban Design International. 2019. Vol. 24. No. 3. Pp. 171–186. <https://doi.org/10.1057/s41289-019-00081-x>
- Hall C., Andrews F. 2019. Designing high-density neighbourhoods to promote social health in Australia // Journal of Social Inclusion. Vol. 10. No. 2. Pp. 18–38. <http://doi.org/10.36251/josi.147>
- Jamieson L., Simpson R. 2013. Solo-living with and without Partnering and Parenting // Living Alone. New York: Palgrave Macmillan. Pp. 57–87. https://doi.org/10.1057/9781137318527_3
- Jamieson L., Wasoff F., Simpson R. 2009. Solo-living, demographic and family change: the need to know more about men // Sociological Research Online. Vol. 14. No. 2. Pp. 20–35. <https://doi.org/10.5153/sro.1888>
- Kvapilová Bartošová M., Fučík P. 2017. Emerging adulthood, solo living and changes in gender subjectivity // Sociologia (Slovakia). Vol. 49. No. 3. Pp. 265–284.
- Lahad K. 2017. A table for one: A critical reading of singlehood, gender and time. Manchester University Press. 153 pp. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1wn0s66>
- Leith C. 2020. Tourism trends: lifestyle developments and the links to solo tourism // Journal of Tourism Futures. Vol. 6. No. 3. Pp. 251–255. <https://doi.org/10.1108/JTF-11-2019-0126>

- Molgat M., Vézina M. 2008. Transitionless biographies? Youth and representations of solo living // *Young*. 2008. Vol. 16. No. 4. Pp. 349–371. <https://doi.org/10.1177/11033088080160040>
- Mutanda N., Odimegwu C. O. 2019. Solitary living in South Africa: what is driving the pattern and change? // *Journal of Population Research*. Vol. 36. No. 2. Pp. 137–158. <https://doi.org/10.1007/s12546-019-09222-z>
- Ntoimo L. F. C., Isiugo-Abanihe U. 2014. Patriarchy and Singlehood Among Women in Lagos, Nigeria // *Journal of Family Issues*. Vol. 35 No. 14. Pp. 1980–2008. <https://doi.org/10.1177/0192513X13511249>
- Setyonaluri D., Maghfirah A., Aryaputra C. 2020. Norms in Transition? The Relationship between Education and Singlehood // *Jurnal Studi Pemuda*. Vol. 9. No. 2. Pp. 136–148. <http://doi.org/10.22146/studipemudaugm.57995>
- Song Y., van der Cammen T. J. M. 2019. Electronic assistive technology for community-dwelling solo-living older adults: A systematic review // *Maturitas*. Vol. 125. P. 50–56. <https://doi.org/10.1016/j.maturitas.2019.04.211>
- Stalp M. C. 2014. Book Review: *The Marginalized Majority: Media Representation and Lived Experiences of Single Women* by Kristie Collins // *Gender & Society*. Vol. 28. No. 6. Pp. 932–934. <https://doi.org/10.1177/089124321452837>
- Tervo A., Hirvonen J. 2020. Solo dwellers and domestic spatial needs in the Helsinki Metropolitan Area, Finland // *Housing Studies*. Vol. 35. No. 7. Pp. 1194–1213. <https://doi.org/10.1080/02673037.2019.1652251>
- Tyvima T., Kamruzzaman M. 2019. The effect of young, single person households on apartment prices: an instrument variable approach // *Journal of Housing and the Built Environment*. Vol. 34. No. 1. Pp. 91–109. <https://doi.org/10.1007/s10901-018-9618-1>
- Wilkinson E. 2014. Single People's Geographies of Home: Intimacy and Friendship beyond 'the Family' // *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 46. No. 10. Pp. 2452–2468. <https://doi.org/10.1068/a130069p>
- Wilkinson K., Tomlinson J., Gardiner J. 2017. Exploring the work—life challenges and dilemmas faced by managers and professionals who live alone // *Work, Employment and Society*. Vol. 31. No. 4. Pp. 640–656. <https://doi.org/10.1177/0950017016677942>
- Wilkinson K., Tomlinson J., Gardiner J. 2018. The perceived fairness of work—life balance policies: A UK case study of solo-living managers and professionals without children // *Human Resource Management Journal*. 2018. Vol. 28. No. 2. Pp. 325–339. <https://doi.org/10.1111/1748-8583.12181>
- Yates L. 2018. Sharing, households and sustainable consumption // *Journal of Consumer Culture*. Vol. 18. No. 3. Pp. 433–452. <https://doi.org/10.1177/1469540516668229>
- Yeung W. J. J., Cheung A. K. L. 2015. Living alone: One-person households in Asia // *Demographic Research*. 2015. Vol. 32(1). Pp. 1099–1112. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2015.32.40>
- Young M., Lachapelle U. 2017. Transportation behaviours of the growing Canadian single-person households // *Transport Policy*. Vol. 57. Pp. 41–50. <https://doi.org/10.1016/j.transpol.2017.03.022>

References

- Klinenberg, E. (2014). *Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*. Alpina non-fikshn. [In Russian]

- Lyubimova, E. A. (2020, November 12–14). Foreign Studies of Solo Life. *Proceedings of the All-Russian Research Conference 14th "Kovalevskie chteniya" "Tsifrovoe obshchestvo — novyy format social'noj real'nosti: struktury, processy i tendencii razvitiya"*, 185–186. [In Russian]
- Lyubimova, E. A. & Andreeva, O. S. (2018). Peculiarities of Self Boundaries in Women Consciously Choosing to Live Solo. *Tavricheskiy zhurnal psixiatrii*, 2(3), 17–23. [In Russian]
- Smelser, N. J. (2004). On Comparative Analysis, Interdisciplinarity and Internationalization in Sociology. *Socis*, (11), 2–3. [In Russian]
- Ang, C. S., Lee, K. F., & Lie, X. (2020). Understanding singleness: a phenomenological study of single women in beijing and singapore. *Qualitative Report*, 25(8), 3080–3100. <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2020.4269>
- Ayuso, L. (2019). What future awaits couples Living Apart Together (LAT)? *Sociological Review*, 67(1), 226–244. <https://doi.org/10.1177/0038026118799053>
- de Vaus, D. & Qu, L. (2015). Demographics of living alone. *Journal of the Home Economics Institute of Australia*, 22(1), 27–38. Retrieved January 3, 2021 from <https://search.informit.org/doi/10.3316/INFORMIT.377657191876929>
- Deka, D. (2014). The living, moving and travel behaviour of the growing American solo: Implications for cities. *Urban Studies*, 51, 634–654. <https://doi.org/10.1177/0042098013492233>
- DePaulo, B. M. & Morris, W. L. (2006). The unrecognized stereotyping and discrimination against singles. *Current Directions in Psychological Science*, 15, 251–254. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8721.2006.00446.x>
- Eurostat. (2016). *Statistical Atlas: Share of single-person households*. Retrieved March 19, 2023 from <http://ec.europa.eu/eurostat/statistical-atlas/gis/viewer/?config=census.json>
- Forsyth, A., Molinsky, J., & Kan, H. Y. (2019). Improving housing and neighborhoods for the vulnerable: older people, small households, urban design, and planning. *Urban Design International*, 24(3), 171–186. <https://doi.org/10.1057/s41289-019-00081-x>
- Hall, C. & Andrews, F. 2019. Designing high-density neighbourhoods to promote social health in Australia. *Journal of Social Inclusion*, 10(2), 18–38. <http://doi.org/10.36251/josi.147>
- Jamieson, L. & Simpson, R. (2013). Solo-living with and without Partnering and Parenting. In *Living Alone* (pp. 57–87). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9781137318527_3
- Jamieson, L., Wasoff, F., & Simpson, R. (2009). Solo-living, demographic and family change: the need to know more about men. *Sociological Research Online*, 14(2–3). <https://doi.org/10.5153/sro.1888>
- Kvapilová Bartošová M. & Fučík P. (2017). Emerging adulthood, solo living and changes in gender subjectivity. *Sociologia (Slovakia)*, 49(3), 265–284.
- Lahad, K. (2017). *A Table for One: A critical reading of singlehood, gender and time*. Manchester University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctt1wn0s66>
- Leith, C. (2020). Tourism trends: lifestyle developments and the links to solo tourism. *Journal of Tourism Futures*, 6(3), 251–255. <https://doi.org/10.1108/JTF-11-2019-0126>
- Molgat, M., & Vézina, M. (2008). Transitionless biographies? Youth and representations of solo living. *Young*, 16(4), 349–371. <https://doi.org/10.1177/11033088080160040>
- Mutanda, N., & Odimegwu, C. O. (2019). Solitary living in South Africa: what is driving the pattern and change? *Journal of Population Research*, 36(2), 137–158. <https://doi.org/10.1007/s12546-019-09222-z>

- Ntoimo, L. F. C., & Isiugo-Abanihe, U. (2014). Patriarchy and Singlehood Among Women in Lagos, Nigeria. *Journal of Family Issues*, 35(14), 1980–2008. <https://doi.org/10.1177/0192513X13511249>
- Setyonaluri, D., Maghfirah, A., & Aryaputra, C. (2020). Norms in Transition? The Relationship between Education and Singlehood. *Jurnal Studi Pemuda*, 9(2), 136–148. <http://doi.org/10.22146/studipemudaugm.57995>
- Song, Y., & van der Cammen, T. J. M. (2019, July 1). Electronic assistive technology for community-dwelling solo-living older adults: a systematic review. *Maturitas*, 125, 50–56. <https://doi.org/10.1016/j.maturitas.2019.04.211>
- Stalp, M. C. (2014). Book Review: *The Marginalized Majority: Media Representation and Lived Experiences of Single Women* by Kristie Collins. *Gender & Society*, 28(6), 932–934. <https://doi.org/10.1177/089124321452837>
- Tervo, A., & Hirvonen, J. (2019). Solo dwellers and domestic spatial needs in the Helsinki Metropolitan Area, Finland. *Housing Studies*, 35(7), 1194–1213. <https://doi.org/10.1080/02673037.2019.1652251>
- Tyvimaa, T. & Kamruzzaman, M. (2019). The effect of young, single person households on apartment prices: an instrument variable approach. *Journal of Housing and the Built Environment*, 34(1), 91–109. <https://doi.org/10.1007/s10901-018-9618-1>
- Wilkinson E. (2014). Single People's Geographies of Home: Intimacy and Friendship beyond "the Family." *Environment and Planning A: Economy and Space*, 46(10), 2452–2468. <https://doi.org/10.1068/a130069p>
- Wilkinson, K., Tomlinson, J., & Gardiner, J. (2017). Exploring the work–life challenges and dilemmas faced by managers and professionals who live alone. *Work, Employment and Society*, 31(4), 640–656. <https://doi.org/10.1177/0950017016677942>
- Wilkinson, K., Tomlinson, J., & Gardiner, J. (2018). The perceived fairness of work–life balance policies: a UK case study of solo-living managers and professionals without children. *Human Resource Management Journal*, 28(2), 325–339. <https://doi.org/10.1111/1748-8583.12181>
- Yates, L. (2018). Sharing, households and sustainable consumption. *Journal of Consumer Culture*, 18(3), 433–452. <https://doi.org/10.1177/1469540516668229>
- Yeung, W. J. J. & Cheung, A. K. L. (2015). Living alone: one-person households in Asia. *Demographic Research*, 32(1), 1099–1112. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2015.32.40>
- Young, M. & Lachapelle, U. (2017). Transportation behaviours of the growing Canadian single-person households. *Transport Policy*, 57, 41–50. <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2017.03.022>

Информация об авторе

Елена Анатольевна Любимова, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и социальной психологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
e.a.lyubimova@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8420-0514>

Information about the author

Elena A. Lyubimova, Cand. Sci. (Soc), Assistant professor, Department of general and social psychology, University of Tyumen, Tyumen, Russia
e.a.lyubimova@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8420-0514>

Волонтерская деятельность молодежи: репрезентация в социальных сетях

Марина Николаевна Кичерова[✉], Елизавета Александровна Юрина,
Татьяна Витальевна Каравайцева

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
E-mail для переписки: m.n.kicherova@utmn.ru[✉]

Аннотация. Статья представляет результаты эмпирического исследования, раскрывающего особенности волонтерской деятельности молодежи через репрезентацию в социальных сетях. В рамках экосистемного подхода рассмотрены новые практики взаимодействия волонтерских объединений, выявлены проблемные зоны и перспективные направления развития добровольчества. Сбор данных реализован на основе сочетания методов: контент-анализ тематических постов в сообществах волонтерских объединений в социальной сети «ВКонтакте» и полуформализованное интервью с волонтерами (10 информантов). В ходе исследования установлено, что репрезентация в социальных сетях фрагментарно отражает практическую деятельность добровольцев, наблюдается дефицит информации об актуальных вакансиях для набора волонтеров, представлена преимущественно региональная повестка, данные о текущих национальных и международных проектах отсутствуют, вместо анонсов предстоящих событий доминирует обзор проведенных мероприятий. При этом репрезентация волонтерства обеспечивает следующие социальные функции — информирует о направлениях деятельности, вовлекает новых участников, освещает прошедшие события. Новизна работы в том, что использован экосистемный подход к анализу современных добровольческих практик: показаны ресурсные возможности, выделены проблемные зоны, связанные с репрезентацией, информированностью, выбором направления деятельности, привлечения ресурсов, организации партнерских программ. По итогам исследования предложены рекомендации для развития практик добровольчества в молодежной среде, повышения социальной активности молодежи.

Ключевые слова: волонтерская деятельность, добровольчество, волонтеры, молодежь, социальная активность, экосистемный подход, мотивация, социальные сети

Цитирование: Кичерова М. Н., Юрина Е. А., Каравайцева Т. В. 2023. Волонтерская деятельность молодежи: репрезентация в социальных сетях // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 1. С. 44–65. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-44-65>

Поступила 13.10.2022; одобрена 18.11.2022; принята 30.01.2023

Youth volunteering : representation in social media

Marina N. Kicherova , Elizaveta A. Yurina, Tatyana V. Karavaytseva

University of Tyumen, Tyumen, Russia

Corresponding author: m.n.kicherova@utmn.ru

Abstract. The article presents the results of an empirical study that reveals the features of youth volunteering through representation in social networks. Within the framework of the ecosystem approach, new practices of interaction between volunteer associations are considered, problem areas and promising areas for the development of volunteerism are identified. Data collection was implemented based on a combination of methods: content analysis of thematic posts in the communities of volunteer associations in the VKontakte social network and a semi-formalized interview with volunteers (10 informants). The study has found that the representation in social networks fragmentarily reflects the practical activities of volunteers, there is a lack of information about current opportunities for volunteers, a predominantly regional agenda is presented, there is no data on current national and international projects, instead of announcements of upcoming events, a review of past events dominates. At the same time, the representation of volunteering provides the following social functions: information on the areas of activity, involvement of new participants, and highlighting past events. The ecosystem approach to the analysis of modern volunteer practices has shown resource opportunities and identified the problem areas related to representation, awareness, choice of direction of activity, attraction of resources, and organization of partnership programs. Based on the results of the study, recommendations are proposed for the development of volunteering practices among the youth, increasing the social activity of young people.

Keywords: volunteering, volunteerism, volunteers, youth, social activity, ecosystem approach, motivation, social networks

Citation: Kicherova, M. N., Yurina, E. A., & Karavaytseva, T. V. (2023). Youth Volunteering: representation in social media. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9 (1), 44–65. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-44-65>

Received Oct. 13, 2022; Reviewed Nov. 18, 2022; Accepted Jan. 30, 2023

Введение

Волонтерская деятельность как проявление активности, добровольной помощи людям является универсальным человеческим феноменом, находит применение во всех культурах и среди представителей всех полов и возрастов. В мире и в России наблюдается значительное расширение направлений добровольческой деятельности. Волонтерский труд становится повседневной социальной практикой: добровольцы из разных стран оказывают разностороннюю помощь оказавшимся в трудной жизненной ситуации, помогают в преодолении острых социальных проблем [Попов, Дегтярева, 2020]. Государство заинтересовано в развитии волонтерской деятельности, так как добровольцы способствуют решению многих социальных задач. В российском законодательстве под волонтерской деятельностью понимается добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в целях содействия деятельности в социокультурной сфере [Старшинова, 2019].

В последние годы наблюдается увеличение численности волонтеров. Возможно, это обусловлено тем, что в России 2018 г. был объявлен годом добровольца как символ признания заслуг безвозмездных помощников, и впоследствии начиная с 2019 г. число волонтеров в России постоянно увеличивается. По данным ВЦИОМ, количество граждан, вовлеченных в волонтерскую деятельность, возросло с 20% в 2019 г. до 40% в 2021 г. [Взаимопомощь во время пандемии..., 2020], и это количество официально зарегистрированных волонтеров. Многие добровольцы оказывают помощь без регистрации. Кроме того, в Российской Федерации была реализована сетевая акция #МыВместе, в ходе которой совместными усилиями органов власти, местных НКО, общественных движений и бизнеса собиралась информация о запросах населения и помощь реализовывалась на практике [Певная и др, 2021, с. 496]. Эта акция привлекла большое количество волонтеров за счет централизованной координации всех участников, целенаправленной политики репрезентации в СМИ, широкой социальной рекламе и партнерским связям.

При этом в большинстве регионов сохраняются проблемы в организации волонтерской деятельности, регулировании процессов подбора и обучения волонтеров, привлечения к актуальным мероприятиям [Овсий, 2019], что во многом связано и с характером репрезентации деятельности волонтеров в социальных сетях. В соответствии с данными, представленными в концепции развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 г., всего 15% населения России участвуют в добровольческой деятельности, в то время как 50% готовы работать на добровольной основе [О Концепции развития добровольчества, 2018]. По данным аналитики волонтерства России на портале Dobro.ru, число волонтеров с 2018 г. возросло, но в 2021 г. наблюдался спад. Так, в 2020 г. в волонтерской деятельности было задействовано 911 268 добровольцев, а уже в 2022 г. их почти на 200 тыс. меньше [Добровольцы России...]. В 2022 г. больше половины задействованных в добровольчестве (72,46%) молодежь [Добровольцы России...]. Если рассматривать вовлеченность молодых людей в разрезе возраста, можно заметить постепенную потерю интереса к добровольческой деятельности с увеличением возраста: школьники (в возрасте до 18 лет) являются самой обширной возрастной группой,

предоставляющей волонтерскую помощь (50,57%), спад вовлеченности наблюдается уже в следующей возрастной группе от 18 до 24 лет (21,89%), в группе от 25 до 34 лет заняты всего 9,66% из общего числа волонтеров, зарегистрированных на официальном портале Dobro.ru [Добровольцы России...]. Многие школьники, занимающиеся волонтерской деятельностью, после окончания школы прекращают заниматься добровольческим трудом, из-за этого наблюдается резкий спад количества волонтеров в возрасте 18–24 лет. Уменьшение численности добровольцев в следующей возрастной группе может происходить по схожим причинам — студенты-волонтеры после выпуска из учебного заведения находят основную работу, заводят семью, меняют сферу занятости, прекращают добровольческую работу. Сложившаяся ситуация на рынке добровольческого труда свидетельствует о том, что социально-культурные институты, привлекающие молодежь к добровольчеству, не обеспечивают в полной мере преемственность деятельности и вовлеченность всех желающих. Учитывая, что молодые люди являются активными пользователями социальных сетей, репрезентация волонтерской деятельности в виртуальных сообществах выступает важным инструментом управления, регулирования данного процесса. Возможно, что репрезентация в социальных сетях недостаточно отражает реальную социальную практику добровольчества, не хватает актуальной информации о вакансиях, подробного информирования о потребностях общества и отдельных социальных групп.

Цель статьи — изучение современных практик волонтерской деятельности молодежи и выявление специфики их репрезентации в социальных сетях. Ключевой исследовательский вопрос — как организована репрезентация деятельности волонтеров в социальных сетях: какие характеристики публикаций способствуют позитивному восприятию добровольчества, с чем связаны проблемы вовлечения молодежи через репрезентацию в виртуальных сообществах.

Обзор литературы

Обзор исследований по данной проблематике показывает, что волонтерская деятельность как феномен достаточно исследована — рассматривалась структура мотивов, модели управления волонтерской деятельностью, специфика формирования добровольческих организаций, в том числе их деятельность в виртуальном пространстве. При этом в социологической науке уточняются границы концептуализации, возможности применения разных теоретических рамок для изучения данного феномена, отмечается необходимость различения волонтерства и гражданского активизма [Невский, 2020].

М. С. Шерраден рассматривает волонтерство как услуги людей по внесению существенного вклада в развитие сообществ, волонтерская деятельность оценивается минимальной денежной компенсацией для услугодателя, большую роль играют нематериальные стимулы, такие как признание и уважение [цит. по Devereux, 2010, с. 147], главными мотивами является признание усилий на благо общества, что является почетным.

Интересен взгляд К. Бидермана на трансформацию процессов волонтерской деятельности, изменение мотивации. Им отмечено, что «в сфере волонтерской работы

в Великобритании обнаружили значительные изменения, в частности, альтруистская помощь другим перешла в добровольную, убежденную активность, в которой собственные интересы совмещаются с помощью другим» [Бидерман, 1999, с. 39]. В данной трактовке мотивов он смещает акцент с альтруистической помощи в сторону убежденной активности, что вытекает в парадокс: деятельность, осуществляемая на благо других, должна в первую очередь приносить пользу самому волонтеру, а затем обществу. Таким образом, деятельность волонтера мотивируется прежде всего эгоистическими мотивами, когда осознаются цели, идеи и возможные результаты еще до оказания помощи.

Российские же исследователи, в частности О. В. Решетников, акцентируют другие аспекты современного волонтерства — «форма социального служения, осуществляемая по свободному волеизъявлению граждан, направленная на бескорыстное оказание социально значимых услуг на местном, национальном или международном уровнях, способствующая личностному росту и развитию выполняющих эту деятельность граждан — добровольцев» [Решетников, 2010, с. 12]. Исследователь актуализирует альтруистические мотивы волонтерства, ставя их на передний план наравне со служением этой деятельности. Он считает, что в процессе волонтерской деятельности личные цели добровольцев удовлетворяются непроизвольно, для этого не прилагаются существенные усилия.

Е. С. Азарова и М. С. Яницкий определяют ключевыми характеристиками волонтерства именно одобряемость и признаваемость безвозмездной помощи, распространение полезных эффектов как в рамках общества, так и индивида, отсутствие специальной подготовки и мотивации к получению оплаты [Азарова, Яницкий, 2008, с. 120]. Волонтерство характеризуется ими в первую очередь как автономная деятельность в решении вопроса об участии в помощи обществу, акцент делается на свободе и личном желании.

Л. Е. Сикорская рассматривает волонтерство как форму трудового воспитания студенческой молодежи и вид социального служения, как «активность молодого человека, направленную на позитивные общественные изменения в социальной сфере» [Сикорская, 2009, с. 168]. В данном контексте ценностью современного человека выступает межкультурная интеграция молодежи разных стран для решения глобальных проблем. Именно в процессе интеграции развивается эмпатия на межкультурном уровне, толерантность и терпимость.

Интеграция волонтерской деятельности, о которой говорила Л. Е. Сикорская, рассматривается в рамках экосистемного подхода, набирающего популярность в бизнес-среде и применимого к организации волонтерства. П. А. Кропоткин в контексте концепции дарвинизма рассматривал взаимопомощь как фактор эволюции. Отсутствие внутривидовой борьбы, взаимная помощь и поддержка — мощный двигатель эволюции и человека. Причем социальная борьба дает результаты, если она служит основой возникновения новых форм, построенных на солидарности и справедливости [Кропоткин, 2007, с. 85]. Сформулированный ученым закон взаимной помощи лег в основу экосистемного подхода к организации волонтерства, что позволяет рассматривать обмен ресурсами (добровольная безвозмездная помощь) разных акторов как основу устойчивых социальных отношений. К признакам социальной экосистемы относят разнообразие участвующих

акторов и возможность децентрализованного управления ими, разнообразие источников ресурсов, вовлечение всех акторов в коэволюцию экосистемы. При взаимодействии формируются преимущественно горизонтальные связи, в отношениях наблюдается гибкость и высокая степень адаптивности.

Экосистемный подход к организации добровольческой деятельности наиболее актуален для молодежи, которая в силу особенностей материального положения вынуждена искать ресурсы на безвозмездной основе [Бархаев, 2009, с. 79]. Многочисленные связи и взаимодействия способствуют эффективному решению волонтерских задач. К проблемам молодежного волонтерства в рамках экосистемного подхода стоит отнести неспособность руководить взаимодействием в рамках больших проектов, неумение управлять большим количеством разнообразных групп игроков, координируя постоянно их деятельность, неспособность искать контакты с заинтересованными стейкхолдерами и выстраивать с ними выгодные доверительные отношения.

В период становления волонтерства как социального института возникают модели развития данного явления. Н. И. Хворостьянова выделяет три модели российского волонтерства: традиционная, демократическая и советская [Хворостьянова, 2017]. В основе традиционной модели лежит «романтизация традиционной российской благотворительности» [Там же, с. 140], главной чертой является жесткая иерархичность. Демократическая модель предполагает личную инициативность и социальную ответственность, наличие гражданского общества. Советская модель предполагает добровольчество и иные общественно полезные действия, которые реализовывались в СССР, например, тимуровское движение и пр. При этом все добровольческие организации находятся под контролем государства. Такую модель часто критикуют западные ученые, ссылаясь на то, что «принудительное волонтерство» дает обратный эффект и создает в обществе сопротивление и недоверие. Особенностью современной российской модели становится то, что волонтерская деятельность сочетает в себе элементы демократической и советской моделей [Ковель, 2019], прошлый опыт сочетается с новыми практиками, происходит формирование новых институциональных связей и отношений.

Современные исследования показывают, что появляются новые направления волонтерской деятельности, отвечающие на запросы быстроменяющейся обстановки в мире, они расширяют структуру этого явления [Певная, 2020], меняют модели организации волонтерской деятельности. Наблюдается стремление к демократической модели развития добровольчества, где государство обеспечивает формирование нормативно-правовой базы для полноценного функционирования данного института. В этом контексте развивается как организованное, отрядное, так и спонтанное волонтерство [Кичерова и др, 2021, с. 54]. Исследования показывают, что многие молодые люди готовы ситуативно, время от времени присоединяться к работе на разных волонтерских мероприятиях, их называют эпизодическими волонтерами. И. И. Краснопольская и соавторы отмечают, что такая форма волонтерского участия приходит на смену регулярно волонтерству в некоммерческих организациях, оценивая это как «смену парадигмы взаимодействия «некоммерческая организация-волонтер» [Краснопольская и др., 2022, с. 386]. При этом поощрение волонтеров, удовлетворенность деятельностью влияет

на готовность принимать участие в волонтерских проектах в будущем. Для организации добровольческой деятельности большую роль играют виртуальные сообщества волонтеров. В. А. Смирнов выделил три кластера виртуальных сообществ волонтеров (волонтерские онлайн-сообщества франшизы, сервисные волонтерские сообщества и онлайн-сообщества прямого действия), которые имеют разную структуру внутренней организации онлайн-сообщества [Смирнов, 2019]. Автор показал целевое назначение этих виртуальных сообществ, характеристики основных участников, особенности управления, подчеркнул важность преобладающих мотивов для вовлечения — личное развитие и самореализация. Однако, занимаясь волонтерской деятельностью, молодые люди реализуют не только альтруистические мотивы. Для них важно получение опыта, профессионального развития, установление новых контактов и продуктивное взаимодействие. По оценкам молодежи, добровольчество ведет к успешности в жизни (среди респондентов 18–24 лет этот показатель составил 15%, а среди респондентов в возрасте 25–34 — 6%) [Федоров]. Репрезентация в виртуальных социальных сетях может отвечать на запросы волонтеров, способствовать установлению экосистемных связей.

Таким образом, обзор научной литературы показывает, что имеется значительное число работ, раскрывающих сущность волонтерской деятельности молодежи, мотивацию к ней, социальное значение и роль волонтеров в жизни общества. В этих работах рассматривается преимущественно положительный эффект, который оказывает волонтерская деятельность, наблюдается повышенный интерес к новым формам добровольчества. При этом недостаточное внимание уделяется анализу проблемного поля, возникающим барьерам и ограничениям деятельности. Новым для науки является применение экосистемного подхода для исследования добровольческих практик. Экосистемный подход, чрезвычайно популярный в бизнес-среде, предпринимательстве, позволяет исследовать новый тип связей, обмен ресурсами, поиск новых моделей социального взаимодействия. Практически не исследован опыт репрезентации волонтерской деятельности в социальных сетях: предложена типология виртуальных сообществ волонтеров, показаны их состав, цели, однако специфика репрезентации не раскрыта в полной мере. При этом важно отметить, что именно репрезентация в социальных сетях стала инструментом, сопровождающим практики добровольчества и позволяющим существенно влиять на социальную реальность [О внесении изменений, 2018]. В связи с этим распространение новых практик добровольческой деятельности молодежи, их репрезентация в социальных сетях заслуживают пристального внимания и всестороннего изучения.

Методы

Эмпирическое исследование реализовано с использованием двух методов — контент-анализ информационных материалов, представленных в социальных сетях в сообществах волонтеров и полуформализованное интервью с волонтерами, имеющими стаж добровольческой деятельности не менее года (10 информантов). Информационной базой для контент-анализа выступили тематические посты в виртуальных сообществах волонтеров — тематические сообщества молодежных волонтерских объединений

в социальной сети «ВКонтакте»: «Волонтеры | Добровольцы | Тюмень» и «Лига добровольцев ТюмГУ», 2731 и 1983 участника соответственно. Публикации поделены на четыре категории: приглашение к участию/вакансия; освещение прошедшего мероприятия; волонтерские проекты (реализованные и планируемые); поощрение/награждение за волонтерство. Сбор эмпирических данных осуществляли в виртуальных сообществах 5 месяцев, в период с января 2022 г. по конец мая 2022 г.

Второй метод — глубинное полуструктурированное интервью — реализовано с опорой на методологию качественного исследования, интервью проводилось лично, продолжалось 30–40 минут, сопровождалось аудиозаписью, составлены транскрипты. При обработке данных использовались приемы интерпретационного и нарративного анализа, базовыми категориями анализа выступили индивидуальные проблемы волонтеров (в том числе мотивация, стратегии выбора направления и др.), проблемы волонтерской деятельности на уровне объединения/организации, региона и страны в целом, возможности построения новых связей, организация партнерства при использовании ресурсов, оценка влияния деятельности виртуальных сообществ волонтеров, их влияние на реальные практики добровольчества.

Сочетание указанных методов позволило раскрыть специфику современных практик волонтерской деятельности на разных уровнях социальной системы, совмещение масштабов обеспечило новизну результатов микроуровня и макроуровня, в том числе за счет оценки влияния репрезентации деятельности в социальных сетях на практику добровольчества. Двойной фокус анализа (сама добровольческая деятельность и ее отражение в социальных сетях) как методический прием исследовательской оптики позволил выявить не только явные, но и некоторые скрытые социальные явления, сопровождающие современную практику добровольчества. Смешанный дизайн исследования позволил определить не только актуальные направления волонтерской деятельности через новостную повестку виртуальных сообществ, но и оценить, каким образом эти сообщества волонтеров, их активность в социальных сетях способствуют развитию и продвижению волонтерской деятельности в регионе.

Результаты

Репрезентация деятельности волонтеров в социальных сетях выполняет несколько социальных функций: информирует о предстоящих событиях, мотивирует к участию, обеспечивает поиск вакансий для волонтеров, освещает прошедшие события. При этом характер репрезентации существенно отличается в зависимости от состава участников виртуальных сообществ, направлений их деятельности, целевых установок, навыков социальной рекламы и продвижения.

Первое сообщество «Волонтеры | Добровольцы | Тюмень» позиционирует себя не как волонтерский центр, а как команду, объединяющую всех волонтеров Тюмени: на конец мая 2022 г. сообщество включало 2731 участника. Публикациями они помогают добровольцам узнать о новых вакансиях, а нуждающимся в помощи найти волонтеров. Проведенный контент-анализ показал, что с января по конец мая 2022 г. в группе

опубликовано всего 102 новости, из которых 73 касались добровольческого труда, остальные 29 публикаций не были напрямую связаны с волонтерской деятельностью: поздравления с праздниками, размещение информационных картинок и т. д. Всего 9 из 102 публикаций имели отклик в виде комментариев, 4 из которых были одобрительного характера, 2 с добавлением подробной информации к публикации, а остальные с дополнительными вопросами от подписчиков. Распределение по направлениям и характер публикации представлены в таблице 1.

Таблица 1. Распределение публикаций по тематике в группе «Волонтеры | Добровольцы | Тюмень» за период с января по май 2022 г.

Table 1. Distribution of publications by topic in the group “Volunteers | Volunteers | Tyumen” for the period from January to May 2022

Направления волонтерской деятельности	Показатель (тематика публикаций)					Всего
	Приглашение к действию / вакансии	Освещение прошедшего мероприятия	Волонтерские проекты	Награждение		
Социальное	21	6	6	1	34	
Событийное	3	0	0	0	3	
Экологическое	2	1	1	0	4	
Спортивное	6	0	0	0	6	
Культурное	6	4	0	0	10	
Зооволонтерство	2	0	1	0	3	
Донорство	1	0	0	0	1	
Волонтеры — спасатели	1	0	0	0	1	
Art-волонтерство	2	0	0	0	2	
Инклюзивное	1	0	0	0	1	
Волонтеры Победы	4	4	0	0	8	
Всего	49	15	8	1	73	

По данным, представленным в таблице 1, видно, что чаще всего в группе публикуются новости о вакансиях для волонтеров (47 новостей из 73), на втором месте — освещение прошедших мероприятий (15 новостей из 73), на третьем — волонтерские проекты (8 новостей из 73). Крайне редко встречались новости о поощрении/награждении волонтеров, за 5 месяцев 2022 г. этому была посвящена всего одна публикация. В привлечении волонтеров огромную роль играет личный пример действий, поступков — это носит мотивационный характер. Такие примеры обеспечивают новым волонтерам приток положительных эмоций и интерес к волонтерской деятельности. Совсем не было сюжетов о привлечении партнеров к мероприятиям, совместном использовании ресурсов, что свидетельствует о слабых экосистемных связях, практически они отсутствовали.

Самым востребованным направлением волонтерской деятельности стало социальное волонтерство (34 публикации). На втором и третьем месте расположились культурное волонтерство (10 публикаций) и волонтеры Победы (8 публикаций) (рис. 1). Реже встречались публикации про такие направления, как событийное, зооволонтерство, art-волонтерство, инклюзивное волонтерство, донорство и волонтеры-спасатели — эти примеры являются частными и, скорее всего, реализуются на уровне персональных инициатив самих волонтеров, поэтому встречаются намного реже. Совсем не отражены в публикациях такие направления: волонтеры-медики, киберволонтерство, медиаволонтерство, корпоративное волонтерство. Это может свидетельствовать о том, что в регионе преобладает прежняя «советская» модель поддержки и развития волонтерства — точечное финансирование ключевых направлений, в которых заинтересовано государство (социальное волонтерство) и в отношении которых проводится максимальное привлечение добровольцев. Репрезентация в социальных сетях отражает эту тенденцию — информационная поддержка одного преобладающего направления.

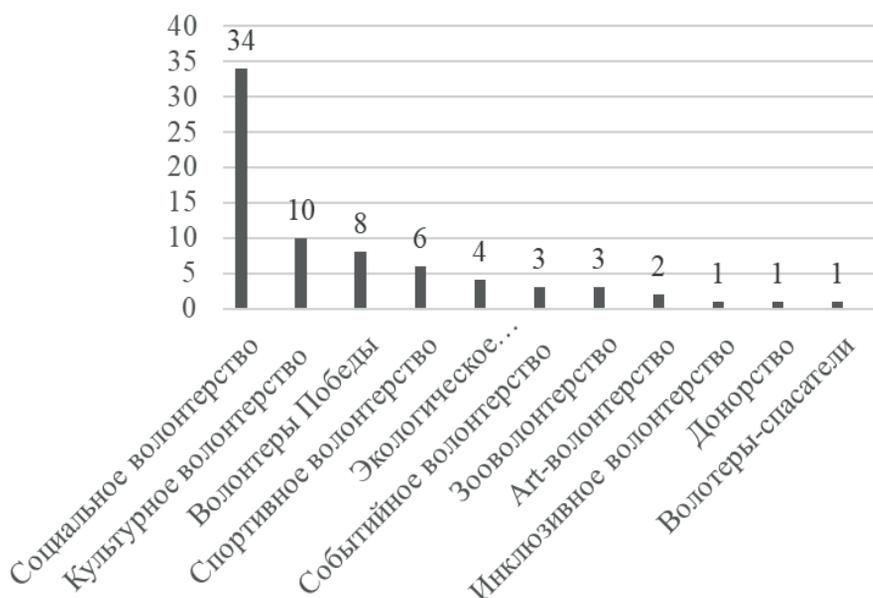

Рис. 1. Распределение публикаций по направлениям в группе «Волонтеры | Добровольцы | Тюмень»

Fig. 1. Distribution of publications by directions in the group “Volunteers | Volunteers | Tyumen”

Из анализа группы в социальной сети «ВКонтакте» можно сделать вывод, что авторы не предоставляют своим последователям полной информации о добровольческих мероприятиях и проектах, проводящихся в городе, в регионе и в целом по России. Направления, которые преобладают в новостной повестке, не отличаются разнообразием, однотипны, нет информации о новых актуальных для России направлениях,

международные, всероссийские или региональные проекты освещены очень плохо. Заслуги волонтеров не освещаются, а информация о грантах и поддержке со стороны государства совершенно отсутствует. Эти факты позволяют говорить о несовершенной работе авторов группы и, как следствие, плохой информированности самих волонтеров.

Второй группой для анализа выступало сообщество «Лига добровольцев ТюмГУ», базирующееся в Тюменском государственном университете, но принимающее в свои ряды не только студентов университета, но и всех желающих. Участники «Лиги добровольцев» позиционируют себя как команда неравнодушных людей, которые не только оказывают помощь нуждающимся, но и реализуют волонтерские проекты по социальному, инклюзивному, экологическому, событийному волонтерству, зооволонтерству, медиаволонтерству, по профилактике и донорскому движению, на конец мая 2022 г. насчитывает 1982 последователя. Главной особенностью своей работы они называют систематичность. За период января — мая 2022 г. авторы группы опубликовали всего 73 новости, 45 из которых связаны с волонтерской деятельностью, остальные новости затрагивают темы, не относящиеся к добровольчеству. 10 новостей имеют обратную связь в виде комментариев последователей, 7 из которых имеют одобрительный отклик, 2 содержат дополнительные вопросы к публикации и 1 комментарий — пояснение к информации в публикации. Распределение по направлениям и характер публикации представлены в таблице 2.

Таблица 2. Распределение публикаций по тематике в группе «Лига добровольцев ТюмГУ» за период с января по май 2022 г.

Table 2. Distribution of publications by topic in the group "League of Volunteers of UTMN" for the period from January to May 2022

Направления волонтерской деятельности	Показатель (тематика публикаций)					Всего
	Приглашение к действию / вакансия	Освещение прошедшего мероприятия	Волонтерские проекты	Награждение		
Социальное	10	2	4	4		20
Событийное	2	1	0	0		3
Экологическое	1	0	1	0		2
Спортивное	1	0	0	0		1
Культурное	3	0	0	0		3
Зооволонтерство	1	3	1	1		6
Волонтеры — медики	1	5	0	0		6
Донорство	1	0	0	0		1
Art-волонтерство	1	0	0	0		1
Инклюзивное	1	0	0	0		1
Волонтеры Победы	1	0	0	0		1
Всего	23	11	6	5		45

По данным, представленным в таблице 2, видно, что чаще всего в группе публикуются новости призывного характера (23 новости из 45), на втором месте — освещение прошедших мероприятий (10 новостей из 45), на третьем — волонтерские проекты (6 новостей из 45) и награждения (5 новостей из 45). Отличительной чертой данной группы стало то, что авторы знакомят аудиторию с волонтерами центра и их заслугами, это может положительно влиять на волонтеров, которые только начинают свой путь, служить им примером, к которому можно стремиться. Также присутствуют публикации, направленные на сплочение волонтеров внутри социальной группы: совместные мероприятия, просмотр кинофильмов и т. д. Волонтерские проекты освещаются, но в основном это проекты региональные, информации о международных и всероссийских проектах нет.

Оценка ключевых маркеров репрезентации (тематика постов, регулярность сообщений) показала, что самым востребованным / наиболее полно представленным направлением волонтерской деятельности стало социальное волонтерство (20 публикаций), что возможно объяснить тем, что данное направление является весьма широким, включающим различные практики, при этом стиль репрезентации в социальных сетях (описание событий, мероприятий) позволяет отнести публикации к данному виду. На втором месте стоят такие направления, как волонтеры-медики и зооволонтерство (по 6 публикаций) (рис. 2.). Такие виды, как инклюзивное, медиаволонтерство, донорство и профилактика мало освещены или не представлены совсем, информация о новых направлениях киберволонтерства, корпоративного волонтерства полностью отсутствует. Слабая репрезентация в социальных сетях может говорить о том, что о данных направлениях мало информируют молодежь, нет лидеров, продвигающих информационную повестку по данным направлениям, — деятельность осуществляется, но информации о ней практически нет.

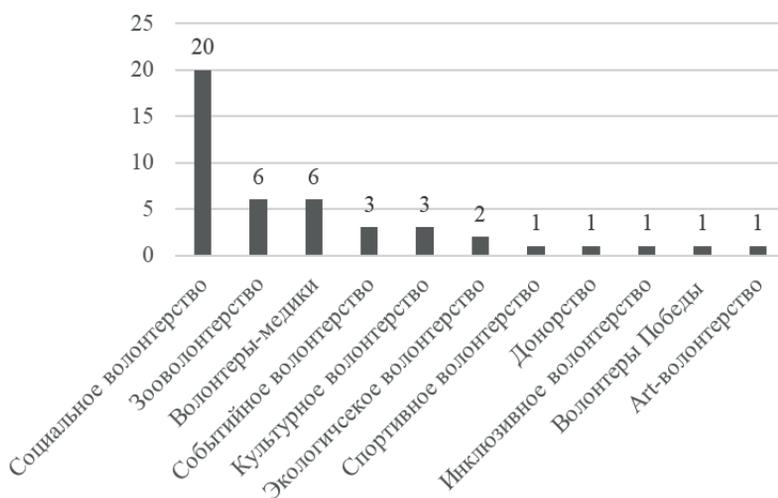

Рис. 2. Распределение публикаций по направлениям в группе «Лига Добровольцев ТюмГУ»

Fig. 2. Distribution of publications by directions in the group “League of Volunteers of UTMN”

Анализ второй группы «Лига добровольцев ТюмГУ» показал, что разнообразие публикаций и новостной повестки обширнее, чем в первой, но количество новостей за 5 месяцев намного меньше, что говорит о плохой работе с актуальной информацией у автора группы. Позиционирование самой группы отличается от действительности, заявленные направления не реализуются в полной мере и можно говорить, что всего одно направление (социальное) находится в информационной повестке. Проектное волонтерство тоже не освещается в полной мере. Поэтому можно судить о том, что новые потенциальные волонтеры или молодежь, которая хочет заниматься волонтерской деятельностью, не найдет полной актуальной информации в данных сообществах. Оценка репрезентации волонтерской деятельности в социальных сетях показала, что ключевая функция — привлечение новых участников, реализуется неудовлетворительно. К примеру, на сайте Dobro.ru, крупнейшей национальной платформе, в обозначенный период проходил набор на 12 мероприятий, реализующихся в Тюмени, и более 20 проектов всероссийских и региональных, но ни в одной группе не было публикаций о наборе волонтеров или полной информации о проектах. Не все волонтеры регулярно используют в информационных целях портал Dobro.ru, поэтому дополнительная информация в виртуальных сообществах об актуальных предстоящих событиях была бы полезна, способствовала активизации деятельности.

Таким образом, результаты проведенного контент-анализа позволяют говорить о плохой информированности молодежи Тюмени о мероприятиях и проектах в добровольческой среде. Тем самым молодые люди, которые хотели бы проявить позитивную социальную активность и заниматься волонтерской деятельностью не могут получить полной информации о ней. Из-за недоступности информации молодежь теряет интерес к волонтерству, ищет более доступные увлечения. Поэтому волонтерским группам для привлечения в свои ряды участников нужно поменять стратегию ведения социальных сетей. Разнообразить свой контент: во-первых, дополнить новостную повестку новыми предложениями и вакансиями; во-вторых, расширить информацию о направлениях волонтерской деятельности, чтобы представить выбор волонтерам; в-третьих, освещать добровольческие проекты разных уровней, в том числе личные проекты волонтеров, региональные и национальные; в-четвертых, добавить рубрику знакомства с волонтерами, которые отличились своей работой, чтобы это служило мотивацией и стимулом как для новых волонтеров, так и для тех, кто занимается добровольческим трудом дольше; в-пятых, добавить интеграционные мероприятия и новости в ленту для лучшей сплоченности волонтеров в группе. Также важно давать обратную связь по проделанной работе, чтобы вклад каждого не был недооценен.

Для более детального выявления специфики добровольческих практик в молодежной среде, углубления анализа репрезентации в социальных сетях и существующих проблем реализована серия полуформализованных интервью, в которой приняли участие 10 волонтеров Тюменской области в возрасте от 18 до 22 лет, имеющих стаж добровольческой деятельности более года. Гайд интервью включал 4 блока вопросов, в которых последовательно обсуждались проблемы на уровне волонтера, учебного заведения, государства, вопросы взаимодействия, связанные с поиском ресурсов и установления партнерских

связей, репрезентации деятельности в социальных сетях. Интервью проведены после контент-анализа, что позволило получить сведения, как волонтеры сами интерпретируют характер публикаций в социальных сетях и задать уточняющие вопросы.

Анализ интервью показал, что мотивы добровольческой деятельности различны. При этом среди молодежи заметна тенденция к комплексной мотивации, которая включает как альтруистические, так и прагматические мотивы:

«Хотелось помочь решить проблему, начиная с себя и показывая свой пример. Я поняла, что волонтерство дает большие возможности вплоть до поездок в другие страны»¹, — отмечает Полина П., эковолонтер.

Ответы информантов свидетельствуют о смещении доминирующих мотивов в прагматическую сторону, что связано как с желанием помочь нуждающимся, так и с желанием получить пользу для себя. Среди причин перехода от альтруистической мотивации к прагматической было обозначено безразличие общества к труду волонтеров, его обесценивание и неготовность оказывать содействие: по мнению Павла Ш., эковолонтера «в России людям не до пластика, и я переключился так, чтобы волонтерство шло от практической пользы, которую я получу». Это говорит о том, что общество демотивирует волонтеров, разрушая альтруистическую мотивацию, а имеющаяся репрезентация в виртуальных социальных сетях способствует этому процессу. Кроме того, на изменение мотивации влияет профессиональный опыт волонтера, сопряженный с желанием получать новые возможности личностного роста и развивать навыки: «Мотивация изменилась, потому что я росла и хотелось получать возможности от волонтерства», — из интервью с Евгенией О., стаж 4 года.

Для организации и координации деятельности волонтеров с 2016 г. в России функционирует виртуальная платформа Dobro.ru, с целью объединить на одном ресурсе всех волонтеров и волонтерские проекты страны, считается самой крупной платформой волонтеров [Добровольцы России ...]. Об официальной регистрации в качестве волонтера, которая не является обязательным условием для осуществления добровольческой деятельности, было высказано следующее мнение: волонтеры в большинстве случаев регистрируются в системе Dobro.ru принудительно, когда вступают в объединения: «Попросили сделать», «через принуждение, можно сказать, но добровольно принудительно». Однако персональная регистрация не всегда позволяет учитывать часы добровольческой помощи — они не учитывались в персональный стаж волонтера, если зарегистрированный волонтер участвовал в мероприятии, которое официально не заявлено на платформе.

Среди причин регистрации в системе Dobro.ru и получения волонтерской книжки информанты выделили: фиксацию и учет достижений, которые впоследствии служат преимуществом на этапах отбора для крупных мероприятий, тем самым повышая мотивацию: «Прикольно смотреть на миллион записей с мероприятий... он листает, листает их и гордится собой», — из интервью с Полиной П, стаж 4 года. Для организаторов мероприятий регистрация участников на Dobro.ru служит методом контроля деятель-

¹ Здесь и далее стиль информантов полностью сохранен.

ности волонтера, средством учета его активности, получения данных о нем. При этом сам факт регистрации в системе значительно повышает ответственность волонтеров:

«человек зарегистрировался, сделал шаг, он взял на себя обязательство, он уже волонтер этого мероприятия, он придет. Из-за этого меньше шансов, что он просто сольется, не сообщив никому», — замечает Евгения О., стаж 4 года.

Иными словами, как для организаторов, так и для участников регистрация является фактическим договором, подтверждающим выполнение работы на добровольных началах.

Социальные сети и в том числе платформа Dobro.ru, дает волонтерам ощущение причастности к большому сообществу, тем самым формируя идентичность: «Можно сообщением другим волонтерам писать, искать тех, кто прошел с тобой на форум, создавать сообщества», — Наталья Б, стаж 7 лет. Практически во всех интервью лейтмотивом звучала тема недостатка образовательных мероприятий как для начинающих, так и более опытных волонтеров. Репрезентация в социальных сетях фактически не удовлетворяет этот запрос: несмотря на то, что на Dobro.ru создан проект «Добро.Университет» (курсы для волонтеров и организаторов волонтерства), потребность в обучающих программах остается высокой.

Информанты единогласно высказались относительно обязанности государства помогать волонтерам, эта помощь должна проявляться в привлечении активных волонтеров к участию в крупных всероссийских и международных событиях, обучающих программах. Информанты подчеркнули, что в России реализуется важная государственная поддержка — оплата проезда волонтера до места проведения мероприятия, питание и проживание. Татьяна К., стаж 7 лет, обозначила проблему точечного финансирования отдельных направлений деятельности, которые находятся в приоритете государства:

«Государству выгодно развивать патриотическое волонтерство, поэтому финансируется направление Волонтеры Победы. Для помощи в чрезвычайных ситуациях реализуется проект #МыВместе, тем самым закрывая проблемные зоны».

Помимо исключительно государственной поддержки стали развиваться формы государственно-частного партнерства, в качестве примера информанты отметили приложение «Другое дело», позволяющее накапливать баллы за волонтерскую деятельность и обменивать их на призы. В перспективе за эти баллы, по мнению Евгении О., эковолонтера, стоит давать волонтерам возможности и поощрения в культурном плане:

«было бы классно, если волонтерам при определенном накопленном уровне обеспечивали посещение театров, музеев, государственных учреждений бесплатно или с определенной скидкой».

Такую поддержку можно рассматривать как проявление экосистемных, партнерских связей — за полученные бонусы уже можно получить бесплатные образовательные курсы и программы, стажировки и даже путешествия. Экосистемными отношениями можно считать следующие практики, которые были отмечены нашими информантами: услуги коворкинга для проведения мероприятий, методическая помощь в написании заявок на грант, а также инициативы бизнеса по развитию корпоративного волонтерства.

Однако такие партнерские проекты реализуются преимущественно крупными компаниями, а маленькие организации и отдельные волонтеры испытывают в этом трудности, несмотря на имеющуюся потребность.

Анастасия А., стаж 3 года, отметила, что изначально *«сторонилась этих сообществ, потому что чувствовала конкуренцию, сейчас же понимаю, что именно в команде есть ценность»*. Полина П, эковолонтер, выделила проблему получения отказов при организации партнерства, когда *«не сходятся интересы или не получается объединиться. Случаются форс-мажоры, когда договоренности не выполняются, но тут больше про проблему коммуникаций»*.

Информанты подчеркнули, что нет платформы по поиску партнеров, нет места, где по интересам можно быстро найти себе единомышленников, готовых к совместным действиям.

Наиболее острой проблемой, по мнению Дарьи Т., стаж 10 лет, является негативная оценка и стереотипы относительно взаимодействующих сторон:

«Возникают разные связи и соотнесения тебя и партнера; общество вокруг может начать к тебе относиться иначе. Когда мы стали партнерами партии „Единая Россия“, часть моих знакомых не очень отнеслась к такому, хотя они только материально помогали. Партнерство с организациями не значит, что ты становишься этой организацией, любишь ее. Когда мы партнерились с партией, были разные взгляды в нашу сторону со стороны волонтеров объединения, часть даже ушла».

Можно сделать предположение, что негативные оценки партнерства связаны с нехваткой объективной информации о характере отношений между ними, оценки результатов совместной деятельности, преимуществ.

Обсуждая возможности партнерских связей, информантами был поднят вопрос о необходимости целенаправленной репрезентации в СМИ и виртуальных социальных сетях, для этого участники исследования предложили:

- создать сообщество в социальной сети, где регулярно транслировать волонтерские события (*«начать нужно элементарно с качественного ведения группы, у которой должна появиться аватарка, описание сообщества, полезные ссылки»*);
- активно вести персональные страницы волонтерам в виртуальных социальных сетях, показывая личный пример, приобщая других (*«у самого волонтера на страничке должна быть подробная информация о том, кто он, чем занимается, где он реализует свою деятельность»*);
- искать партнеров для сотрудничества, создавать коллаборации, проявлять самостоятельно инициативу для установления партнерских связей (*«если вы видите другое экологическое сообщество или зооволонтерство, то почему бы не написать председателю или контактному лицу и не предложить сотрудничество?»*);
- публиковать события волонтерского объединения в СМИ, участвовать в публичных волонтерских мероприятиях региона и страны (*«я участвовала в научном баттле с экологической темой. Меня немного сняли на камеру, и мне в тот же вечер написал руководитель другого экообъединения и пригласила на свои мастер-классы»*);

- планировать тематику информационных сообщений, проводить постмодерацию в виртуальных группах, настраивать регулярные рассылки («должны быть актуальные контактные данные, а также возможность получать рассылки от проверенных организаторов»).

Таким образом, результаты исследования показали, что репрезентация в социальных сетях выполняет позитивную роль, в развитии практик добровольчества наблюдаются положительные изменения — проявляются элементы экосистемных связей, взаимовыгодного партнерства, совместное использование ресурсов улучшает реализацию проектов, однако такие практики в регионе пока малочисленны. По замыслу организаторов платформы Dobro.ru, именно эта площадка должна способствовать формированию экосистемных связей не местах (экономить время, облегчать взаимный поиск организаторов мероприятий и волонтеров), но фактически эти инструменты пока не работают в полной мере, происходит их настройка. Наряду с позитивными проявлениями имеются и проблемные зоны. Официальная регистрация не всегда дает возможность полностью раскрыть волонтерский потенциал, зачастую из-за формальных требований не все часы засчитываются в стаж волонтера, партнерские связи складываются противоречиво, иногда сопровождаются негативными общественными стереотипами.

Репрезентация добровольческой деятельности в социальных сетях не отражает в полной мере планируемые мероприятия и необходимые вакансии для волонтеров, сами волонтеры мало представляют в социальных сетях свою деятельность, крайне редко самостоятельно обращаются с запросом на установления партнерских связей. При этом положительно были отмечены такие проявления экосистемных связей, как услуги коворкинга для проведения мероприятий, транспортная помощь, методическая помощь в оформлении заявок на грант, тьюторская поддержка и наставничество на мероприятиях, обмен ресурсами с помощью приложения «Другое дело». Возможности репрезентации волонтерской деятельности как инструмент привлечения новых волонтеров, повышения активности и самоорганизации молодежи, используется не в полной мере.

Обсуждение и заключение

Исследование показало, что на современном этапе развития российского общества репрезентация добровольческой деятельности молодежи в социальных сетях носит фрагментарный характер. Существенные пробелы в репрезентации деятельности волонтерских объединений проявились в отсутствии актуальной информации о текущих вакансиях на предстоящие мероприятия регионального и национального уровня, слабые кратковременные партнерские связи, непонимание партнерами (отряды добровольцев, органы власти, ресурсные центры, коммерческие организации) мотивов и потребностей друг друга, информирование преимущественно о прошедших мероприятиях вместо анонса предстоящих проектов. Установлено, что проявился дефицит организованной информационной политики виртуальных сообществ, не хватает целенаправленных PR-стратегий, обеспечивающих привлечение новых участников, сохранение суще-

ствующего резерва волонтеров, передачу опыта. Для развития экосистемных связей в волонтерской деятельности требуются разные уровни интеграции, вертикальные и горизонтальные связи достаточной плотности, поэтому репрезентация в социальных сетях может стать мощным инструментом стимулирования этой деятельности. Информационное сопровождение должно ориентироваться на разные целевые группы, опираться на современные технологии медиакommunikации. В сообщениях важна обратная связь от организаторов мероприятия и оценка деятельности, что влияет на удовлетворенность работой. Полученные результаты во многом согласуются с выводами эмпирических исследований, представленных И. И. Краснопольской с соавторами, в которых показано, что признание деятельности является важным фактором в управлении, а организация текущего участия, в том числе поощрение волонтеров влияет на готовность принимать участие в волонтерских проектах в будущем [Краснопольская и др., 2022]. По результатам контент-анализа установлено, что новости о поощрении/награждении волонтеров встречались в информационных сообщениях крайне редко, целенаправленная политика репрезентации достижений и позитивной оценки в социальных сетях могла бы способствовать увеличению эпизодических волонтеров, готовых принять участие в будущих проектах.

Несмотря на имеющиеся ограничения (сбор эмпирических данных реализован в одном регионе, объектом исследования выступили два волонтерских объединения и их сети), результаты исследования будут полезны для обоснования наличия проблемы репрезентации волонтерской деятельности в социальных сетях и выявления возможных барьеров развития волонтерства среди молодежи. Материалы статьи будут полезны специалистам по молодежной политике, сотрудникам образовательных учреждений, лидерам общественных объединений, способствовать развитию позитивной социальной активности молодежи. Репрезентация в социальных сетях, основанная на целенаправленной политике, позволит поменять отношение молодых людей к добровольческой деятельности, транслировать и масштабировать наиболее успешные практики, что поднимет добровольческую деятельность в России на новый уровень, будет способствовать формированию экосистемных связей, сделает практики добровольчества более продуктивными.

Список источников

- Азарова Е. С., Яницкий М. С. 2008. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. № 306. С. 120–125.
- Бархаев А. Б. 2009. Волонтерские общности как инновационная форма вовлечения учащейся молодежи в общественно полезную деятельность // Инновации в образовании. № 5. С. 77–93.
- Бидерман К. 1999. Координация работы добровольцев и менеджмент волонтерских программ в Великобритании. СПб: Русско-Немецкий обмен. 76 с.
- Взаимопомощь во время пандемии. Склонны ли россияне друг другу помогать? И стали ли больше помогать в пандемию? // ФОМ. 2020. 12 мая. URL: <https://fom.ru/TSenosti/14393> (дата обращения: 10.04.2022).

- Добровольцы России: официальный сайт. Москва. URL: <https://dobro.ru/>
- Кичерова М. Н., Сурнина В. М., Сурнина В. М. 2021. Волонтерская деятельность как проявление социальной активности молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 7. № 3 (27). С. 52–70. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2021-7-3-52-70>
- Ковель Т. А. 2019. Волонтерство как социальный институт. Факторы институционализации волонтерства в современной России // Московский экономический журнал. № 7. С. 348–352.
- Краснопольская И. И., Гусева П. Д., Мейс Л., Кнаан Р. 2022. Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. с. 384–408.
- Кропоткин П. А. 2007. Взаимопомощь как фактор эволюции // М.: Самообразование. 161 с.
- Невский А. В. 2020. Социология волонтерства: определение границ исследования // Вестник Института социологии. Т. 11. № 1. С. 30–46. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.1.624>
- О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам добровольчества (волонтерства): Федеральный закон от 05.02.2018 № 15-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201802050041>
- О Концепции развития добровольчества (волонтерства) до 2025 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. № 2950-р. URL: <http://government.ru/docs/35231/>
- Овсий В. В. 2019. Перспективные направления развития молодежного волонтерства в современной России // Гуманитарий Юга России. № 3. С. 52–62.
- Певная М. В, Кульминская А. В., Широкова Е. А., Шуклина Е. А. 2021. Волонтерское участие молодежи в период пандемии: портрет героя сложного времени // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3 (163). С. 492–510.
- Певная М. В. 2020. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: монография // М.: Юрайт. 433 с. URL: <https://urait.ru/bcode/454782> (дата обращения: 27.05.2021).
- Попов А. О., Дегтярева К. В. 2020. Актуальность волонтерского движения в жизни современной молодежи // Актуальные вопросы организации волонтерской деятельности в рамках подготовки к Универсиаде 2019: лингвопереводческий, психолого-педагогический, организационно-управленческий и социальный аспекты: Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Красноярск: СибГУ им. М. Ф. Решетнева. С. 110–112. URL: <https://www.sibsau.ru/conferencesitem/153/> (дата обращения: 23.05.2022)
- Решетников О. В. 2010. Корпоративное добровольчество: Научно-методическое пособие. М: Изд-во «Проспект». 172 с.
- Сикорская А. Е. 2009. Волонтерство как форма трудового воспитания студенческой молодежи // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 163–168

- Смирнов В. А. 2019. Онлайн-сообщества российских волонтеров (на примере социальной сети vkontakte) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. №25 (3). С. 71–93. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-71-93>
- Старшинова А. В. 2019. Противоречия мотивации учащейся молодежи к деятельности в волонтерских организациях // Образование и наука. № 10. с. 143–166. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-143-166>
- Федоров В. Молодежь и молодежная политика (презентация) // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/molodezh-i-molodezhnaja-politika> (дата обращения: 10.04.2022).
- Хворостьянова Н. И. 2017. Волонтерство в российском обществе и в российской социологии: взгляд из-за рубежа // Социологический журнал. Т. 23. № 2. С. 136–152. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5162>
- Devereux P. 2010. International Volunteers: Cheap help or transformational solidarity toward sustainable development. Murdoch University. 407 p.

References

- Azarova, E. S. & Yanitskiy, M. S. (2008). Psychological determinants of volunteer's activity. *Tomsk State University Journal*, (306), 120–125. [In Russian]
- Barhaev, A. B. (2009). Volunteer communities as an innovative form of involving students in socially useful activities. *Informacionno-bibliotchnyj centr TGU*, (5), 77–93. [In Russian]
- Biderman, K. (1999). Coordination of Volunteer Work and Management of Volunteer Programs in the UK. *Russko-Nemeckij obmen*. [In Russian]
- FOM. (2020). *Mutual assistance during a pandemic. Are Russians inclined to help each other? And did they help more in the pandemic?* <https://fom.ru/Tsennosti/14393> [In Russian]
- Volunteers of Russia: official website* (n.d.). <https://dobro.ru/> [In Russian]
- Kicherova, M. N., Surnina, V. M., & Surnina, V. M. (2021). Volunteer activity as a manifestation of social activity of young people. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 7(3), 52–70. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2021-7-3-52-70> [In Russian]
- Kovel, T. A. (2019). Volunteering as a social institution. factors of institutionalization of volunteering in modern of Russia. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal*, (7), 348–352. [In Russian]
- Krasnopolskaya, I. I., Guseva, P. D., Meijs, L. C., & Cnaan R. A. (2022). Determinants of the episodic volunteer satisfaction. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (2), 384–408. [In Russian]
- Kropotkin, P. A. 2007. *Mutual Assistance as a Factor of Evolution*. Samoobrazovanie. [In Russian]
- Nevskii, A. V. (2020). Sociology of volunteering: defining the boundaries of research. *Vestnik instituta sotziologii*, 11(1), 30–46. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.1.624> [In Russian]
- On Charitable Activities and Volunteerism (Volunteering), RF Federal Law of 5 February 2018 No. 15-FZ (2018). [In Russian]
- On the Concept of the development of volunteerism (volunteerism) until 2025, RF Government Decree No. 2950-r of 27 December 2018. (2018) <http://government.ru/docs/35231/> [In Russian]

- Ovsij, V. V. (2019). Promising directions of development of youth volunteering in modern Russia. *Gumanitarnij Yuga Rossii*, (3), 52–62. [In Russian]
- Pevnaya, M. V. (2020). *Volunteer Management: International Experience and Local Practices: Monograph*. Yurait. <https://urait.ru/bcode/454782> [In Russian]
- Pevnaya, M. V., Kulminskaya, A. V., Shirokova, E. A., Shuklina, E. A. (2021). Volunteer participation of young people during the pandemic: portrait of a hero of a difficult time. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*, (3), 492–510. [In Russian]
- Popov, A. O., Degtyareva, K. V. (2020). The relevance of the volunteer movement in the life of modern youth. *Proceedings of the 6th International Research Conference "Aktualnye Voprosy Organizatsii Volonterskoj Deyatel'nosti v Ramkakh Podgotovki k Universiade 2019: Lingvoperevodcheskiy, Psikhologo-Pedagogicheskiy, Organizatsionno-Upravlencheskiy i Sotsial'nyy Aspekty". SibGU im. M. F. Reshetneva. Krasnoyarsk*, 110–112. <https://www.sibsau.ru/conferencesitem/153/> [In Russian]
- Reshetnikov, O. V. (2010). *Corporate Volunteering: A Scientific and Methodological Guide*. Prospekt. [In Russian]
- Sikorskaya, L. E. (2009). Volunteering as a form of labor education of students. *Znanie. Poni-manie. Umenie*, (1), 163–168. [In Russian]
- Smirnov, V. A. (2019). Online community of Russian volunteers (on the example of social network vkontakte). *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 25(3), 71–93. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-71-93> [In Russian]
- Starshinova, A. V. (2019). Contradictions in the motivation of students to work in volunteer organizations. *Obrazovanie i nauka*, (10), 143–166. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-10-143-166> [In Russian]
- Fedorov, V. (n.d.). Youth and youth policy (presentation). VCIOM. <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/molodezh-i-molodezhnaja-politika> [In Russian]
- Hvorostyanova, N. I. (2017). Volunteering in Russian Society and in Russian Sociology: a view from abroad. *Sociologicheskij zhurnal*, 23(2), 136–152. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5162> [In Russian]
- Devereux, R. (2010). *International Volunteers: Cheap Help or Transformational Solidarity toward Sustainable Development*. Murdoch University.

Информация об авторах

Марина Николаевна Кичерова, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия m.n.kicherova@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5829-7570>

Елизавета Александровна Юрина, студент направления «социология», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия stud0000249864@study.utmn.ru

Татьяна Витальевна Каравайцева, студент направления «социология», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия stud0000232291@study.utmn.ru

Information about the authors

Marina N. Kicherova, Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of General and Economic Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia
m.n.kicherova@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5829-7570>

Elizaveta A. Yurina, Student of Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000249864@study.utmn.ru

Tatyana V. Karavaytseva, Student of Sociology, University of Tyumen, Tyumen, Russia
stud0000232291@study.utmn.ru

Защита от социальных рисков как фактор обеспечения права на достойное существование

Юлия Валерьевна Иванчина✉, Елена Александровна Истомина

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия
Контакт для переписки: julia.ivanchina@gmail.com✉

Аннотация. Качество жизни человека как неотъемлемая составляющая его достойного существования непосредственно связано с возможностью удовлетворения социально значимых, в том числе жизненно важных потребностей. Современное общество можно называть не просто обществом случайностей и риска, а обществом наступившего риска. В сложной экономической, социальной и политической обстановке защита от социальных рисков становится одним из приоритетов социальной политики в стране. Она должна соответствовать ожиданиям граждан и вписываться в современный коммуникативный контекст. Исследование построено на основе формально-юридического метода и системного анализа, а также элементов метода сравнительного правоведения, что позволило изучить обозначенный вопрос с междисциплинарных позиций, а также продемонстрировать практическое преломление концепции социального риска и защиты от него.

Дискуссионные аспекты рассмотрены на примере индексации пенсий работающим пенсионерам. Решение этого вопроса, неоднозначно воспринимаемого как населением, так и научным сообществом, в последние годы получило определенное развитие, толчком чему послужила позиция, высказанная Конституционным судом РФ в 2021 г.

В статье обосновано мнение, что индексация пенсий работающим пенсионерам не в полной мере соответствует конституционному принципу равенства прав и свобод всех граждан. Она ставит их в неравное положение с точки зрения покупательской способности их доходов, поскольку заработная плата работающих пенсионеров также гарантированно индексируется. С точки зрения психологического контекста, при принятии решений и проведении их в жизнь необходимо обращать внимание на достижение консенсуса в обществе.

Не предлагая полной отмены индексации пенсий работающим пенсионерам, авторы в заключении предлагают выработку иного терминологического определения, соответствующего целевому назначению данной выплаты, которое позволило бы выстроить адекватные коммуникативные правовые связи.

Ключевые слова: социальный риск, качество жизни, достойное существование, компенсация, пенсионная система, страховые пенсии, работающие пенсионеры, индексация пенсий

Цитирование: Иванчина Ю. В., Истомина Е. А. 2023. Защита от социальных рисков как фактор обеспечения права на достойное существование // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 1. С. 66–77. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-66-77>

Поступила 20.10.2022; одобрена 28.11.2022; принята 31.01.2023

Protection from social risks as a factor in ensuring the right to live in dignity

Yulia V. Ivanchina[✉], Yelena A. Istomina

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia
Corresponding author: julia.ivanchina@gmail.com[✉]

Abstract. The quality of human life as an important part of its worthy existence is directly related to the ability to meet socially significant, including basic living needs. Modern society can be called not just a society of chance and risk, but a society of risk. In the context of the difficult economic, social, and political situation in Russia, as well as the unpredictability of the future, the protection from social risks — primarily from their negative consequences by means of the social security system — is becoming one of the priorities of social policy. It must meet the expectations of all citizens and fit into the modern communicative context.

This study employs the formal legal method and system analysis, as well as elements of the method of comparative law, which aided in studying the designated issue from interdisciplinary positions, as well as in demonstrating the practical interpretation of the concept of social risk and protection from it.

The debatable aspects are considered on the example of indexation of pensions for working pensioners. The solution to this issue, which is ambiguously perceived by both the population and the scientific community, has received some development in

recent years, the impetus for which was the position expressed by the Constitutional Court of the Russian Federation in 2021.

The article substantiates the opinion that the indexation of pensions for working pensioners does not fully comply with the constitutional principle of equality of rights and freedoms of all citizens. It puts them in an unequal position in terms of the purchasing power of their income, since the wages of working pensioners are guaranteed to be indexed. From the point of view of the psychological context, when making decisions and implementing them, it is necessary to pay attention to the achievement of consensus in society.

Without proposing drastic measures to completely abolish the indexation of pensions for working pensioners, the authors propose the idea of a different terminological definition of this payment, which would allow building adequate communicative legal ties.

Keywords: social risk, quality of life, decent existence, compensation, pension system, insurance pensions, working pensioners, indexation of pensions

Citation: Ivanchina, Yu. I. & Istomina, Ye. A. (2023). Protection from social risks as a factor in ensuring the right to a decent existence. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(1), 66–77. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-66-77>

Received Oct. 20, 2022; Reviewed Nov. 28, 2022; Accepted Jan. 31, 2023

Введение

Активное санкционное давление на наше государство актуализирует вопросы стабильного социально-экономического развития России. Определяется вектор формирования и дальнейшего развития экономики, а также государственной политики по обеспечению высоких стандартов жизни населения как одной из ее составляющих. Поэтому создание условий, обеспечивающих качество жизни и достойное существование — одна из наиболее обсуждаемых задач в последние десятилетия.

«В настоящее время основной целью экономического развития большинства стран мира и их регионов является улучшение качества жизни населения» [Лукьянов, Недвижай, Мухорьянова, 2013, с. 28].

Следует отметить, что вступление человечества в третье десятилетие XXI в. в целом ознаменовалось глубокими изменениями, следствием которых становится нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне. Распространение новой коронавирусной инфекции, последовавшие за ним изменениями в экономике, разрастание политических конфликтов, приводящих к прямым столкновениям, заставляют не столько задумываться о перспективе, сколько переживать за ближайшее будущее. Все это ведет к снижению качества жизни, ощущению неуверенности в завтрашнем дне и мешает индивидам, семьям, обществу в целом стремиться к развитию.

Качество жизни и право на достойное существование — тесно связанные между собой категории. В то же время заметим, что право на достойное существование не нашло своего легального закрепления, поскольку не имеет каких-либо единых критериев, его определяющих. Качество жизни — категория более объективная ввиду того, что может быть оценено количественными показателями, характеризующими уровень жизни человека, к примеру, уровнем его дохода.

Представляется, что качество жизни как неотъемлемая составляющая достойного существования связано с возможностью удовлетворения социально значимых потребностей человека, необходимых ему для обеспечения его жизнедеятельности и свободного развития, в том числе — в нормах права социального обеспечения.

Полагаем, что, говоря о качестве жизни и праве на достойное существование, следует отталкиваться от родовой категории — социального государства.

«Еще в конце XX в. было предложено дополнить понимание доктрины социального государства через новый принцип — необходимость обеспечения человеческого развития и качества жизни» [Степушкина, 2018, с. 151].

В связи с этим под социальным государством можно понимать государство, политика которого направлена на распределение и перераспределение материальных благ с учетом принципа социальной справедливости, в целях достижения каждым индивидом достойного уровня жизни и ее качества, нивелирования социальных различий и обеспечения помощи нуждающимся.

В современных условиях многие лишаются базовых средств к существованию, здоровья, а иногда, к сожалению, и жизни. Сегодня говорить об обществе риска и случайностей, как это обосновал Э. Гидденс [Гидденс, 1994, с. 107], можно лишь с определенными условностями. Представляется, что правильнее вести речь об обществе реализовавшегося риска. Его негативные последствия с очевидностью требуют защиты, причем, поскольку индивиды далеко не всегда могут справиться с обстоятельствами самостоятельно, им требуется внешняя поддержка, которую могут оказать только субъекты на порядок сильнее — общество и государство.

Среди многочисленных рисков — финансовых, экономических, предпринимательских и др. — можно выделить социальные риски, которые также становятся реальностью, актуализируя внимание к системам защиты от них.

«Специфика социальных рисков заключается в том, что они обусловлены биосоциальной сущностью человека и закономерностями функционирования общества, в силу чего непосредственно влияют на положение человека в обществе и тем самым на структуру общества» [Истомина, Федорова, 2018, с. 66–67].

Защита от социальных рисков является многоступенчатой, складывается из комплекса различных мер, и предполагает направленность на все его этапы, начиная с предупреждения рисков (воздействие на внешние обстоятельства, приводящие к развитию рисков, когда это возможно, и непосредственно на причины рисков) и заканчивая их компенсацией, если предупредить их либо преодолеть посредством активных действий не удалось. Компенсация социальных рисков в системе социально-

го обеспечения и средствами соответствующей отрасли права — всеобщая гарантия, которая должна предоставляться каждому человеку в целях обеспечения качества жизни и достойного существования.

Методы

Настоящая статья подготовлена с использованием формально-юридического метода, а также системного анализа представлений о социальном риске и о защите от него, с учетом положений законодательства о социальном обеспечении, материалов судебной практики, результатов научных исследований в этой сфере.

Философское знание, положенное в основу настоящей работы, позволило нам выявить сущность защиты от социального риска как исследуемого явления.

Частичное использование метода сравнительного правоведения, выразившееся в анализе зарубежного опыта правового регулирования, позволило показать практическое преломление теории социального риска и защиты от него.

Результаты

Достойная жизнь, социальное равенство являются одними из основных признаков, характеризующих социальное государство. Как справедливо отмечает Н. В. Путило, это достигается путем решения ряда задач и при наличии определенных условий, в частности,

«когда создана и функционирует адекватная правовая система защиты социальных интересов личности, когда на решение социальных проблем сориентирована экономика, политика и духовная жизнь общества». [Путило, 2016, с. 16–17].

Известно, что система социального обеспечения, цель которой — компенсация негативных последствий социальных рисков — весьма объемна и включает много различных социальных предоставлений. При этом всеобщность социального обеспечения как принцип, закрепленный Конституцией РФ [Конституция Российской Федерации...], не отрицает его акцентированности на тех или иных направлениях в зависимости от экономической, политической и социальной обстановки, приоритетов политики, проводимой государством. Воля государства выражается вовне в нормативных правовых актах, формализующих защиту от социальных рисков. Этот блок законодательства безусловно востребован населением и ожидаем в той мере, в какой он улучшает эту защиту.

Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию в качестве основного направления такого перехода обозначает создание правовой основы, включая совершенствование действующего законодательства [О Концепции перехода...]. Особое внимание уделяется законодательству о социальном обеспечении, ибо посредством его норм формируются правовые основы, обеспечивающие качество жизни и достойное существование. Более того, право социального обеспечения — одна из тех отраслей права, нормы которой полностью отражают реализуемую в государстве социальную политику.

Сейчас законодательство о социальном обеспечении больше концентрируется на семьях с детьми. Простое перечисление новых пособий указанным субъектам, тру-

доправовых гарантий, льгот, в том числе — в сфере ипотечного кредитования может занять много времени. Можно также предположить, что с учетом складывающейся внешнеполитической ситуации приоритетом проводимой государством политики станет социальная защита ветеранов боевых действий. На этом фоне уменьшается внимание к пенсионному обеспечению. Пенсионное законодательство, которое всегда привлекало всеобщее внимание и вызывало многочисленные споры, в настоящее время выпало из социального и коммуникативного контекста. А между тем действие пенсионной системы затрагивает интересы большинства граждан нашей страны.

Один из наиболее острых вопросов последних лет — индексация пенсий работающим пенсионерам. В целом, отталкиваясь от теоретических представлений о социальных рисках, при наступлении негативных последствий которых должны устанавливаться социальные предоставления, следовало бы констатировать, что конструкция «пенсия плюс работа» не вполне им соответствует. Концепция социального риска и защиты от него, в том числе — от его негативных последствий в системе социального обеспечения — предполагает, что, если лицо продолжает осуществлять оплачиваемую деятельность (иными словами, осознает и позиционирует себя как трудоспособное), компенсация социального риска не должна осуществляться.

Это подтверждается и тем «сообщением», которое заложено в легальных определениях понятия пенсии. Анализ ст. 3 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ [О страховых пенсиях ...], а также ст. 2 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ [О государственном пенсионном обеспечении ...] демонстрирует, что пенсия рассматривается как регулярная (ежемесячная) денежная выплата, предназначенная компенсировать утрату гражданином его заработка, иных видов выплат и вознаграждений, причина чему — наступление нетрудоспособности вследствие старости, прекращения определенных видов службы (деятельности), вреда, причиненного здоровью, инвалидности. То есть возникновение пенсионных правоотношений, согласно «букве закона», обуславливается именно отсутствием заработной платы и иных выплат и вознаграждений по причине стойкой нетрудоспособности, которая, как и утрата заработной платы и иных выплат, в определенных случаях предполагаются.

«Коммуникация — своего рода «атом» социальности. Социальное всегда опосредуется текстами как знаковыми системами. Текст изначально предполагает наличие субъектов, способных понимать смысл и ценность таких текстов (интерпретировать их) и взаимодействовать между собой на основе полученной информации» [Поляков, 2007, с. 61].

Из смысла представленной в законе дефиниции однозначно следует, что пенсия — это компенсация утраченного дохода, предназначенная, в условиях реализовавшегося социального риска, для удовлетворения социально значимых потребностей человека, необходимых ему для восполнения недостатка жизненных условий, благ, поддержания его жизнедеятельности.

Подобное построение формирования права на пенсию и ее реализации характерно и для зарубежного законодательства. К примеру, согласно законодательству Французской Республики, ст. L. 351-15 и L. 351-16 Кодекса социального обеспечения [Code de la sécurité sociale], гражданин, осуществляющий оплачиваемую деятельность на условиях

неполного рабочего дня либо сокращенного рабочего времени, вправе получать лишь часть пенсии по старости. Указанная часть устанавливается в зависимости от продолжительности рабочего времени, в случае его изменения — меняется и объем пенсионной выплаты. Полная пенсия выплачивается лишь в случае оставления работы.

В то же время считаем необходимым подчеркнуть, что жизненные обстоятельства в последние десятилетия таковы, что в большинстве случаев многие пенсионеры работают не в силу своего желания, а будучи вынуждены делать это, из-за невысоких размеров пенсий. Пенсионное обеспечение в нашей стране таково (это обусловлено и частыми реформами пенсионного обеспечения, не позволяющими учесть пенсионные права граждан в полном объеме, и инфляционными процессами, разворачивающимися быстрее, нежели рост доходов граждан), что в большинстве случаев не обеспечивает даже не достойного, а хотя бы приемлемого уровня жизни. Поэтому в России право на получение пенсии возникает безотносительно факта оставления пенсионером работы (осуществления иной оплачиваемой деятельности).

На этом фоне отмена индексации страховых пенсий работающим пенсионерам, закрепленная ст. 26.1 Федерального закона «О страховых пенсиях», была воспринята гражданами как проявление дискриминации. Следует заметить, что

«реализация прав и обязанностей, обуславливающих саму возможность существования права, и составляет его смысл. Нарушение прав и неисполнение обязанностей указывает на разрыв правовой коммуникации, — отмечает А. В. Поляков, — что требует ее восстановления» [Поляков, 2008, с. 17].

Неслучайны многочисленные обращения в суды общей юрисдикции, а впоследствии — в Конституционный суд РФ. Однако решения не принимались в пользу истцов до момента внесения изменений и дополнений в Конституцию РФ Федеральным конституционным законом № 1-ФКЗ от 14 марта 2020 г. [О совершенствовании регулирования отдельных вопросов ...]

Так, согласно ч. 6 ст. 75 Конституции РФ, формирование системы пенсионного обеспечения в нашем государстве осуществляется на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений и поддерживается ее эффективное функционирование, а также осуществляется индексация пенсий не реже одного раза в год в порядке, установленном федеральным законом. Как известно,

«право как практическая система действий должна быть основана на взаимопонимании, без которого само его существование невозможно. Права нет там, где отсутствует взаимоотношенное поведение. Более того, нет права без информации, структурированной источником права и адресованной субъектам правовой коммуникации» [Поляков, 2008, с. 17].

Данные поправки сыграли определенную роль для восстановления ранее имеющегося разрыва коммуникативной связи.

Первое решение указанного вопроса, обращенное в сторону граждан, было принято Конституционным судом РФ 24 июня 2021 г. по жалобе гражданина Тупицына Б. М. [По жалобе гражданина Тупицына ...]. В Определении № 1139-О указана необходимость внесения изменений в действующее правовое регулирование пенсионных отно-

шений путем установления механизма ежегодной индексации страховых пенсий, как того требует ч. 6 ст. 75 Конституции РФ. Конституционный суд РФ не указал жестких сроков внесения изменений в законодательство, поскольку

«это неизбежно требует разумного переходного периода для проведения расчетов, аналитической оценки и подготовки соответствующих законодательных решений, которые к тому же затруднены в настоящее время не вполне предсказуемой динамикой и перспективами развития коронавирусной инфекции (COVID-2019) и другими, в том числе внешнеполитическими и внешнеэкономическими, факторами» [По жалобе гражданина Тупицына ...].

Указанная позиция была впоследствии воспроизведена в иных решениях Конституционного суда РФ [Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы ...].

Нельзя сказать, что вопрос остался в нерешенном состоянии. Законопроект № 109524-8 «О внесении изменений в Федеральный закон „О страховых пенсиях“ (об индексации страховых пенсий работающих пенсионеров)» разработан и внесен в Государственную Думу РФ [Законопроект № 109524-8 ...]. Данным проектом, согласно пояснительной записке, предложено «ликвидировать дискриминацию работающих пенсионеров». Соответствующие изменения потребуют серьезного финансирования — в расчете на 1 год дополнительные расходы на индексацию пенсий работающих пенсионеров составят 538,443 млрд руб. Очевидно, что такие расходы потребуют четкого определения источников дополнительного финансирования страховых пенсий.

Обсуждение

Необходимость индексации пенсий работающих пенсионеров в принципе всегда воспринималась (как населением, так и научным сообществом) неоднозначно — с точки зрения общего принципа равенства прав и свобод. Воздерживаясь от категорических оценок происходящего, тем не менее отметим следующее.

Нам кажется, что лишение трудящегося-пенсионера права на индексацию пенсии не указывает в полной мере на его дискриминацию по отношению к другим пенсионерам и не нарушает основополагающих прав и свобод гражданина. Ст. 75.1 Конституции РФ закрепляет, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого повышения благосостояния граждан. Представляется, что право на получение пенсии работающим пенсионером как раз направлено на улучшение его благосостояния, несмотря на то, что исходя из ее целевого назначения (и концепции социального риска), оно не должно бы возникать. Однако государство, учитывая и экономическую обстановку в стране, и размеры пенсий, в качестве исключения, как своего рода меру дополнительной социальной поддержки закрепило в законодательстве право на пенсию граждан, которые продолжают трудиться и имеют возможность самостоятельно удовлетворять свои социально значимые потребности, необходимые для поддержания их жизнедеятельности, т. е. в ситуации, когда социальный риск (утрата дохода) в отношении их не реализовался.

Более того, указанная статья Конституции РФ предусматривает обеспечение сбалансированности прав и обязанностей гражданина. Полагаем, что говорить о сбалансиро-

ванности прав работающих и неработающих пенсионеров в ситуации, когда возникает необходимость индексации их доходов (пенсии, оплаты труда) в целях сохранения покупательской способности на определенном уровне в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги, нет значительных оснований. Работающему пенсионеру в соответствии с действующим законодательством гарантирована индексация заработной платы, на что также обратил внимание Конституционный суд РФ [По жалобе гражданина Тупицына ...]. Индексировать пенсию, не единственный источник дохода, на наш взгляд, не вполне соразмерно по отношению к правам, а также доходам других пенсионеров, социальные предоставления которых не должны утрачивать своей покупательской способности в связи с инфляцией. Представляется, что закрепление в Конституции РФ положения об обязательной индексации пенсий в первую очередь направленно на защиту от реализовавшегося социального риска — утраты дохода (заработной платы) тех граждан, которые по объективным причинам не могут продолжать трудовую деятельность и самостоятельно обеспечивать удовлетворение всех необходимых социально значимых потребностей.

Очевидно, что обозначенная индексация, к тому же требующая столь серьезных расходов, оказалась вне коммуникативного контекста российского общества, столкнувшегося с экономическими, политическими и даже военными вызовами этого года.

Заключение

Социальное развитие, возможности, которыми располагает государство в сфере социальной политики, безусловно, не могут рассматриваться в отрыве от уровня экономического развития. Однако качество жизни в государстве в целом, отдельных его граждан непосредственно зависят не только от реализуемой социальной политики на том или ином этапе исторического развития, не только от экономических возможностей, но и от того, достаточной ли информацией обладает общество и отдельные его индивиды об указанной политике. Кроме того, это зависит и от понимания необходимости тех или иных действий государства. Все изменения, которые могут потенциально повлиять на уровень качества жизни, сопровождаются пристальным вниманием общества. Таков коммуникативный контекст.

Социальный мир, стабильность в обществе во многом зависят от понимания гражданами необходимости действий, осуществляемых государством, обдуманности принимаемых им решений, адекватности выбираемых способов реализации социальной политики и соответствия их ожиданиям граждан. Важно также, чтобы независимо от развития ситуации, законодательно было гарантировано, что лица, оказавшиеся в ситуации социального риска, были защищены надлежащим образом.

Но не менее значим и психологический контекст, на основе которого осуществляется защита граждан от социальных рисков. При принятии решений и приведении их в жизнь необходимо обращать внимание на достижение консенсуса в обществе. Поэтому выскажем осторожное предположение, что применение правил индексации к выплате, которая по своей природе должна быть компенсацией негативных последствий социального риска, но фактически таковой не является, не может вызывать безусловную поддержку.

Можно предложить как один из возможных вариантов решения данной проблемы некое иное терминологическое определение данной выплаты (как это сделано, к примеру, в ст. 62 Закона РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» [О пенсионном обеспечении...]), которое позволило бы выстроить адекватные коммуникативные правовые связи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Гидденс Э. 1994. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107–134.
- Законопроект № 109524-8 «О внесении изменений в Федеральный закон „О страховых пенсиях“ (об индексации страховых пенсий работающих пенсионеров)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/109524-8> (дата обращения: 23.09.2022).
- Истомина Е. А., Федорова М. Ю. 2018. Правовой механизм управления социальными рисками: монография. Екатеринбург: Изд. УИУ РАНХиГС, 2018. 240 с.
- Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.: с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.10.2022).
- Лукьянов В. И., Недвижай С. В., Мухорьянова О. А. 2013. Теоретические аспекты устойчивого экономического развития региона: монография. Ставрополь: АГРУС. 115 с.
- О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации: Федеральный закон от 15.12.2001 г. № 166-ФЗ: по сост. на 08.03.2022 г. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073906&rdk=36> (дата обращения: 01.10.2022).
- О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента РФ от 01.04.1996 г. № 440 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 15. Ст. 1572.
- О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей: Закон РФ от 12.02.1993 N 4468-1: по сост. на 07.04.2022 г. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2022).
- О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.09.2022).
- О страховых пенсиях: Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ: по сост. на 01.07.2022 г.). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2022).
- Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Засухина Виталия Николаевича на нарушение его конституционных прав абзацем восьмым пункта 1 и пунктом 3 статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и частью 3 статьи 26.1 Федерального закона «О страховых пенсиях»: Определение

- Конституционного Суда РФ от 21.07.2022 № 2011-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision630781.pdf> (дата обращения: 25.09.2022).
- По жалобе гражданина Тупицына Бориса Михайловича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 26.1 Федерального закона «О страховых пенсиях»: Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 N 1139-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision544064.pdf> (дата обращения: 20.09.2022).
- Поляков А. В. 2007. Коммуникативный подход в общей теории права // Проблемы философии права. 2006–2007. Том IV–V. С. 60–67.
- Поляков А. В. 2008. Прощание с классикой или как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. № 1. С. 9–42.
- Путило Н. В. 2016. Юридические гарантии социального государства: новые подходы // Журнал российского права. № 10. С. 15–23.
- Степушкина Е. И. 2018. Современные тенденции развития теории социального государства, реализации социальной функции государства, защиты социальных прав // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. № 4 (51). С. 150–152.
- Code de la sécurité sociale. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEX/T000006073189?etatTexte=VIGUEUR (дата обращения: 25.09.2022).

References

- Giddens, E. (1994). Fate, risk, and safety. *THESIS*, (5), 107–134. [In Russian]
- On Amendments to the Federal Law “On Insurance Pensions” (On Indexation of Insurance Pensions of Working Pensioners), RF Draft Law No. 109524-8 (n.d.). <https://sozd.duma.gov.ru/bill/109524-8> [In Russian]
- Istomina, Ye. A. & Fedorova, M. Yu. (2018). *Legal Mechanism of Social Risk Management: Monograph*. UIU RANEPА. [In Russian]
- RF Constitution. Adopted by Nationwide Vote on 12 December 1993: with amendments approved during the nationwide vote on 1 July 2020. <http://www.pravo.gov.ru> [In Russian]
- Lukyanov, V. I., Nedvizhay, S. V., & Mukhoryanova, O. A. (2013). *Theoretical Aspects of Sustainable Economic Development of the Region Monograph*. AGRUS. [In Russian]
- On State Pension Provision in the Russian Federation, RF Federal Law of 15 December 2001 No. 166-FZ (as of 3 August 2022) (2001). <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073906&rdk=36> [In Russian]
- On the Concept of the transition of the Russian Federation to sustainable development, RF President Decree of 1 April 1996 No. 440 (1996). *Collection of Legislation of the RF*, (15), 1572. [In Russian]
- On the provision of pensions for persons who have served in the military, served in the internal affairs bodies, the State Fire Service, bodies for the control of the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances, institutions and bodies of the penitentiary system, troops of the national guard of the Russian Federation, enforcement bodies of the Russian Federation, and their families, RF Law of 12 February 1993 No. 4468-1 (as of 4 July 2022) (1993). <http://pravo.gov.ru> [In Russian]
- On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities, RF Law on the amendment to the RF Constitution of 14 March 2020 No. 1-FKZ (2020). <http://www.pravo.gov.ru> [In Russian]

- On insurance pensions, RF Federal Law of 28 December 2013 No. 400-FZ (as of 1 July 2022) (2013). <http://pravo.gov.ru> [In Russian]
- On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Zasukhin Vitaly Nikolaevich about the violation of his constitutional rights in par. 8 of cl. 1 and 3 of the Art. 30 of the RF Federal Law “On Labor Pensions in the Russian Federation” and p. 3 of the Art. 26.1 of the RF Federal Law “On Insurance Pensions”, RF Constitutional Court Ruling of 21 July 2022 No. 2011-O (2022). <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision630781.pdf> [In Russian]
- On the complaint of citizen Tupitsyn Boris Mikhailovich about the violation of his constitutional rights by p. 1 of the Art. 26.1 of the RF Federal Law “On Insurance Pensions”, RF Constitutional Court Ruling of 24 June 2021 No. 1139-O (2021). <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision544064.pdf> [In Russian]
- Polyakov, A. V. (2007). Communicative approach in the general theory of law. *Problemi filosofii prava*, 2006–2007, 4–5, 60–67. [In Russian]
- Polyakov, A. V. (2008). Farewell to the classics or how the communicative theory of law is possible. *Rossiyskiy yezhegodnik teorii prava*, (1), 9–42. [In Russian]
- Putilo, N. V. (2016). Legal guarantees of the social state: new approaches. *Zhurnal rossiyskogo prava*, (10), 15–23. [In Russian]
- Stepushkina, E. I. (2018). Modern trends in the development of the theory of the social state, the implementation of the social function of the state, the protection of social rights. *Uchenyye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*, (4), 150–152. [In Russian]
- Code de la sécurité sociale*. (n.d.). https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEX-T000006073189?etatTexte=VIGUEUR

Информация об авторах

- Иванчина Юлия Валерьевна*, доктор юридических наук, профессор кафедры трудового права, Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
julia.ivanchina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9306-2216>
- Истомина Елена Александровна*, доктор юридических наук, профессор кафедры трудового права, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
eistomina2011@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4984-7627>

Information about the authors

- Yulia V. Ivanchina*, Dr. Sci. (Jur), Professor, Associate Professor, Department of Labor Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia
julia.ivanchina@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9306-2216>
- Yelena A. Istomina*, Dr. Sci. (Jur), Professor, Associate Professor, Department of Labor Law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev Ekaterinburg, Russia
eistomina2011@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-4984-7627>

Конституционный судебный контроль как средство непосредственного обеспечения прав и свобод граждан

Алексей Васильевич Тарасов, Ксения Юрьевна Гоглева

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
Контакт для переписки: goglevakseniya@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию института конституционного судебного контроля как средства непосредственного обеспечения прав и свобод граждан. Авторы доказывают, что институт специализированного судебного контроля — неотъемлемый элемент обеспечения баланса ветвей власти, обеспечивающий систему сдержек и противовесов в правовом демократическом государстве, особенно в условиях «правового взрыва» и активной юридикации общественных отношений. Последнее обуславливает необходимость эффективного механизма контроля за соблюдением законности как процедуры принятия нормативно-правовых актов и соответствием их положений содержанию Основного закона государства. Недопущение нарушений прав и свобод человека и гражданина — основная задача сбалансированной деятельности всех ветвей власти. Сочетая в своей деятельности правосудную, нормоконтрольную и «консультативную» функции, а также осуществляя толкование конституционных положений, специализированные органы конституционного контроля выносят решения, которые фактически становятся «эталонами» правоприменения и коренным образом влияют на правовую политику государства в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина. Отдельное внимание уделено проведению эмпирического анализа исполнения «дисквалифицирующих» резолютивных актов высшего органа судебного конституционного контроля Российской Федерации, вынесенных в рамках последующего абстрактного и конкретного нормоконтроля, как основного показателя эффективности и результативности деятельности Конституционного суда России в области защиты прав и свобод граждан.

Ключевые слова: судебный конституционный контроль, права и свободы граждан, предварительный судебный конституционный контроль, абстрактный судебный

конституционный контроль, конкретный судебный конституционный контроль, публично-правовые конфликты.

Цитирование: Тарасов А. В., Гоглева К. Ю. 2023. Конституционный судебный контроль как средство непосредственного обеспечения прав и свобод граждан // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 1. С. 78–91. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-78-91>

Поступила 21.10.2022; одобрена 29.12.2022; принята 31.01.2023

Constitutional judicial control as a means of directly ensuring the rights and freedoms of citizens

Alexey V. Tarasov, Kseniya Y. Gogleva

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Corresponding author: goglevakseniya@gmail.com

Annotation. The article offered to the reader is devoted to the study of the institution of constitutional judicial control as a means of directly ensuring the rights and freedoms of citizens. The authors argue that the institution of specialized judicial control is an integral element in ensuring the balance of the branches of government, providing a system of checks and balances in a democratic state based on the rule of law, especially in the context of a “legal explosion” and active juridification of public relations. The latter necessitates the existence of an effective mechanism of constitutional and control activities for the observance of the rule of law, both the procedure for adopting normative legal acts, and the compliance of their provisions with the content of the Basic Law of the state in order to prevent violations of the rights and freedoms of man and citizen, as the main task of balanced activity of all branches of government. Combining normative control and “advisory” functions in their activities, as well as interpreting constitutional provisions, specialized bodies of constitutional control make decisions that, in fact, become the “standard” of law enforcement and fundamentally affect the legal policy of the state in the field of protecting human rights and freedoms and citizen. Special attention is paid to the empirical analysis of the resolutions of the supreme body of judicial constitutional control of the Russian Federation, as well as a number of foreign bodies of constitutional justice, in the field of protection and restoration of violated constitutional rights of citizens in the framework of the a posteriori abstract

and specific normative control, as well as a priori normative control, which is a novelty of domestic legislation.

Keywords: judicial constitutional control, rights and freedoms of citizens, a priori judicial constitutional control, abstract judicial constitutional control, specific judicial constitutional control, public law conflicts.

Citation: Tarasov, A. V. & Gogleva, K. Y. (2023). Constitutional judicial control as a means of directly insuring the rights and freedoms of citizens. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(1), 78–91. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-78-91>

Received ...; Reviewed ...; Accepted ...

В борьбе обретаешь ты право свое

Р. Иеринг

Введение

В отличие от естественных и точных наук, в которых невозможна верификация знаний без проверяемого доказательства, юриспруденция основана на устоявшихся этических истинах и догмах, уходящих корнями к таким принципам, как *pacta sunt servanda*, *dura lex sed lex* или «не убий». Безусловно, они не носят абсолютного характера и не могут быть распространены на регулирование всех правовых отношений, складывающихся в обществе. Однако должны быть учтены при анализе *права* в его наличном состоянии — через призму его легитимности и коммуникации, что представляется особо важным при осуществлении толкования нормативных актов в правовых демократических государствах. Ведь даже самое справедливое и легитимное правление, базирующееся на принципах народовластия и прямого представительства, подчас бывает не лишено недостатков и — практически неизбежно — дефектов правотворчества и правоприменения. В связи с чем крайне важным представляется эффективное функционирование внутригосударственного правозащитного механизма по осуществлению контроля и надзора над деятельностью национальных государственных органов всех ветвей власти, направленное на обеспечение их качественного взаимодействия и сбалансированной совместной работы во благо реализации высокой цели по защите *верховенства права* в его естественной природной сущности.

Теоретический анализ

Именно в защите естественного *права* и сохранении конституционно закрепленных принципов и норм есть смысл и основная задача функционирования института специализированного судебного контроля. И хотя российская Конституция не оперирует термином «*господство права*», она закрепляет правовое государство как основу от-

естественного конституционного строя [Конституция РФ, 1993, ч. 1, ст. 1], *de facto* признавая верховную роль *права* (в понимании, не тождественном *закону*) при определении конституционного баланса интересов личности, общества и государства, а также разделении ветвей власти в целях исключения возможности их произвола и чрезмерного активизма. Ведь именно в «восхождении к праву», «прогрессе права», заключающемся в стремлении к его «гуманитарному содержанию» (термины С. С. Алексеева [Алексеев, 1995]), есть суть идеи построения правового государства — государства, в котором посредством закона реализуются интересы личности, основные ее потребности. Особо важным при этом представляется деятельность специализированных органов судебного конституционного контроля (к числу которых относится и Конституционный суд РФ), выполняющих обеспечительную и судебно-охранительную роль в этом процессе. Восполняя эффективной (при отсутствии политического давления со стороны органов государства) реализацией конституционно-контрольной функции «имеющийся «дефицит» *господства права* в судебной и административной практике» [Кравец, 2020], конституционно-контрольные органы обеспечивают стремление общества к достижению идеалов «гуманистического права» [Алексеев, 2001]. То есть, реализуя нормоконтрольную функцию, заключающуюся в установлении соответствия той или иной законодательной нормы конституционным положениям, Конституционный суд фактически обладает исключительным полномочием по *непосредственному* [ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», 1994, абз. 2, ст. 79] устранению *нарушения права* путем признания данного нормативного акта неконституционным, что влечет незамедлительную утрату им действия [ФКЗ «О Конституционном Суде...», 1994, абз. 3, ст. 79].

Следует отметить, что в рамках процедуры судебного конституционного контроля осуществляется как *опосредованная* защита прав и свобод граждан (реализуемая, например, при осуществлении абстрактного последующего и предварительного нормоконтроля), так и *непосредственная*. При чем последнее направление деятельности представляется особо востребованным в современной отечественной правовой системе, что подтверждается эмпирическим анализом статистических данных, приведенных в соответствующем разделе настоящей статьи.

Впрочем, *опосредованная защита прав и свобод граждан*, состоящая в устранении неконституционности той или иной законодательной нормы вне связи с ее применением в конкретном деле, представляется не менее важным направлением деятельности Конституционного суда РФ, прямым образом формирующим его компетенцию по обеспечению *верховенства права*. Поэтому представляется необходимым, предваряя анализ *непосредственной защиты прав и свобод граждан* в рамках процедуры конкретного конституционного нормоконтроля, остановиться на некоторых основаниях ее актуальности.

Во-первых, это расширение предмета правового регулирования и увеличение количества законов и иных источников права в условиях современных мировых правовых систем, что характеризуется рядом исследователей как «правовой взрыв», «правовое наводнение» [Беляев, 2016].

Подобная юридикация, обусловленная в первую очередь самим фактом естественной эволюции общества и усложнением характера межличностных отношений, требующих увеличения массива позитивного права, на наш взгляд, весьма неоднозначна. С одной стороны, она является фактом признания государством того или иного права или свободы, так как его нормативное закрепление в материальном содержании нормы права выступает гарантией обеспечения и защиты законных интересов граждан при рассмотрении возникающих правовых конфликтов в обществе (см. подробнее [Гоглева, 2022]), а судебный конституционный контроль является при этом «мирным средством» их разрешения. С другой — «избыток позитивного права» [Денисенко, 2022, с. 196] зачастую, с технической точки зрения, заметно усложняет процесс законодательного регулирования и, как следствие, снижает эффективность права, делая его излишне сложным и «формальным» не только для граждан, но, и для правоприменителей. Следовательно, необходимым становится наличие легального «интерпретатора» в виде конституционно-контрольного органа, который обладал бы исключительным правом анализа законодательных нормоположений с точки зрения их соотношения с конституционными правоустановлениями.

Не составляет исключение и отечественная правовая система, ведь

«... нами управляет такой объем правовых норм, что уже никто не может считаться специалистом более, чем в отдельных сферах системы права» [Денисенко, 2022, с. 197].

Так, в период 2019–2021 гг. в 78 федеральных законов РФ были внесены корректировки, дополнения и изменения [Указ Президента Российской Федерации ..., 2011], что, на наш взгляд, составляет довольно значительное количество и является серьезным объемом «нагрузки» на правоприменителя. Например, последние зачастую слабо осведомлены о процессе модернизации законодательства и, как следствие, оказываются малоэффективны в процессе своевременного приведения подзаконных нормативных актов в соответствие с принятыми законодательными новеллами. Что, в свою очередь, опосредует практически неизбежное увеличение правовых пробелов, коллидирующих норм и технических ошибок в процессе нормотворчества, оспаривание положений которых как на предмет соблюдения законности процедуры их принятия, так и на соответствие содержанию Конституции (в целях исключения нарушений прав и свобод человека и гражданина), выступает наиболее частым предметом обращения в отечественный орган судебного конституционного контроля¹.

Во-вторых, Конституционный суд РФ, излагая свои правовые позиции по тем или иным вопросам объективизации общественных взаимоотношений, не только корректирует действующее законодательство в соответствии с вектором конституционного

¹ Следует отметить, что схожая статистика характерна и для зарубежных органов конституционной юстиции. Так, исходя из данных, представленных в Докладе Конституционного суда Республики Молдова об осуществлении конституционной юрисдикции в 2020 г. нормы уголовно-правового (34%), административного (22%) и гражданского (24%) законодательства составили 80% обращений в Конституционный суд республики [Официальный сайт Конституционного Суда Республики Молдова ...].

развития государства, но и, как верно отмечает профессор А. А. Ливеровский, «в какой-то мере, пролагает этот путь, развивая «право Конституции» [Ливеровский, 2018, с. 41], обеспечивая естественно-правовую направленность отраслевого законодательства. Более того, в результате изменений от 09.11.2020 [Федеральный конституционный закон от 09.11.2020...] Конституционный суд РФ был наделен правом законодательной инициативы по предметам своего ведения [ФКЗ «О Конституционном Суде...», 1994, ст. 3], а также полномочием по предварительному нормоконтролю [Конституция РФ, 1993, ч. 5.1, ст. 125]. Что, безусловно, значительно расширило его правомочия по защите интересов граждан не только в процессе конституционного правосудия, направленного на восстановление уже нарушенного права или свободы, но и на этапе законотворческой деятельности государства.

Что касается оснований, обосновывающих возросшую актуальность *непосредственной защиты прав и свобод граждан* РФ средствами федерального судебного конституционного контроля, то в их числе следует назвать:

- 1) упразднение с 1 января 2023 года конституционных (уставных) судов в субъектах Российской Федерации, которые также были наделены полномочием по рассмотрению жалоб граждан на нарушение прав и свобод [Конституционный закон Республики Саха..., 2022]. Образованные взамен региональным специализированным органам судебного конституционного контроля Конституционные советы, увы, не обладают данным правомочием. Следовательно, данные публично-правовые споры в настоящее время могут быть разрешены исключительно Конституционным судом РФ [Конституционный закон Республики Саха, 2021], что, безусловно, повышает его значимость и ответственность в сфере обеспечения *верховенства права* и реализации конституционных принципов современного правового демократического государства;
- 2) выход РФ из состава Совета Европы, денонсация Европейской конвенции по правам человека с 16 марта 2022 г., стремительное изменение политической картины мира, связанное с событиями от 24 февраля 2022 года, последовательно привели к невозможности реализации права на обращение граждан России в Европейский суд по правам человека (за исключением жалоб по нарушениям, совершенным до 15 марта 2022 г. включительно), в связи с чем возросла роль *непосредственной внутригосударственной защиты прав граждан Российской Федерации* посредством федерального конституционного судопроизводства.

Анализируя данные преобразования, некоторые исследователи указывают на их негативную сущность [Кожевников, 2021, с. 96–97; Малютин, 2022, с. 27; Двойменный, 2021, с. 188], в том числе выраженную в «угрозе» фактической трансформации Конституционного суда в *Суд по правам человека*, что неминуемо скажется как на снижении его функциональности в качестве конституционно-контрольного органа, осуществляющего предварительный и последующий абстрактный нормоконтроль, так и на качестве рассмотрения дел в порядке конкретного нормоконтроля. Увеличение количества жалоб граждан станет непропорционально существенной нагрузкой на судей, число которых было уменьшено с 19 до 11 в связи с конституционной реформой 2020 г. Несмотря

на то, что Конституционный суд РФ при рассмотрении дел в порядке конкретного нормоконтроля решает вопросы только права [ФКЗ «О Конституционном Суде...», 1004, ст. 3], на наш взгляд, он не может полностью «дистанцироваться» от изучения фактических обстоятельств дела, так как обратное исключало бы возможность соблюдения принципа состязательности и равноправия сторон, декларированного ст. 5 вышеуказанного органического закона и предусматривающего возможность равноправия субъектов в ходе осуществления легальной процедуры разрешения публично-правового конфликта в рамках конституционного судебного процесса. Ведь важно осознавать и принимать во внимание, что зачастую не только нормы позитивного права выступают основанием аргументации правовой позиции специализированного судебного органа. Сущность института судебного конституционного контроля такова, что он является творцом живого конституционного права, дающим истолкование конституционным нормам и принципам, исходя из реалий действующей социальной действительности, учитывая в том числе национальную идентичность государства, культурные, этнические и религиозные особенности и традиционные ценности его населения. Следовательно, процедура рассмотрения каждого конкретного дела требует длительного, всестороннего, подчас неторопливого анализа судей. И именно поэтому, на наш взгляд, до сих пор законодательно не установлен срок рассмотрения жалобы в Конституционном суде РФ — как на стадии подготовки ее к рассмотрению в рамках конституционного судопроизводства, так и в ходе самого процесса. Что, впрочем, с иной стороны, может трактоваться и как недостаток современной отечественной системы судебного конкретного нормоконтроля, так как заявитель не имеет возможности контролировать соблюдение процессуальных сроков юрисдикционным органом, и, как следствие, не может чувствовать себя абсолютно защищенным. Тем более, учитывая тот факт, что на сегодняшний день не установлен перечень оснований обязательного применения обеспечительных мер по отношению к жалобе, поданной в высший орган конституционной юстиции: Конституционный суд обладает правом дискреции в вопросе их применения [ФКЗ «О Конституционном Суде...», 1994, ст. 98], что в некоторых случаях делает фактически невозможным восстановление прав заявителя даже после принятия «дисквалифицирующего» решения в отношении нормы, примененной в конкретном деле, так как за время рассмотрения конституционной жалобы исполнение судебного решения в его отношении уже состоялось.

Эмпирический анализ

С появлением и распространением института судебного конституционного контроля в мире легальную гарантированность получила юстициабельность прав человека и конституционных принципов как их нормативных оснований, заключающаяся в первую очередь в закреплении самой возможности обращения указанных субъектов в специализированные и неспециализированные контрольные органы с жалобой. В отечественной правовой системе таким органом является Конституционный суд, правовой статус и круг полномочий которого закреплён конституционно [Конституция Российской

Федерации..., 2020, ст. 125] и конкретизируется в соответствующем органическом законе [Федеральный конституционный закон..., 1994]. Представляется необходимым согласиться с мнением профессора В.Д. Зорькина, что основная идея, определяющая специфическую компетенцию органов судебного конституционного контроля в целом и Конституционного суда РФ в частности, заключается в возможности *прямой защиты прав человека* путем «преодоления глубоких деформаций правового регулирования и системных нарушений права» [Зорькин, 2013].

Как мы отмечали ранее, в отечественной правовой системе судебный конституционный контроль носит не только *инцидентный характер* [Кожевников, Крысанов, 2021], что означает осуществление исключительно *конкретного нормоконтроля*, предусматривающего проверку конституционности акта, подлежащего применению в рамках конкретного дела или в связи с жалобами на нарушение конституционных прав и свобод граждан, но и *абстрактный характер*, по типу стран европейской (кельзеновской) и смешанной модели организации конституционной юстиции (Федеративная Республика Германия, Австрия, Болгария, Польша и т. д.).

Представляется, что сочетание данных форм судебно-контрольной деятельности в рамках деятельности одного полномочного органа государственной власти является наиболее эффективным с точки зрения обеспечения *защиты прав и свобод* граждан. Так, согласно статистическим данным, за период с 1995 г. по 31.08.2022 в порядке ч. 4 ст. 125 Конституции России (*конкретный нормоконтроль*) было вынесено 627 постановлений, что составляет 84,6% общего числа постановляющих решений суда [Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации...]. При этом наиболее частым поводом к обращению послужили жалобы со стороны граждан и юридических лиц, а также Уполномоченного по правам человека в РФ (4472) [Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации...], что свидетельствует об общей востребованности данного правозащитного механизма у рядовых граждан.

Однако при этом остается стабильно низким количество запросов судов по рассматриваемым делам в высший отечественный орган конституционной юстиции — за указанный период их поступило всего 151 [Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации...], что, на наш взгляд, является следствием недостаточной эффективности выстроенного механизма взаимодействия между органами ординарного и специализированного правосудия. Между тем, суды общей практики, являясь в первую очередь «законоприменительными органами» [Ливеровский, 2018, с. 36], при постановлении решений должны быть абсолютно уверены в конституционности примененного ими нормативного акта, подтвердить или опровергнуть которую уполномочен лишь Конституционный суд РФ. Тем более что зачастую предметом жалоб граждан к институту судебного конституционного контроля является не неконституционность самой нормы права, а практика ее применения и истолкования органом ординарного правосудия, нарушившая, по мнению гражданина, его права и свободы. И Конституционный суд РФ, в соответствии со ст. 74 ФКЗ «О Конституционном Суде...», принимая решение по делу, оценивает также и «смысл, придаваемый... официальным и иным истолкованием, в том числе и в решениях по конкретному делу».

В связи с чем считаем целесообразным «легализовать» институт «конституционной кассации» в практике отечественного специализированного контроля, предоставив Суду право анализировать и оценивать конституционность правоприменительной практики органов ординарного правосудия, так как это не только способствовало бы расширению оснований для прямого обращения граждан за непосредственной защитой своих прав и свобод в высший орган судебного конституционного контроля, но и повысило бы ответственность судов общей практики в вопросе реализации права обращения в Конституционный суд России в рамках конкретного нормоконтроля, так как они были бы заинтересованы в превенции возможных ошибок правоприменения в ходе рассмотрения конкретных дел.

Анализируя роль судебного конституционного контроля в *непосредственной защите прав и свобод граждан*, нельзя не остановиться на вопросе имплементации его решений в отечественной правовой системе. Ведь реальное разрешение любой конфликтной ситуации публично-правового характера, проистекающей из нарушения субъективного права или свободы человека и гражданина, возможно только после исполнения решения, вынесенного специализированным органом судебного конституционного контроля. Причем реализация провозглашенного решения важна не только для участников данного публично-правового конфликта, но и для общественности, так как принятые решения носят обязательный характер не только по конкретному делу, но и во всех аналогичных правовых ситуациях [ФКЗ «О Конституционном Суде...», 1994, ст. 6]. При этом по данным, представленным в Информационно-аналитическом отчете об исполнении решений Конституционного суда РФ, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства в 2021 г. (подготовленного Секретариатом Конституционного суда РФ в соответствии с п. 2 § 67 Регламента Конституционного суда РФ) [Информационно-аналитический отчет...] и в Мониторинге правоприменения решений Конституционного суда РФ, представленном на официальном сайте Министерства юстиции РФ [Мониторинг правоприменения решений...] в соответствии с Указом Президента от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [Указ Президента Российской Федерации..., 2011], содержащем Перечень решений Конституционного суда России, во исполнение которых приняты нормативные правовые акты, а также Перечень решений, требующих принятия нормативных правовых актов, содержится информация о тридцати трех постановлениях, вынесенных в период 2012–2021 гг. и содержащих обязательное предписание о необходимости внесения изменений в порядок правового регулирования той или иной отрасли российского законодательства, которые не исполнены по состоянию на 15 июля 2022 г. (что составляет 16,2% от общего числа вынесенных решений). При этом шесть из указанных постановлений не реализованы в течение периода 6–10 лет, что, на наш взгляд, является совершенно недопустимым для обеспечения эффективности механизма *непосредственной защиты прав и свобод граждан* институтом судебной конституционно-контрольной деятельности. В целях разрешения данной негативной ситуации и минимизации ее возникновения в будущем предлагается усилить контроль за исполнением решений Конституционного суда

РФ как со стороны самого высшего органа судебного конституционного контроля по аналогии с полномочиями некоторых зарубежных специализированных органов конституционного контроля (например, Конституционного суда Республики Молдова, который за 2020 г. внес 5 представлений, направленных на выявление пробелов и недостатков законодательства, связанных с неисполнением положений Верховного закона или с невнесением изменений в законодательные положения, которые были подвергнуты конституционному контролю, в Парламент Республики [Постановление Конституционного Суда Республики Молдова ...]), так и со стороны иных органов публичной власти. В частности, на наш взгляд, требуется законодательно усилить меры федерального вмешательства внесудебных институтов конституционного контроля (парламентского и президентского), которые могут применяться в случаях неисполнения или несвоевременного исполнения «дисквалифицирующих» судебных решений.

Заключение

Юстициабельность прав человека и конституционных принципов как их нормативных оснований, заключающаяся, в первую очередь, в закреплении самой возможности обращения граждан в национальные специализированные конституционно-контрольные органы за непосредственной защитой нарушенных прав в случае низкого уровня их гарантированности законодательством, является состоявшимся фактом современной правовой действительности. Проведенный теоретический и эмпирический анализ позволяет утверждать, что *непосредственная защита прав и свобод граждан* институтом отечественного судебного конституционного контроля, ввиду особого статуса его резолютивных актов, обладающих свойствами окончательности и прямого действия [ФКЗ «О Конституционном Суде...», 1994, ст. 79], представляет собой реализацию его *правозащитной функции* без промежуточного участия иных органов государственной власти РФ. Однако результативность данного рода правозащитной деятельности в отечественной правовой системе обеспечивается надлежащим и своевременным исполнением решений Конституционного суда России, в первую очередь, «дисквалифицирующего» характера, и потому тесным образом связана с организацией взаимодействия ветвей власти, которая безусловно, требует дополнительной законодательной регламентации. При этом следует отметить, что в настоящее время эффективность деятельности высшего органа конституционного правосудия РФ несколько снижена ввиду наличия ряда правовых пробелов и коллизий в определении его материального и процессуального статуса, которые требуют как законодательной корректировки, так и доктринального осмысления со стороны научного сообщества.

Список источников

- Алексеев С. С. 1995. Теория права. М. 192 с.
Алексеев С. С. 2001. Восхождение к праву. Поиски и решения. М. 752 с.
Беляев М. А. 2016. Модель развития права: от «эволюции» к «взрыву» // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. № 3. С. 9–20.

- Гоглева К. Ю. 2022. Судебный конституционный контроль как средство юридизации публично-правовых конфликтов // Современное общество и право. № 2 (57). С. 30–35.
- Двойменный И. А. 2021. Региональная конституционная юстиция: состояние и перспективы // Регион: системы, экономика, управление. № 1 (52). С. 188–194.
- Денисенко В. В. 2022. Легитимность права (теоретико-правовое исследование): монография. М.: Проспект. 240 с.
- Зорькин В. Д. 2013. Право в условиях глобальных перемен: монография. М.: Норма. 496 с.
- Информационно-аналитический отчет об исполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации, принятых в ходе осуществления конституционного судопроизводства, в 2021 году (подготовлен Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации в соответствии с пунктом 2 § 67 Регламента Конституционного суда Российской Федерации // Официальный сайт Конституционного суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения 30.11.2022).
- Кожевников О. А., Крысанов А. В. 2021. Конституционная реформа в России и конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации упразднение без права на защиту // Вестник Уральского юридического института МВД России. № 1. С. 92–97.
- Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2022 г. № 16-з № 363-II «О Конституционном суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве».
- Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 26.05.2021 г. № 2356-3 № 623-VI «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)». URL: <http://docs.cntd.ru/document/574747374> (дата обращения 30.11.2022).
- Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // «Российская газета». 1993. 25 декабря; СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
- Кравец И. А. 2020. Господство права, границы конституционного судебного правотворчества и принцип соразмерности (российский опыт и практика ЕСПЧ) // Правотолкование и проблема судебного правотворчества: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Симферополь, 10–12 октября 2019 года / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского. Симферополь. С. 21–30.
- Ливеровский А. А. 2018. Уточнение смысловых представлений о конституционном нормоконтроле // Право: история и современность. № 1. С. 32–48.
- Малютин Н. С. 2022. Институт региональной конституционной (уставной) юстиции в России: завершение истории? // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. № 4. С. 26–38.
- Мониторинг правоприменения решений Конституционного Суда Российской Федерации // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: (дата обращения 30.11.2022).
- Официальный сайт Конституционного Суда Республики Молдова. URL: <https://www.constcourt.md> (дата обращения 30.11.2022).

- Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения 30.11.2022)
- Постановление Конституционного Суда Республики Молдова № 1 от 11 января 2021 года «Об утверждении доклада об осуществлении конституционной юрисдикции в 2020 году». URL: (дата обращения 30.11.2022).
- Сажина В. В. 2019. Виды конституционного контроля: зарубежный опыт // Юридическая наука: традиции и инновации: Сборник материалов международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей, Великий Новгород, 26—27 апреля 2019 года. С. 241–243.
- Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.
- Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1 — ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5045.
- Федеральный конституционный закон от 09.11.2020 г. № 5 — ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7196.
- Число принятых в 2021 году законов оказалось минимальным за последние пять лет URL: <https://www.garant.ru/company/about/press/news/1527116/> (дата обращения 30.11.2022).

References

- Alekseev, S. S. (1995). *Theory of Law* (2nd edition, revised). [In Russian].
- Alekseev, S. S. (2001). *Rise to the right. Searches and solutions*. [In Russian].
- Belyaev, M. A. (2016). Law development model: from “evolution” to “explosion”. *Vestnik RUDN. Ser. Yuridicheskie nauki*, (3), 9–20. [In Russian].
- Gogleva, K. Yu. (2022). Judicial constitutional control as a means of legalization of public law conflicts. *Sovremennoe obshchestvo i parvo*, (2). 30–35 [In Russian].
- Dvoimenny, I. A. (2021). Regional constitutional justice: status and prospects. *Region: systems, economics and management*, (1), 188–194 [In Russian].
- Denisenko, V. V. (2022). *Legitimacy of law (theoretical and legal research): monograph*. Prospekt. [In Russian].
- Zor'kin, V. D. (2013). *Law in the Context of Global Change: Monograph*. Norma. [In Russian].
- Information and analytical report on the execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation adopted in the course of constitutional proceedings*. (n.d.). Retrieved November 30, 2022, from <http://www.ksrf.ru> (accessed) [In Russian].
- Kozhevnikov, O. A. & Krysanov, A. V. (2021). Constitutional reform in Russia and constitutional (statutory) courts of constituent entities of the Russian Federation: without the abolition of the right to protection. *Vestnik of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (1), 96–97 [In Russian].

- On the Constitutional Court of the Republic of Sakha (Yakutia) and constitutional legal proceedings, Constitutional Law of the Republic of Sakha (Yakutia) of June 15, 2022, No. 16-z No. 363-II (2022). [In Russian].
- On the Constitutional Council of the Republic of Sakha (Yakutia), Constitutional Law of the Republic of Sakha (Yakutia) of May 26, 2021, No. 2356-3 No. 623-VI (2021). Retrieved November 30, 2022, from <http://docs.cntd.ru/document/574747374> [In Russian].
- RF Constitution of December 12, 1993 (as of March 14, 2020) (1993). *Rossiiskaya gazeta*. December, 25; (2020). SZ RF, 11, article 1416. [In Russian].
- Kravets, I. A. (2019). The rule of law, the boundaries of constitutional judicial –making and the proportionality principle (Russian experience and practice of the ECHR). *Law interpretation and the problem of judicial lawmaking: Proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference, Simferopol, October 10 — 12, Crimean Federal University, Simferopol* (pp. 21-30). [In Russian].
- Liverovsky, A. A. (2018). Clarification of the concept of constitutional normative control. *Law: History and Modernity*, (1), 32–48. [In Russian].
- Malutin, N. S. (2022). Institution of regional constitutional (charter) justice in Russia: end of history? *Vestnik of Moscow University. Series II: Law*, (4), 26–38. [In Russian].
- Monitoring the enforcement of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, presented on the official website of the Ministry of Justice of the Russian Federation (n.d.). Retrieved November 30, 2022, from <https://minjust.gov.ru> [In Russian].
- Official website of the Constitutional Court of the Republic of Moldova*. (n.d.). Retrieved November 30, 2022, from https://www.constcourt.md/public/ccdoc/hotariri/h_1_2021_report_rus.pdf
- Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation*. (n.d.) Retrieved November 30, 2022, from http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statisticses/Documents/De%D1%81i-sions_7_2022.pdf
- On the approval of the report on the exercise of constitutional jurisdiction in 2020, Decision of the Constitutional Court of the Republic of Moldova No. 1 of January 11, 2021 (2021). Retrieved November 30, 2022, from <https://www.constcourt.md>
- Sazhina, V. V. (2019). Types of constitutional control: foreign experience. 2019. *Proceedings of the Research Conference of the students, undergraduates, postgraduates and teachers. Velikii Novgorod, 26–27 April, Velikii Novgorod* (pp. 241–243). [In Russian].
- On monitoring law enforcement in the Russian Federation, Decree of the RF President of May 20, 2011, No. 657 (2011). SZ RF, (21), article 2930. [In Russian].
- On the Constitutional Court of the Russian Federation, Federal Constitutional Law of July 21, 1994, No. 1 (as of July 1, 2021) (1994). SZ RF, (13), article 1447; (2021). (27, part 1), article 5045. [In Russian].
- On amendments to the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation,” Federal constitutional law of November 9, 2020, No. 5-FKZ (2020). SZ RF, (46), article 7196 [In Russian].
- The number of laws adopted in 2021 was the lowest in the last five years*. (2021). Retrieved September 30, 2022, from <https://www.garant.ru/company/about/press/news/1527116/> [In Russian].

Информация об авторах

Алексей Васильевич Тарасов, кандидат юридических наук, начальник кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
mate-alexey@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3325-6398>

Ксения Юрьевна Гоглева, адъюнкт адъюнктуры, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
goglevakseniya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9177-9114>

Information about the authors

Alexei V. Tarasov, Cand. Sci. (Jur.), Head of the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry, St. Petersburg, Russia
mate-alexey@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3325-6398>

Ksenia Yu. Gogleva, Adjunct Professor, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia
goglevakseniya@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-9177-9114>

Полномочия конституционных (уставных) советов субъектов РФ как органов правовой охраны Основного закона

Виталий Владимирович Курятников

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
Контакт для переписки: kuryatnikov74@gmail.com

Аннотация. Конституционный (уставный) совет — новый государственный орган субъекта РФ, призванный заменить упраздненные с 2023 г. региональные органы конституционной юстиции. Однако статус совета не только не детализирован в федеральном законодательстве, но и порождает противоречивые подходы в юридической науке. Неясно, должен ли и может ли конституционный (уставный) совет стать конституционным контрольным, или конституционным надзорным, или каким-то еще органом. Соответственно, неясно, каким набором полномочий он должен обладать.

С учетом результатов применения исторического и сравнительно правового методов исследования, а также с опорой на практику создания конституционных советов в республиках Якутия, Башкирия и Адыгея делается вывод о главном назначении конституционных (уставных) советов — обеспечивать верховенство и прямое действие Основного закона субъекта РФ и осуществлять его правовую охрану. Обеспечение этой цели предполагает наличие у подобных органов прежде всего полномочий по нормоконтролю; по толкованию конституции (устава) субъекта РФ; по разрешению споров между высшими органами власти субъекта РФ.

Вместе с тем анализ законов об уже созданных конституционных советах показывает, что, обладая полномочием осуществлять нормоконтроль в отношении всех нормативных актов субъекта РФ и органов местного самоуправления, признавая их неконституционными, они не обладают правом лишать их юридической силы, поскольку такие решения носят рекомендательный характер. Право толкования Основного закона предоставлено только конституционным советам в Якутии и Башкирии. Однако его нельзя именовать официальным (юридически обязательным) толкованием, так как результаты также носят рекомендательный характер (тем более что Конституционный совет Башкирии готовит лишь про-

ект такого толкования). Полномочие по разрешению споров в законах о статусе конституционных советов в Якутии, Башкирии и Адыгее отсутствует.

Делается вывод о неэффективности имеющихся в субъектах РФ средств правовой охраны Основного закона субъекта РФ. Предлагаются механизмы, которые обеспечат результативность решений конституционных (уставных) советов о признании нормативных правовых актов противоречащими Основному закону субъекта РФ. Обосновывается исключительность права советов давать официальное нормативное толкование конституции (уставу) субъекта РФ.

Ключевые слова: нормоконтроль, нормативный акт, конституционный совет субъекта РФ, уставный совет субъекта РФ, полномочие, конституционный надзор, конституционный контроль, толкование конституции, Основной закон, правовая охрана

Цитирование: Курятников В. В. 2023. Полномочия конституционных (уставных) советов субъектов РФ как органов правовой охраны Основного закона // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 1. С. 92–108. <https://dx.doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-92-108>

Поступила 22.01.2023; одобрена 26.01.2023; принята 31.01.2023

The powers of constitutional (statutory) councils of subjects of the Russian Federation as bodies of legal protection of the Basic Law

Vitali V. Kuriatnikov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
Corresponding author: kuryatnikov74@gmail.com

Abstract: Constitutional (statutory) council is a new state body of federal subjects of Russia. The council is designed to replace the regional body of constitutional justice, abolished since 2023. At the same time, status of this new body is not detailed in the federal legislation, therefore, it gives rise to conflicting approaches in legal science. It is not clear whether the constitutional (statutory) council should (can) be a constitutional control body. Or it should be a supervisory body. It is not clear what set of powers the constitutional (statutory) council should have.

The work uses historical and comparatively legal research methods. The authors study the experience of constitutional councils in republics of Yakutia, Bashkiriya

and Adygea. The conclusion is made about the main purpose of constitutional (statutory) councils: to ensure the supremacy and direct action of the Basic Law of the constituent entity of the Russian Federation and to exercise its legal protection. This implies the presence of powers: for normative control; on the interpretation of the constitution (charter) of the constituent entity of the Russian Federation; to resolve disputes between the highest authorities of the constituent entity of the Russian Federation.

At the same time, an analysis of the laws on constitutional councils of subjects of the Russian Federation shows that they have the authority to exercise normative control in relation to all normative acts of a subject of the Russian Federation and local governments. However, they cannot deprive them of their legal force, since their decisions are advisory in nature. The right to interpret the Basic Law is granted to constitutional councils only in Yakutia and Bashkiria. The results of the interpretation are also advisory in nature, so the interpretation cannot be called an official interpretation (especially since the Constitutional Council of Bashkiria is preparing only a draft of such an interpretation). There is no power to resolve disputes in the laws on the status of constitutional councils in Yakutia, Bashkiria and Adygea.

The conclusion is made about the ineffectiveness of the means of legal protection of the Basic Law available in the constituent entities of the Russian Federation. Mechanisms are proposed that will ensure the effectiveness of decisions of constitutional (statutory) councils. The right of constitutional councils to give an official normative interpretation of the Basic Law of a constituent entity of the Russian Federation is substantiated.

Keywords: norm control, normative act, constitutional council of the subjects of the Russian Federation, statutory council of the subjects of the Russian Federation, authority, constitutional supervision, constitutional control, interpretation of the constitution, Basic Law, legal protection

Citation: Kuriatnikov, V. V. (2023). The powers of constitutional (statutory) councils of subjects of the Russian Federation as bodies of legal protection of the Basic Law. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(1), 92–108. <https://dx.doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-92-108>

Received Jan. 22, 2023; Reviewed Jan. 26, 2023; Accepted Jan. 31, 2023

Введение

Полномочия — это ключевая характеристика любого государственного органа. Вместе с тем полномочия конституционных (уставных) советов, пришедших на смену конституционным (уставным) судам субъектов РФ (окончательно упраздненным с 1 января 2023 года), федеральным законодателем не определены. Более того, не определено

место конституционных (уставных) советов в системе публичной власти субъекта РФ. При этом, с учетом исторического контекста их создания и отечественных теорий конституционализма и федерализма, очевидно, что они должны выполнять функцию правовой охраны Основного закона субъекта РФ и обладать для этого специальными полномочиями. Подход законодателей в Якутии, Башкирии и Адыгее (первых субъектах РФ, учредивших свои конституционные суды) подтверждает озвученный тезис. Вместе с тем теоретические воззрения на правовую природу, статус в целом и полномочия в частности, а также подходы законодателей в Якутии, Башкирии и Адыгее существенно различаются. Поэтому главным назначением публикации является выявление перечня основных полномочий, наиболее свойственных органам правовой охраны Основного закона и их «примерка» к конституционным (уставным) советам субъектов РФ, а также анализ полномочий конституционных советов Башкирии, Якутии и Адыгеи на предмет их допустимости и эффективности с точки зрения реализации их функции правовой охраны Основного закона субъекта РФ.

Методы

Основной метод научного исследования — системный метод — обеспечил выявление пробелов в правовой регламентации полномочий конституционных (уставных) советов. Использование в совокупности с системным методом метода исторического исследования дало возможность выработать набор допустимых и необходимых полномочий конституционных (уставных) советов в субъектах Федерации. Формально-юридический метод использован для анализа полномочий в законах об уже созданных конституционных советах, а сравнительно правовой метод позволил соотнести полномочия конституционных советов Якутии, Башкирии и Адыгеи между собой и с полномочиями Конституционного суда РФ и иных органов правовой охраны Основного закона.

Результаты исследования и их обсуждение

Конституционные (уставные) советы субъектов РФ — новое явление в системе публичной власти. Юридическая наука еще не успела сформировать устоявшихся подходов ни относительно необходимого и достаточного перечня их полномочий, ни по вопросу их систематизации (хотя первые попытки уже предприняты [Брежнев, 2022; Иванова, 2022]).

Поэтому для начала обратимся к классическим подходам систематизации полномочий органов правовой охраны Основного закона. Например, С. Э. Несмеянова выделяет непосредственно полномочия по осуществлению нормоконтроля и иные полномочия [Несмеянова, 2004, с. 195–197]. Схожую позицию занимает М. С. Кургузикив, выделяя обязательные и факультативные полномочия [Кургузикив, 2016, с. 118, 147]. К. М. Худoley выделяет четыре группы полномочий органа правовой охраны конституции: по нормоконтролю, по рассмотрению споров о компетенции, по защите конституционных прав и свобод граждан и организаций, а также политические полномочия [Худoley, 2011, с. 74].

Если обратиться к зарубежному опыту органов правовой охраны Основного закона (как в форме конституционного контроля, так и в форме конституционного надзора), то к числу ключевых полномочий относятся:

- 1) конституционный нормоконтроль, обычно включающий в себя проверку конституционности нормативных правовых актов, проверку конституционности договоров и соглашений (международных и внутригосударственных);
- 2) официальное толкование конституции;
- 3) разрешение споров о компетенции между высшими органами публичной власти.

Именно такой перечень основных полномочий и будет проанализирован далее применительно к конституционным (уставным) советам субъектов РФ, которые, напомним, не являются судебными органами, а потому не осуществляют правосудие.

Нормоконтроль

Нормоконтроль — это основное полномочие любого специализированного органа правовой охраны Основного закона. Он заключается в проверке всего нормативного правового акта или его части на соответствие Основному закону. Если контролирующий орган выявит противоречие Основному закону, он объявит такой акт неконституционным (противоречащим уставу). Эта часть нормоконтроля одинакова для всех органов правовой охраны Основного закона. Отличия же возникают в зависимости от правовых последствий объявления акта неконституционным. Если акт объявляет неконституционным орган конституционного контроля (как правило судебный), акт утрачивает юридическую силу (хоть и должен быть отменен или изменен только органом, его издавшим). Если акт объявлен неконституционным органом конституционного надзора, он обычно сохраняет юридическую силу, но может приостановить свое действие и в последующем быть отменен издавшим его органом.

Ключевыми вопросами нормоконтроля для любого органа правовой охраны Основного закона, в том числе и для конституционных (уставных) советов субъектов РФ, является перечень актов, подлежащих проверке, и его юридические последствия.

Традиционный перечень таких актов составляют законы, акты главы государства (в субъектах федерации — акты главы субъекта), акты парламента и высшего коллегиального органа исполнительной власти (правительства), но в него могут включаться и иные нормативные правовые акты [Кургузиков, 2016, с. 122]. Безусловно, с учетом предмета исследования этот традиционный перечень правовых актов должен быть адаптирован к уровню субъекта федерации.

Итак, первые два вопроса на которые надлежит ответить законодателю: это вопрос о допустимости проверки конституционным (уставным) советом субъекта РФ законов субъекта РФ и вопрос о последствиях такой проверки. На первый вопрос ответ очевиден — законы субъектов РФ входят в предмет нормоконтроля уже в силу того факта, что конституционные (уставные) советы создаются и действуют при парламенте субъекта РФ. Со вторым вопросом все несколько сложнее.

Исключительность законодательных полномочий парламента субъекта РФ установлена ст. 7 и 8 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах ор-

ганизации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ...]. Представляется, что в силу ст. 10, ч. 2 ст. 11 и ч. 1 ст. 77 Конституции РФ субъекты РФ не вправе самостоятельно (т. е. без указания в федеральном законе) лишить свою законодательную власть права принимать, заменять или отменять законы субъекта РФ. Это, в свою очередь, означает, что конституционные (уставные) советы субъектов РФ не могут обладать компетенцией по отмене юридической силы законов субъекта РФ, поскольку иное означало бы их вторжение в исключительную компетенцию федеральных судов и регионального парламента. Однако сказанное не означает невозможности для конституционных (уставных) советов субъектов РФ осуществлять проверку законов субъекта РФ и предпринимать иные меры по восстановлению конституционной законности.

Иначе обстоит дело с актами главы субъекта РФ, актами органов исполнительной власти и актами иных государственных органов субъекта РФ. Указанные органы в отличие от законодательных не обладают исключительным правом на нормотворчество, а результаты их нормотворческой деятельности должны соответствовать не только конституции (уставу) субъекта РФ, но и законам субъекта Федерации. В таких условиях и с учетом назначения конституционного (уставного) совета субъекта РФ как специализированного органа правовой охраны Основного закона субъекта РФ, вполне допустимо наделить советы правом лишать указанные акты юридической силы, если они противоречат конституции (уставу) субъекта РФ. В силу ст. 72 и 73, ч. 4 и 5 ст. 76, ч. 1 ст. 77 Конституции РФ субъект федерации наделен возможностью самостоятельно урегулировать этот вопрос. При этом органы власти субъекта РФ, издающие подзаконные нормативные акты, сохраняют право обжаловать такое решение в суде общей юрисдикции в порядке административного судопроизводства. Несомненным достоинством предлагаемого варианта является окончательность и самодостаточность решений конституционного (уставного) совета субъекта РФ о несоответствии подзаконного акта конституции (уставу) субъекта РФ при сохранении возможности отмены этого решения федеральным судом.

Следующая группа вопросов связана с последствиями проверки муниципальных актов, поскольку компетенция органов власти субъекта РФ ограничена уровнем власти субъекта РФ. Вместе с тем, согласно ч. 1 ст. 4 и ч. 4 ст. 7 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ...], правовая система органов местного самоуправления основывается в том числе на конституции (уставе) субъекта РФ, а согласно иным положениям закона, посвященных отдельным видам муниципальных актов, последние не могут противоречить конституции (уставу) субъекта РФ. Иными словами, субъект федерации в порядке ст. 72 и 73 Конституции РФ не лишен возможности осуществлять конституционный (уставный) нормоконтроль в отношении актов органов местного самоуправления.

Вместе с тем с учетом положений Конституции РФ о независимости органов местного самоуправления, конституционные (уставные) советы субъектов РФ, не имеют

полномочий лишать юридической силы акты органов власти местного самоуправления (т. е. акты иного уровня публичной власти), а могут лишь рекомендовать органу власти их изменить или просить суд общей юрисдикции признать их недействующим (о необходимости предоставления конституционным (уставным) советам субъектов РФ право подачи административных исков изложено выше).

До недавнего времени считалось, что органы конституционного контроля в РФ не осуществляют проверки самих конституционных норм [Несмеянова, 2004, с. 200]. Так, Конституционный суд РФ в определении от 10.04.1997 № 60-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Забродина Петра Ивановича» отмечал, что «его компетенция не распространяется на проверку конституционности конституционных положений, и они не могут быть признаны недействующими» [Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Забродина...]. Поправки 2020 г. в Конституцию РФ эту ситуацию изменили. Сами конституционные поправки стали предметом проверки в Конституционном суде РФ, правда, до их вынесения на голосование, а впоследствии право предварительного конституционного контроля конституционных поправок вошло в компетенцию Конституционного суда РФ (п. «а» ч. 5.1. ст. 125 Конституции РФ и п. 5.2. ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), [Брежнев, 2022, с. 33; Хохлова, 2022, с. 1082].

Законодатели Якутии, Башкирии и Адыгеи также последовали опыту федерального центра и предоставили своим конституционным советам право осуществлять проверку проектов конституционных поправок. Не предоставлено им и право проверять какие-либо соглашения между органами публичной власти.

Что касается последующего нормоконтроля, то все иные нормативные правовые акты субъектов РФ и органов местного самоуправления включены в предмет нормоконтроля конституционных советов Якутии и Башкирии (например, [О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)...], ст. 3; [О Конституционном совете Республики Башкортостан...], ст. 4], соответственно). Однако результаты такого нормоконтроля носят исключительно рекомендательный характер (ч. 8 ст. 8 и ч. 2 ст. 12), что отмечается и в литературе [Брежнев, 2015, с. 33; Хохлова, 2022, с. 1082].

Совсем по иному пути пошел законодатель Республики Адыгея, наделив свой Конституционный совет единственным полномочием рассматривать проекты конституционных законов республики, которыми в соответствии с [Конституция Республики Адыгея..., 1995, ч. 3 ст. 70, ст. 109] принимаются поправки к конституции республики: чч. 1 и 3 ст. 1 [О Конституционном совете Республики Адыгея...]. Соответственно, никакие иные проекты нормативных актов, а тем более действующие акты Конституционный совет Республики Адыгея не рассматривает, а термин нормоконтроль к его деятельности вообще вряд ли применим, поскольку, согласно упомянутому закону, он не осуществляет проверку проекта конституционных поправок на соответствие Конституции Республики Адыгея, что видится недостаточным.

Таким образом, в предмет нормоконтроля конституционных (уставных) советов субъекта РФ — с учетом теоретических положений и противоречивой практики их соз-

дания — следует включить все нормативные правовые акты органов власти субъекта РФ и органов местного самоуправления. Результаты нормоконтроля *должны* носить рекомендательный характер, если проверке подлежали законы субъекта РФ и акты органов местного самоуправления, и *могут* быть обязательными, если проверке подлежали подзаконные акты органов власти субъекта РФ. В последнем случае они должны лишаться юридической силы, но решение конституционного (уставного) совета субъекта РФ не должно быть абсолютным и может быть отменено в суде общей юрисдикции (напомним, суды общей юрисдикции уполномочены проверять соответствие нижестоящих актов конституции (уставу) субъекта РФ как вышестоящему акту, а поэтому в состоянии оценить обоснованность аргументации и выводов конституционного (уставного) совета субъекта РФ).

Далее рассмотрим разновидности нормоконтроля, допустимые в деятельности конституционных (уставных) советов субъектов РФ как специализированных органов правовой охраны Основного закона.

Анализируя нормоконтроль как направление деятельности органа правовой охраны Основного закона, нельзя не отметить, что он может быть как предварительным, так и последующим. Последующий нормоконтроль предполагает проверку уже вступивших в силу актов, а предварительный — проверку актов до их окончательного подписания (одобрения) [Конституционный судебный процесс..., 2019, с. 47; Конституционный судебный процесс..., 2023, с. 52]. При этом для классических судебных органов конституционного контроля предварительный нормоконтроль, как правило, недоступен, и, наоборот, органы конституционного надзора обычно наделяются правом предварительного нормоконтроля [Кургузилов, 2016, с. 133].

Поправки 2020 г. в Конституцию РФ несколько изменили это классическое правило, но фактически не поколебали его, поскольку введенный предварительный нормоконтроль законов находится в спящем режиме [Петров, 2022, с. 261; Устьян, 2022, с. 1308].

Думается, что конституционные (уставные) советы субъектов РФ нецелесообразно рассматривать ни как классические контрольные, ни как классические надзорные органы, поскольку они являются прежде всего специализированным органом правовой охраны, а с учетом исторических реалий предназначены для апробации новых полномочий и форм деятельности. Соответственно, будет неверным ограничивать их компетенцию только последующим или только предварительным нормоконтролем. Наличие возможности предварительного нормоконтроля крайне важно для конституционных (уставных) советов субъектов РФ, созданных без властных полномочий, поскольку, как верно подметили Г. А. Василевич и И. Ю. Остапович, «предварительный конституционный контроль — это, по сути, особый элемент законодательной процедуры» [Василевич, Остапович, 2020, с. 191], а значит, советы не совершают вторжения в исключительные полномочия парламента, а лишь участвуют в его работе.

Здесь следует отметить, что в новейших исследованиях высказывается суждение о невозможности конституционных (уставных) советов субъектов РФ осуществлять последующий нормоконтроль и о приоритетности для него именно предварительного нормоконтроля [Иванова, 2022, с. 54]. Думается, что эта позиция слишком категорична.

Будучи фактически единственным региональным органом правовой охраны Основного закона субъекта РФ, конституционный (уставный) совет должен обладать не только правом предварительного, но и последующего конституционного контроля. Однако приходится признать, что при столь широком подходе к предмету нормоконтроля возникает закономерный вопрос, должен ли он быть обязательным (повсеместным) или выборочным (факультативным), т. е. проводимым по инициативе уполномоченного субъекта или самого проверяющего органа?

Субъекты РФ, уже учредившие конституционные советы, пошли по пути преимущественно факультативного контроля. Так, в Конституционном совете Якутии подавляющее большинство вопросов рассматриваются по инициативе соответствующих должностных лиц. В то же время, если проект закона республики затрагивает основы конституционного строя Якутии, ее национально-государственный статус или административно-территориальное деление, а также все конституционные законы Якутии, такие акты подлежат обязательному предварительному контролю [О Конституционном совете Республики Саха (Якутия) ..., 2021, ч. 1–4 ст. 3]. Конституционный совет Башкирии проверяет все правовые акты только по инициативе советующих должностных лиц или граждан [О Конституционном совете Республики Башкортостан ..., 2022, ч. 1 ст. 4].

Вариант исключительно обязательного нормоконтроля избрал законодатель Адыгеи. Так, в Конституционном совете Адыгеи подлежат рассмотрению все проекты конституционных законов [О Конституционном совете Республики Адыгея ..., 2022, ч. 1 и 3 ст. 1], но, как уже было указано выше, его предмет крайне ограничен — только конституционные поправки.

Что же касается параллельного применения последующего и предварительного нормоконтроля, то оно представлено и в Якутии, и Башкирии. Отличие между предварительным и последующим контролем заключается только в субъектах, уполномоченных его инициировать. Так, последующий нормоконтроль может инициировать наибольшее число субъектов (должностных лиц), а предварительный — только глава республики (причем как в Якутии, так и в Башкирии).

Подход, примененный в Башкирии и Якутии (в отличие от опыта Адыгеи), по нашему мнению, является вполне удачным. Дело в том, что предварительный обязательный (сплошной) нормоконтроль (даже всех принимаемых в субъекте РФ законов) не может качественно проводиться относительно небольшой коллегией членов конституционного (уставного) совета субъекта РФ. Тем более он невозможен в отношении всех подзаконных нормативных актов субъекта РФ и муниципальных образований. Сказанное, однако, не исключает обязательного предварительного нормоконтроля, например, всех поправок к конституции (уставу) субъекта РФ или иной специальной разновидности законов в перечне законов субъектов субъекта РФ. Таким образом, оптимальным видится именно факультативной (выборочный) контроль, проводимый по инициативе уполномоченных должностных лиц, граждан или самого конституционного (уставного) совета субъекта РФ, при допустимости установления обязательного нормоконтроля в отношении отдельных особо значимых законов.

Вопрос о субъектах, уполномоченных инициировать процедуру нормоконтроля, является крайне важным для конституционных (уставных) советов субъектов РФ. Выше мы писали о желательности предоставить советам право самостоятельно инициировать проверку нормативных актов, однако использование этого права должно быть скорее исключением, нежели правилом. Основное количество дел должно рассматриваться по инициативе заинтересованных органов и лиц, поэтому неизбежно встает вопрос о необходимом и достаточном перечне инициаторов нормоконтроля.

Прежде всего надлежит определиться: будет ли право обращения в конституционный (уставный) совет субъекта РФ предоставлено только органам власти и должностным лицам органов публичной власти или оно также будет предоставлено гражданам и организациям?

Неясно, чем руководствовался законодатель Республики Башкирия, устанавливая крайне ограниченный перечень субъектов, наделенных правом обращения в Конституционный совет Республики. Так, правом инициирования последующего нормоконтроля наделены только граждане и организации (но не органы власти или отдельные должностные лица), а правом инициирования предварительного нормоконтроля — исключительно Президиум Государственного Собрания Республики в отношении проектов актов, рассматриваемых в парламенте и Глава Республики — в отношении законов Башкирии, принятых парламентом, но еще не подписанных Главой Республики.

Гораздо более широко к перечню субъектов, уполномоченных инициировать конституционный нормоконтроль подошли в Якутии. Правом инициирования последующего нормоконтроля наделены: глава Якутии, любой депутат парламента Якутии, правительство Якутии, все омбудсмены Якутии, местные представительные органы и главы муниципальных образований на территории республики, а также муниципальные депутаты. Правом инициирования предварительного нормоконтроля наделен только Глава Республики — в отношении законов Якутии, принятых парламентом, но еще не подписанных Главой Республики. Однако важно отметить, что в приведенном перечне инициаторов конституционного нормоконтроля в Якутии отсутствуют граждане.

В Адыгее этот вопрос законодательно не решен, но с учетом того, что подготовка заключения на проект конституционного закона осуществляется Конституционным советом в рамках законотворческой процедуры, установленной Регламентом Государственного Совета — Хасэ Республики Адыгея, соответствующую инициативу выдвигает Председатель государственного Совета Адыгеи [О Регламенте Государственного Совета..., п. 1.1. ст. III].

Таким образом, можно заключить, что законодатели Башкирии, Якутии и Адыгеи пошли во многом противоположным путем, при этом все они приняли соответствующие правовые нормы вразрез с достижениями юридической науки и вопреки негативному опыту функционирования конституционных (уставных) судов субъектов РФ (речь идет о малом количестве рассматриваемых ими дел). Как уже было отмечено выше, в целях обеспечения максимальной широты деятельности конституционных (уставных) советов субъектов РФ право инициирования последующего конституционного нормоконтроля должно принадлежать широкому перечню органов публичной

власти и должностных лиц, а также гражданам и организациям, поскольку нет никаких разумных причин ограничивать их в доступе к органу правовой охраны Основного закона субъекта РФ.

Официальное толкование Основного закона

Следующим традиционным полномочием органов конституционно-правовой охраны является официальное толкование Основного закона. Как верно отмечалось в советских исследованиях, «толкование конституции — это главное содержание, смысл существования системы конституционного надзора» [Крутоголов и др., 1966, с. 308]. Правом официального толкования наделен Конституционный суд РФ, и ранее им повсеместно наделялись конституционные (уставные) суды субъектов РФ [Казанцев, Савоськин, 2020, с. 20]. По мнению Н. С. Малютина, оно является основным полномочием регионального органа правовой охраны Основного закона [Малютин, 2015, с. 18].

Показательно, что и в Башкирии, и в Якутии конституционные советы получили право толкования конституций, но вот последствия такого толкования неясны, и возникают большие вопросы относительно возможности называть такое толкование официальным. О соответствующем праве Конституционного совета Адыгеи ничего не сказано.

Начнем с того, что ни в Конституции Якутии, ни в Конституции Башкирии нет права парламента (или иного органа) осуществлять официальное толкование конституции республики. Этот вывод особенно очевиден в контексте существовавших в прошлом специальных норм конституций республик Башкирия и Якутия о толковании их положений соответствующими конституционными судами республик. После упразднения судов соответствующие положения конституций утратили силу, однако дальнейшего изменения конституции не претерпели. Иными словами, в текстах конституций отсутствуют нормы об их официальном толковании, поэтому даже при закреплении соответствующего полномочия в законе республики, обязательность результатов такого толкования вызывает большие вопросы.

Но и сами законы о статусе конституционных советов в части толкования конституций сформулированы иначе, нежели это было сделано в отношении конституционных судов, что делает результаты толкования еще более спорными.

Конституционный совет Якутии наделен правом толкования Конституции республики [О Конституционном суде Республики Саха (Якутия) ... , 2002, ч. 1 ст. 3]¹. При этом в законе не сказано о юридической силе результатов такого толкования. С учетом создания Конституционного Совета Якутии как государственного органа, но не органа власти приходится констатировать, что толкование Конституции Якутии, данное советом окажется профессиональным, но не официальным, что представляется доктринально неверным.

Еще более неудачными выглядят формулировки о праве толкования Конституции Башкирии в п. 2 ч. 1 ст. 4 Закона республики Башкортостан «О Конституционном со-

¹ Для сравнения: Конституционный суд Якутии обладал правом *официального* толкования [О Конституционном суде Республики Саха (Якутия) ... , 2002, п. 5 ч. 1 ст. 3].

вете Республики Башкортостан». Так, Конституционный совет Башкирии уполномочен готовить лишь проект толкования Конституции республики. На момент публикации совершенно неясно, кто этот проект толкования будет утверждать и каковы будут его юридические последствия, но совершенно очевидно, что результаты толкования Основного закона, данные Конституционным советом Башкирии, не будут иметь обязательной юридической силы.

Таким образом, можно заключить, что оба субъекта РФ, учредивших конституционные советы, лишь обозначили право последних осуществлять толкование Основного закона, но результаты такого толкования носят необязательный характер, а значит, его нельзя именовать официальным в том смысле, который придается этому термину законами о специализированных органах правовой охраны конституции и юридической теорией. Это, в свою очередь, приводит к выводу, что после упразднения органов конституционной юстиции регионального уровня, никакой иной орган не уполномочен на осуществление нормативного официального толкования основных законов субъектов РФ [Бредихин, Проценко, 2021, с. 15] (хотя казуальное официальное толкование по-прежнему может осуществлять Конституционный Суд РФ или суды общей юрисдикции). Если принять во внимание, что толкование основного закона — это «сильное оружие» [Несмеянова, 2004, с. 226], а процесс этот очень сложный и специфический, представляется, что право его толкования не может быть доверено парламенту, а может быть возложено только на независимый и специализированный орган правовой охраны Основного закона, которым на уровне субъекта РФ как раз и выступает конституционный (уставный) совет.

Полномочие по разрешению споров о компетенции между высшими органами публичной власти

Полномочие по разрешению споров о компетенции между высшими органами публичной власти предусмотрено законодательством о Конституционном Суде РФ¹. Однако это полномочие является наиболее спорным, а в российских реалиях оказалось еще и не востребованным [Брежнев, 2015, с. 49; Никитина, 2016, с. 70].

Так, Конституционным судом РФ рассмотрено всего три спора о компетенции. Органы конституционной юстиции в субъектах РФ, решений по спорам о компетенции не выносили в принципе [Никитина, 2013, с. 50]. Сказанное не означает, что органы конституционной юстиции вообще не касались вопросов компетенции органов власти, просто делали они это в рамках процедуры нормоконтроля [Кобзарь, 2005, с. 132; Варфоломеева, 2007, с. 148; Половченко, 2017, с. 64].

Возможно поэтому в законах о конституционных советах Якутии, Башкирии и Адыгеи право разрешения споров о компетенции не предусмотрено в принципе.

Нужно ли комментируемое полномочие конституционным (уставным) советам субъектов РФ? Думается, нет. Рассмотрение споров о компетенции: во-первых, сближает специализированные органы правовой охраны с судами общей юрисдикции (вплоть

¹ Это полномочие также было предусмотренное и во многих законах субъектов РФ о конституционных (уставных) судах.

до подмены последних), что нежелательно; во-вторых, предполагает рассмотрение вопросов не столько права, сколько факта, что не свойственно органам конституционного контроля и надзора; в-третьих, споры о компетенции неизбежно крайне политизированы, а органам охраны Основного закона во всех случаях следует избегать участия в политических конфликтах. Таким образом, считаем, что самостоятельное полномочие конституционных (уставных) советов субъектов по разрешению споров между отдельными органами публичной власти нецелесообразно и нежелательно.

Заключение

Анализ полномочий уже созданных конституционных советов в Якутии, Башкирии и Адыгее показывает, что они наделены правом осуществлять конституционный нормоконтроль, но вот перечень этих актов различен. В Адыгее — только поправки к Конституции республики, в Башкирии и Якутии — нормативные акты субъекта РФ и органов местного самоуправления. Однако во всех конституционных советах результаты такого нормоконтроля не обязательны (носят рекомендательный характер) для органов, принявших неконституционный акт (или планирующих его принятие). Полномочия по официальному нормативному толкованию конституций, равно как и полномочия по разрешению споров между высшими органами власти субъекта РФ у них также отсутствуют. Все это в совокупности крайне ограничивает их в реализации своего предназначения по обеспечению верховенства и прямого действия конституции субъекта РФ. Для исправления ситуации предлагается наделить конституционные (уставные) советы правом лишать подзаконные акты субъектов РФ юридической силы в случае их неконституционности и инициировать проверку неконституционных законов субъекта РФ и актов органов местного самоуправления в судах общей юрисдикции. Также предлагается наделить конституционные (уставные) советы субъектов РФ правом на официальное нормативное толкование Основного закона.

Список источников

- Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. 2021. Официальное толкование права в Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. Т. 21. № 5. С. 13–20.
- Брежнев О. В. 2015. Разрешение споров о компетенции как полномочие конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. № 6. С. 47–50.
- Брежнев О. В. 2022. Правовой статус конституционного (уставного) совета субъекта Российской Федерации: первый опыт законодательного регулирования // Государственная власть и местное самоуправление. № 11. С. 32–36.
- Варфоломеева Н. П. 2007. Конституционно-правовая природа и механизм разрешения споров о компетенции органов государственной власти: дис. ... канд. юрид. наук. Самара. 210 с.
- Василевич Г. А., Остапович И. Ю. 2020. Особенности нормотворческой активности Конституционного Суда России, Конституционного Суда Беларуси и Конституционно-

- го Совета Казахстана // Вестник Томского государственного университета. № 450. С. 191–205.
- Иванова Е. А. 2022. К вопросу о компетенции конституционных (уставных) советов при законодательных органах государственной власти субъектов Российской Федерации // Академический юридический журнал. Т. 23. № 1 (87). С. 50–59.
- Казанцев А. О., Савоськин А. В. 2020. История создания Уставного Суда Свердловской области (к 25-летию Устава Свердловской области) // Журнал конституционного правосудия. № 2. С. 19–22.
- Кобзарь Д. А. 2005. Судебное разрешение конституционно-правовых споров о компетенции в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М. 207 с.
- Конституционный судебный процесс: учебник для бакалавриата / отв. ред. М. С. Саликов. 2023. М.: Норма: ИНФРА-М. 368 с.
- Конституционный судебный процесс: учебник для бакалавриата / отв. ред. М. А. Митюков, В. В. Комарова. 2019. М.: Норма: ИНФРА-М. 352 с.
- Конституция Республики Адыгея от 10 марта 1995 года (с изменениями на 15 июня 2022 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/804932122>
- Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>
- Крутоголов М. А., Крылов Б. С., Ледях И. А., Леонюк Е. Ф., Мамаев В. А. 1966. Буржуазные конституции в период общего кризиса капитализма. М.: Наука. 335 с.
- Кургузииков М. С. 2016. Конституционный контроль в странах содружества независимых государств: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 242 с.
- Малютин Н. С. 2015. Исчерпан ли интерпретационный потенциал региональной конституционной юстиции в Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. № 5. С. 13–19.
- Несмеянова С. Э. 2004. Теоретико-правовое исследование конституционного судебного контроля в РФ: дис. ... доктора юрид. наук. Екатеринбург. 476 с.
- Никитина А. В. 2013. Споры о компетенции между органами государственной власти субъекта Российской Федерации: понятие и механизмы разрешения // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. № 6. С. 37–52.
- Никитина А. В. 2016. Проблемы разрешения споров о компетенции в порядке конституционного судопроизводства // Вопросы современной юриспруденции. № 59. С. 69–75.
- О Конституционном совете Республики Адыгея: Закон Республики Адыгея от 28.04.2022 № 66 // Официальный портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0100202205010012>
- О Конституционном совете Республики Башкортостан: Закон Республики Башкортостан от 21 ноября 2022 года №625-з // Государственное Собрание — Курултай Республики Башкортостан. Официальный информационный портал. URL: https://gsrb.ru/upload/iblock/c4b/z_625_20221121.pdf

- О Конституционном совете Республики Саха (Якутия): Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 26.05.2021 № 2356-3 № 623-VI // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/574747374>
- О Конституционном суде Республики Саха (Якутия) и конституционном судопроизводстве: Конституционный закон Республики Саха (Якутия) от 15.06.2002 года № 16-з № 363-II // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550103176>
- О Регламенте Государственного Совета — Хасэ Республики Адыгея (с изменениями на 29 декабря 2022 года): Постановление Государственного Совета — Хасэ Республики Адыгея от 05 декабря 2012 № 479-ГС // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/453124105>
- Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Забродина Петра Ивановича: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 10.04.1997 № 60-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Петров А. А. 2022. Новые перспективы судебного конституционного нормоконтроля в свете конституционной реформы 2020 года // Материалы седьмого Уральского Форума конституционалистов. Екатеринбург. С. 254–264.
- Половченко К. А. 2017. Разрешение споров о компетенции как полномочие Конституционного Суда // Проблемы в российском законодательстве. № 6. С. 62–66.
- Устьян Э. А. 2022. Конституционная реформа 2020: новеллы правового регулирования конституционного нормоконтроля // Инновации. Наука. Образование. № 50. С. 1304–1309.
- Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52. Ст. 8973.
- Федеральный закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
- Хохлова Е. П. 2022. Конституционная юстиция в субъектах Российской Федерации: от конституционных (уставных) судов к конституционным (уставным) советам // Эволюция российского права. Материалы XX Международной научной конференции молодых ученых и студентов. Уральский государственный юридический университет. Екатеринбург. С. 1078–1085.
- Худoley К. М. 2011. Полномочия Конституционного Суда РФ: проблемы теории и практики конституционного правосудия // Вестник Пермского университета. № 2 (12). С. 71–84.

References

- Bredikhin, A. L. & Protsenko, E. D. (2021). Official interpretation of law in the Russian Federation. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 21(5), 13–20. [In Russian]
- Brezhnev, O. V. (2015). Resolution of disputes about competence as the authority of the constitutional (charter) courts of the constituent entities of the Russian Federation. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, (6), 47–50. [In Russian]
- Brezhnev, O. V. (2022). Legal status of the constitutional (statutory) council of the subject of the Russian Federation: the first experience of legislative regulation. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, (11), 32–36. [In Russian]

- Varfolomeeva, N. P. (2007). *Constitutional and legal nature and mechanism for resolving disputes about the competence of public authorities*. [dissertation, Samara]. [In Russian]
- Vasilevich, G. A. & Ostapovich, I. Yu. (2020). Features of the rule-making activity of the Constitutional Court of Russia, the Constitutional Court of Belarus and the Constitutional Council of Kazakhstan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (450), 191–205. [In Russian]
- Ivanova, E. L. (2022). On the issue of the competence of constitutional (statutory) councils under the legislative bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal*, 23(1), 50–59. [In Russian]
- Kazantsev, A. O. & Savoskin, A. V. (2020). The History of the Creation of the Statutory Court of the Sverdlovsk Region (to the 25th Anniversary of the Charter of the Sverdlovsk Region). *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, (2), 19–22. [In Russian]
- Kobzar, D. A. (2005). *Judicial resolution of constitutional and legal disputes about competence in the Russian Federation*. [dissertation, Moscow]. [In Russian]
- Salikov, M. S. (Ed.). (2023). *Constitutional Litigation: A Textbook for Undergraduate Studies*. Norma: INFRA-M. [In Russian]
- Mityukov, M. A. & Komarov, V. V. (Ed.). 2019. *Constitutional Litigation: A Textbook for Undergraduate Studies*. Norma: INFRA-M. [In Russian]
- The Constitution of the Republic of Adygea of March 10, 1995 (as of June 15, 2022) (1995). *Elektronnyy fond pravovyykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov*. <https://docs.cntd.ru/document/804932122> [In Russian]
- RF Constitution adopted by Nationwide Vote on December 12, 1993: with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020 (1993). *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> [In Russian]
- Krutogolov, M. A., Krylov, B. S., Ledyakh, I. A., Leonyuk, E. F., & Mamaev, V. A. (1966). *Bourgeois constitutions in the period of the general crisis of capitalism*. Moscow: Nauka. [In Russian]
- Kurguzikov, M. S. (2016). *Constitutional control in the Commonwealth of Independent States: A Comparative Legal Study*. [dissertation, Yekaterinburg]. [In Russian]
- Malyutin, N. S. (2015). Has the interpretive potential of regional constitutional justice in the Russian Federation been exhausted? *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, (5), 13–19. [In Russian]
- Nesmeyanova, S. A. (2004). *Theoretical and Legal Research of Constitutional Judicial Control in the Russian Federation*. [Doctoral dissertation, Yekaterinburg]. [In Russian]
- Nikitina, A. V. (2013). Disputes about competence between public authorities of a constituent entity of the Russian Federation: the concept and mechanisms of resolution. *Vestnik Khabarovskoy gosudarstvennoy akademii ekonomiki i prava*, (6), 37–52. [In Russian]
- Nikitina, A. V. (2016). Problems of resolving disputes about competence in the order of constitutional proceedings. *Voprosy sovremennoy yurisprudentsii*, (59), 69–75. [In Russian]
- On the Constitutional Council of the Republic of Adygea, Law of the Republic of Adygea of April 28, 2022, No. 66 (2022). *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*. <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0100202205010012> [In Russian]
- On the Constitutional Council of the Republic of Bashkortostan, Law of the Republic of Bashkortostan of November 21, 2022, No. 625-z (2022). *Gosudarstvennoe Sobranie — Kurultay Respubliki Bashkortostan. Ofitsial'nyy informatsionnyy portal*. https://gsrb.ru/upload/iblock/c4b/z_625_20221121.pdf [In Russian]

- On the Constitutional Council of the Republic of Sakha (Yakutia), Constitutional Law of the Republic of Sakha (Yakutia) of May 26, 2021, No. 2356-3 No. 623-VI (2021). *Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov*. <http://docs.cntd.ru/document/574747374> [In Russian]
- On the Constitutional Court of the Republic of Sakha (Yakutia) and constitutional proceedings, Constitutional Law of the Republic of Sakha (Yakutia) of June 15, 2002, No. 16-z No. 363-II (2002). *Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov*. <https://docs.cntd.ru/document/550103176> [In Russian]
- On the Regulations of the State Council — Khase of the Republic of Adygea (as of on December 29, 2022), Decree of the State Council — Khase of the Republic of Adygea of December 5, 2012, No. 479-GS (2012). *Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov*. <https://docs.cntd.ru/document/453124105> [In Russian]
- On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Petr Ivanovich Zabrodin, ruling of the RF Constitutional Court of April 10, 1997, No. 60-O (199). Unpublished document. Retrieved from “ConsultantPlus.” [In Russian]
- Petrov, A. A. (2022). New prospects for judicial constitutional normative control in the light of the constitutional reform of 2020. In *Materialy sed'mogo Ural'skogo Foruma konstitutsionalistov* (pp. 254–264). [In Russian]
- Polovchenko, K. A. (2017). Resolution of disputes about competence as the power of the constitutional court. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, (6), 62–66. [In Russian]
- Ustyan, E. A. (2022). Constitutional reform 2020: novelties of legal regulation of constitutional normative control. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie*, (50), 1304–1309. [In Russian]
- On the General Principles of Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation, RF Federal Law of December 21, 2021 No. 414-FZ (2021). *Sobranie zakonodatelstva RF*, (52), 8973. [In Russian]
- On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation, Federal Law of October 6, 2003, No. 131-FZ (2003). *Sobranie zakonodatelstva RF*, (40), 3822. [In Russian]
- Khokhlova, E. P. (2022). Constitutional justice in the subjects of the Russian Federation: from constitutional (charter) courts to constitutional (charter) councils. *Proceedings of the 20th International Conference for Young Researchers and Students “Evolutsiya rossiyskogo prava”, Ural'skiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet, Ekaterinburg* (pp. 1078–1085). [In Russian]
- Khudoley, K. M. (2011). Powers of the Constitutional Court of the Russian Federation: problems of the theory and practice of constitutional justice. *Vestnik Permskogo universiteta*, (2), 71-84. [In Russian]

Информация об авторе

Виталий Владимирович Курятников, доцент кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия
kuryatnikov74@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1092-3111>

Information about the author

Vitali V. Kuriatnikov, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
kuryatnikov74@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1092-3111>

Гендерный подход и принцип справедливости уголовного закона

Алмаз Фирзярович Абдувалиев

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Контакт для переписки: a.f.abdulvaliev@utmn.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о соответствии принципу справедливости наказания, назначаемого женщинам за совершение в первую очередь умышленных преступлений. Целью исследования является выявление причин и условий, способствующих тому, что суд выносит лицам женского пола более мягкое наказание, чем лицам мужского пола, проявляя тем самым не только гуманность, но и снисходительность.

В качестве основных научных методов для исследования выбраны анализ норм Уголовного кодекса РФ, анализ судебной практики судов общей юрисдикции по итогам рассмотрения уголовных дел. Изучены позиции отечественных и зарубежных ученых, рассматривавших ранее в своих работах аналогичные аспекты.

В ходе исследования удалось установить, что суды прибегают к смягчению наказания ввиду того, что у женщин на иждивении имеются малолетние дети, а сам факт их наличия является еще и смягчающим обстоятельством. Но при этом Уголовным кодексом РФ не учитывается такой немаловажный фактор, как содержание и воспитание несовершеннолетнего ребенка, что, на взгляд автора, является необходимым и важным, так как необходимо исключать случаи проявления снисхождения тем, кто не занимается развитием и воспитанием своих детей.

Проблемой являются также случаи, в котором суд назначает, на взгляд автора, мягкое наказание за преступления, совершенные с особой жестокостью, садизмом и издевательствами. Это может породить у женщин только лишь безнаказанность и вседозволенность, что в будущем приведет к тяжким последствиям для института семьи, общества и государства. В целом подобный гуманный подход для женщин идет вразрез с принципом справедливости и даже с принципом равенства граждан перед законом.

Автором резюмируется необходимость внесения соответствующих изменений в Уголовное законодательство РФ с целью приведения норм уголовного права в соответствии с принципом справедливости и с целью предупреждения новых преступлений.

Ключевые слова: суд, уголовное право, преступление, наказание, справедливость, равенство, женщина, мать, ребенок, жестокость.

Цитирование: Абдулвалиев А. Ф. 2023. Гендерный подход и принцип справедливости уголовного закона // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 1. С. 109–121. <https://dx.doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-109-121>

Поступила 16.01.2023; одобрена 19.01.2023; принята 31.01.2023

Is the punishment imposed on women for committing intentional crimes consistent with the principle of justice?

Almaz F. Abdulvaliev

University of Tyumen, Tyumen, Russia
Corresponding author: a.f.abdulvaliev@utmn.ru

Abstract. The article considers the question of compliance with the principle of justice of the punishment imposed on women for committing, first, intentional crimes. The purpose of the study is to identify the causes and conditions that contribute to the fact that the court imposes a milder punishment on female persons than on male persons, thereby showing not only humanity, but also leniency.

The main scientific methods for the study were chosen analysis of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, analysis of the judicial practice of courts of general jurisdiction based on the results of consideration of criminal cases. The positions of domestic and foreign scientists who had previously considered similar aspects in their works were studied.

During the study, it was found that the courts resort to mitigation of punishment since women have dependent young children, and the very fact of their presence is also a mitigating circumstance. But at the same time, the Criminal Code of the Russian Federation does not consider such an important factor as the maintenance and upbringing of a minor child, which, in the author's opinion, is necessary and

important. Since it is necessary to exclude cases of leniency to those who are not engaged in the development and upbringing of their children.

The problem is also those cases when the court appoints, in the opinion of the author, a mild punishment for crimes committed with extreme cruelty, sadism and bullying. This can only give rise to impunity and permissiveness among women, which in the future will lead to grave consequences for the institution of the family, society and the state. In general, such a humane approach for women goes against the principle of justice and even the principle of equality of citizens before the law.

The author summarizes the need to make appropriate changes to the Criminal legislation of the Russian Federation to bring the norms of criminal law in accordance with the principle of justice and to prevent new crimes.

Keywords: court, criminal law, crime, punishment, justice, equality, woman, mother, child, cruelty

Citation: Abdulvaliev, A. F. (2023). Is the punishment imposed on women for committing intentional crimes consistent with the principle of justice? *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(1), 109–121. <https://dx.doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-109-121>

Received Jan. 16, 2023; Reviewed Jan. 26, 2023; Accepted Jan. 31, 2023

Введение

Исходя из требования статьи 6 УК РФ, справедливость наказания означает его точное соответствие характеру и степени общественной опасности преступления, а равно обстоятельствам его совершения и, главное, личности виновного. Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении [О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания ...] требовательно подходит к установлению личности виновного и учета данных характеристик при назначении наказания. Сложившаяся судебная практика в отечественном уголовном судопроизводстве показывает, что судьи применяют индивидуальный подход по половому признаку при назначении наказания — в основном гуманно и с определенной долей снисходительности и милосердия подходят к назначению наказания лицам женского пола за совершенные преступления. Причем речь здесь можно вести как о несовершеннолетних, так и о взрослых женщинах.

Предполагается, что смягчение наказания женщинам обусловлено тем, что у них на иждивении находятся дети, которых надо растить, обучать, воспитывать и т. п. Однако в судебной практике в качестве подсудимых оказываются женщины, которые хоть и имеют детей, но фактически ими не занимаются. Но им суд в ряде случаев все так же назначает более мягкое наказание, чем мужчинам.

Возникает закономерный вопрос, насколько соответствует принципу справедливости назначение наказания женщинам, совершившим умышленные преступления?

Теоретическая основа и методы исследования

В качестве основных научных методов выбраны анализ норм Уголовного кодекса РФ, анализ судебной практики судов общей юрисдикции по итогам рассмотрения уголовных дел. Исследованы позиции отечественных [Ветрова, 2015; Маркова, 2022; Пикин, Тараканов, 2021; Синьков, 2011] и зарубежных ученых [Collica-Cox, Schulz, 2019; Heminway, 2009], изучавших ранее аналогичные аспекты уголовной ответственности женщин и женской преступности в целом. По ряду составов преступлений (преступления против жизни) автором изучены тексты итоговых судебных решений (приговоров и постановлений), вынесенных судами общей юрисдикции за период с 2010 по 2020 год по тем уголовным делам, где к уголовной ответственности привлекалось лицо женского пола.

Результаты и обсуждение

Особенности назначения наказания женщинам

За совершенные тяжкие и особо тяжкие преступления женщинам, как правило, назначают наказания либо минимальные, либо в половину от максимального срока наказания, либо даже ниже низшего предела (если на то есть соответствующие смягчающие обстоятельства). В судебной практике редко можно встретить примеры, когда женщинам назначалось бы максимальное наказание либо более половины от максимального срока наказания. В основном наблюдается гуманный подход.

Так, в 2020 году Д., находясь в состоянии алкогольного опьянения и испытывая неприязнь к потерпевшему из-за его бранных высказываний в ее адрес, вылила ему на лицо и тело самогон и подожгла его. Потерпевший сгорел заживо. Данное деяние было квалифицировано по п. «д», ч.2, ст. 105 УК РФ. И суд ей назначил наказание — 11 лет 6 месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима [Приговор Волгоградского областного суда от 17.12.2020...].

Обычно за совершенное убийство с особой жестокостью судом назначается наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет. Медианным значением этого диапазона является 14 лет лишения свободы. Именно этот срок можно взять в качестве отправной точки для определения того, справедливым ли был назначенный судом срок лишения свободы. При этом стоит оговорить, что это медианное значение может варьироваться в сторону увеличения или уменьшения срока наказания в зависимости от наличия смягчающих и (или) отягчающих обстоятельств.

В приведенном выше случае свою роль сыграло наличие смягчающих обстоятельств: явка с повинной и аморальное поведение потерпевшего. Но почему сама подсудимая встречалась и выпивала с потерпевшим, если он ее оскорблял? Тем более что подсудимая страдала психическим расстройством в форме синдрома зависимости из-за употребления алкоголя. Поэтому здесь нет оснований для применения ст. 62 УК РФ, чтобы смягчить ей наказание, но наказание все же смягчено судом. Мало того, судом не признан в качестве отягчающего обстоятельства тот факт, что преступление Д. совершала, находясь в состоянии алкогольного опьянения (ч. 1.1 ст. 63 УК РФ разрешает суду признать

это отягчающим наказанием обстоятельством). Но здесь стоит сделать оговорку, что признание совершения преступления в состоянии алкогольного опьянения отягчающим обстоятельством все-таки является не обязанностью, а правом суда.

Что интересно, по данному уголовному делу суд не признал в качестве смягчающего обстоятельства наличие у лица малолетнего ребенка, так как подсудимая никакого участия в судьбе своего несовершеннолетнего ребенка не принимала (не воспитывала и ею не занималась), с ней не встречалась, материальной помощи не оказывала и была в свое время лишена родительских прав.

В целом такой приговор соответствует принципу законности. Ведь судьи выносят итоговые решения, исходя из требований ст. 7 УПК РФ и ст. 3 УК РФ, ссылаясь на применяемые ими нормы уголовного закона и нормы уголовно-процессуального закона. Значит, причина кроется в самих нормах указанных кодифицированных актов.

Уголовный кодекс РФ устанавливает к женщинам более мягкий и гуманный подход, чем к мужчинам:

- Им не назначается наказание в виде пожизненного лишения свободы.
- Им не могут назначить смертную казнь (в случае отмены соответствующего моратория).
- Им не могут назначить отбывание наказания в виде лишения свободы в колониях строгого и особого режимах, а равно в тюрьмах.

В случае их беременности или наличия на иждивении детей в возрасте до трех лет им не могут назначить такие виды наказания, как обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы.

Соответствует ли это принципу справедливости? С одной стороны, да, но, с другой стороны, нет. Женщинам определяется более мягкое наказание, в то время как лицам мужского пола назначается более суровое наказание. Мало того, существующий ныне в уголовном праве подход к женщинам нарушает еще один принцип — принцип равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ), когда лица, совершившие преступления равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола. О том, что существуют подобные нарушения уже не раз писали отечественные ученые в своих научных трудах [Дядюн, 2009; Казакова, 2008]. Нарушение принципа равенства в подобных ситуациях в своем решении отметил еще Конституционный суд РФ [По делу о проверке конституционности ...].

Между тем ст. 58 УК РФ устанавливает общие правила раздельного содержания осужденных в зависимости от тяжести совершенного им деяния и от наличия либо отсутствия рецидива. Однако для женщин сделано исключение: лица, совершившие тяжкие или особо тяжкие преступления впервые, при любом виде рецидива содержатся в одной колонии — колонии общего режима. Можно ли говорить о том, что здесь соблюдается принцип справедливости и принцип равенства? Очевидно, нет. Налицо коллизия норм уголовного права и их несоответствие принципам уголовного права.

Так почему же законодатель решил смягчить участь и наказание женщинам? Ученые-правоведы по-разному объясняют данную причину.

«Осужденные женщины, — пишет М. В. Овсянникова, — острее, чем мужчины, воспринимают сам факт изоляции от общества, у них чаще, чем у мужчин, происходят нервно-психические срывы, возникают стрессовые ситуации» [Овсянникова, 2017].

«Женщины в два раза чаще подвержены депрессии, психологическое состояние женщины взаимосвязано с ее физиологией» [Тювина, Балабанова, Воронина, 2015].

К этому стоит добавить, что женщина еще играет немаловажную социальную роль — как говорилось ранее, на нее возложено бремя по содержанию, обучению и воспитанию своих детей (особенно малолетних). И по своей сути к таким женщинам можно и нужно применять гуманный подход ввиду того, что она мать этих детей и занимается их содержанием, воспитанием и обучением. Но только при условии, что она не совершала тяжкие и особо тяжкие преступления.

С такой уголовно-правовой позицией по поводу смягчения наказания можно было бы согласиться, если бы женщина, являющаяся матерью, вынуждена была пойти на совершение преступления в силу объективных причин (например, необходимость прокормить детей, спасти детей от насилия и т. п.). И такой подход в большей степени соответствует требованиям принципа справедливости. Однако чаще всего женщины-матери совершают совершенно другие, более непристойные, коварные и жестокие (беспощадные) преступления, часто — в состоянии опьянения, как показал вышеприведенный пример из судебной практики, прикрываясь тем, что они являются матерями.

Дело в том, что в ст. 49, 50, 61, 79, 80, 82, 93 УК РФ говорится только о наличии у матери ребенка или детей, но нет ни слова о том, должен ли при назначении наказания или при освобождении от наказания учитываться тот факт, что она их еще и содержит, обучает, кормит, воспитывает и т. п.

Но тут же возникает вопрос, а сколько матерей, хоть и совершивших преступление, в действительности занимаются своими детьми? Есть все основания полагать, что не все занимаются своими детьми, либо же не всегда уделяют этому внимание, перекладывая это бремя на дошкольные и на образовательные учреждения, т. е. на государство. Полагаться на добросовестность и добропорядочность таких матерей нет смысла. Здесь можно увидеть злоупотребление правом, связанным с рождением, воспитанием и содержанием детей, особенно с уголовно-правовой точки зрения. Поэтому такой пробел в уголовном законодательстве должен быть устранен. Необходимо в Общей части УК РФ: в ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ч. 7 ст. 53, ст. 54, ст. 61 ч. 3.1 ст. 79, ч. 2.1 ст. 80, ст. 82, ч. 2 ст. 93 — помимо слов «наличие детей» или «имеющим детей», дополнить данные фразы «воспитывающим и содержащим».

Назначение наказания за убийство матерью новорожденного ребенка

Отдельно стоит сказать о таком преступном деянии, как убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). В отличие от п. «В» ч. 2 ст. 105 УК РФ, за которое полагается наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы, санкция ст. 106 УК РФ устанавливает максимальное наказание, составляющее всего лишь 5 лет лишения свободы. Такое деяние считается преступлением средней тяжести.

Автором проведен ряд исследований данного уголовно-правового явления [Abdulvaliev, Morozov, Pavlenko, 2020; Абдулвалиев, 2021; Абдулвалиев, Каземов, 2021]. По итогам этих исследований установлено, что матери, которые должны были своих новорожденных детей растить и воспитывать, зачастую убивали их сразу, как правило, в течение суток после рождения ребенка. Причем убивали их с циничностью и с жестокостью по отношению беззащитным младенцам.

В 2013 году З. в огороде возле своего дома одна самостоятельно и без посторонней помощи родила живого, доношенного ребенка женского пола. Сразу же после родов у нее возник умысел на убийство младенца, для чего она взяла с деревянного столба в огороде нож и нанесла множественные ножевые ранения в область груди, живота, спины, головы новорожденного ребенка. От полученных многочисленных колото-резаных ранений младенец скончался.

Учитывая, что З. признала свою вину и заявила ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке (в соответствии с требованиями главы 40 УПК РФ), суд назначил ей наказание в виде ограничения свободы на срок 2 года 6 месяцев ограничения свободы [Приговор Арского районного суда ...].

Подобных примеров гуманного подхода к матерям, убившим своих новорожденных детей, в судебной практике предостаточно. Исходя из этого, проведенные автором научные исследования назначаемых судом наказаний за убийство матерью новорожденного ребенка показали, что в период с 2010 по 2020 гг. в 41,6% случаев женщины были приговорены к реальному лишению свободы (как правило, на срок 1 год 6 месяцев или 2 года), 36,3% были приговорены к лишению свободы условно (как правило, на срок от 2 до 3 лет), 14,9% были приговорены к ограничению свободы (как правило, на срок от 2 лет 2 месяцев до 4 лет), 0,7% были приговорены к такому виду наказания, как принудительные работы.

Учитывая, что деяние, квалифицируемое по ст. 106 УК РФ, как говорилось ранее, является преступлением средней тяжести, то в ряде случаев (5,2%) судом таким роженицам предоставлялась отсрочка от отбывания наказания в соответствии с требованиями ст. 82 УК РФ, так как у них еще на иждивении были дети в возрасте до 14 лет. Кроме того, исходя из данной категории преступления, две женщины были освобождены от уголовной ответственности в связи с объявленной в 2015 году Государственной Думой РФ амнистией.

В 2015 году Ф., находясь в бане одна и без постороннего вмешательства родила доношенного и жизнеспособного ребенка мужского пола, который в ходе родов выпал в приготовленное металлическое ведро, заполненное водой. Действуя умышленно, она осознанно оставила ребенка в ведре с водой, вследствие чего младенец скончался через несколько минут от гипоксии.

Учитывая, что у подсудимой на иждивении было четверо детей и Ф. признала свою вину, суд приговорил ее к 2 годам 6 месяцам лишения свободы условно и освободил ее от отбывания наказания ввиду объявленной амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов [Приговор Сычевского районного суда ...].

Так стоит ли таким женщинам-матерям, не занимающихся воспитанием своих детей, а наоборот, убивающим своих новорожденных детей, назначать столь мягкие наказания или в целом освобождать их от уголовной ответственности и от наказания? Конечно нет. Ибо, применяя к ним гуманный подход, мы не только нарушаем принципы справедливости и равенства, но еще и формируем безнаказанность и вседозволенность.

Назначение наказания за преступление, совершенное с особой жестокостью, садизмом и издевательствами

Еще стоит поднять вопрос о назначении мягкого наказания тем женщинам, которые совершают различные тяжкие и особо тяжкие преступления с особой жестокостью, садизмом и издевательствами.

Согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ, под особой жестокостью понимаются случаи, когда виновный истязал свою жертву, совершал глумление или пытал, либо когда во время убийства потерпевшему причинялись особые страдания, в том числе и путем нанесения большого количества телесных повреждений [Постановление Пленума Верховного Суда РФ...].

Подобное проявление низменных качеств при совершении преступления присуще лицам как мужского, так и женского пола, что в целом подразумевает применение судом к ним равной степени наказания как справедливого воздаяния за совершенное ими преступление. Однако на практике такой равный подход зачастую нарушается.

Так, в 2019 году в Воронежской области А., находясь в состоянии алкогольного опьянения, в ходе словесного конфликта с потерпевшим, также находившемся в состоянии алкогольного опьянения, в ответ от нанесенного им удара рукою в область предплечья взяла два кухонных ножа и нанесла своему обидчику не менее 116 ударов (19 — в область шеи, 65 — в область груди, 7 — в брюшную стенку, 22 — в поясницу, 2 — в область лица и т. п.). Два ножа так и остались воткнутыми в шею. От полученных ран потерпевший скончался [Приговор Воронежского областного суда...].

Причину своих действий подсудимая объяснила просто: «так получилось». Это была неостановимая агрессия, такое уже бывало в других ситуациях, но ее оттащивали. При этом на момент совершения преступления у нее (по ее же мнению) степень опьянения была небольшой.

Суд посчитал признание вины А. (но не раскаяние, так как она сообщила суду, что и трезвой убила бы его!) и вызов врача для оказания первой помощи смягчающими обстоятельствами, а алкогольное опьянение — отягчающим и назначил наказание в виде лишения свободы на срок 12 лет с ограничением свободы на 1 год.

Как уже говорилось ранее, за подобное совершенное деяние судом должно назначаться наказание, в среднем его диапазоне (от 8 до 20 лет) составляющее 14–15 лет лишения свободы. Данный пример из судебной практики показывает, что суд проявил смягчение к подсудимой, даже несмотря на отсутствие раскаяния в совершении преступления.

Для сравнения следует привести аналогичный пример со схожей ситуацией, где подсудимым выступает уже лицо мужского пола.

В 2019 году в Саратовской области на почве личных неприязненных отношений и из-за невозвращенного долга С. убил свою знакомую К. путем нанесения ей не менее 129 ударов ножом по телу (29 ударов в область головы, 26 ударов в область шеи, 29 ударов в область спины, 26 ударов в область груди, 3 — в область живота, 1 — в правую ягодичную область, 10 — в область верхних конечностей, 5 — в область нижних конечностей). От полученных многочисленных ранений К. скончалась.

Подсудимый, хоть и ранее употреблял с жертвой наркотические средства и алкогольные напитки, но на момент совершения преступления был трезв. При этом комплексная психолого-психиатрическая экспертиза показала, что у подсудимого имеется психическое расстройство в форме психопатии шизоидного типа, чем и было обусловлено столь большое число ножевых ранений [Приговор Саратовского областного суда...].

Несмотря на отсутствие отягчающих обстоятельств и наличие ряда смягчающих обстоятельств (признание вины, раскаяние, активное способствование раскрытию и расследованию преступлений, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда и т. п.), суд назначил наказание в виде лишения свободы на срок 16 лет и ограничения свободы сроком на 1 год (отдельно было назначено дополнительное наказание в виде штрафа в размере 20 000 рублей за кражу смартфона у убитой жертвы). Что еще интересно: родственница убитой не настаивала на его строгом наказании.

В обоих случаях указанными лицами были совершены деяния, квалифицируемые по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, за которые полагается наказание от 8 до 20 лет лишения свободы, либо пожизненное лишение свободы, либо смертная казнь за подобную проявленную особую жестокость. Но в первом случае подсудимую приговорили к 12 годам лишения свободы, а во втором случае подсудимого приговорили к 16 годам лишения свободы. Соблюдается ли в данном случае принцип справедливости и принцип равенства? Очевидно, что нет. Было бы правильным и разумным за такую проявленную жестокость назначить все-таки более суровое наказание — 15 или 16 лет лишения свободы. Тогда бы и принципы уголовного права соблюдались в полной мере.

Быть может, связи с этим в научной среде предлагается не только уравнивать в наказании мужчин и женщин, но и исключить данные гендерные категории из норм УК РФ [Слепцов, Голунов, 2016].

В рамках данной темы следует также рассмотреть еще один аспект, являющийся аргументом в излагаемой автором позиции.

В настоящее время на территории Украины проводится специальная военная операция, целью которой является защита людей от геноцида, а также демилитаризация и денацификация данного государства. Ввиду больших потерь со стороны Вооруженных Сил Украины и националистических батальонов их ряды пополняются женщинами — гражданами Украины, которые не только воюют против Вооруженных Сил Российской Федерации, но и совершают различные тяжкие и особо тяжкие преступления как в отношении наших военнослужащих, так и в отношении мирных граждан, проживающих в Российской Федерации, где также действуют нормы Уголовного Кодекса РФ.

Очевидно, что их деяния по изощренности, коварству и жестокости несколько не уступают действиям мужчин-националистов. В связи с этим возникает закономерный вопрос: а какое наказание по УК РФ мы им будем назначать — такое же гуманное и мягкое? Или все же мы начнем их наказывать в соответствии с принципом справедливости, назначая им наказание равное с мужчинами? И в какие исправительные учреждения суд их будет направлять для отбытия наказания в виде лишения свободы, в случае их осуждения за совершенные военные преступления, а равно за преступления против мира и безопасности человечества? Эти вопросы пока еще остаются открытыми.

Заключение

Почему же так важно об этом говорить именно сейчас?

Существующий подход к женщинам в уголовном праве не позволяет добиться целей наказания, указанных в ст. 43 УК РФ: восстановление социальной справедливости, исправление таких осужденных и предупреждение новых преступлений. Наоборот, сегодня в них порождается безответственность, безнаказанность и вседозволенность, что в будущем может привести к тяжким последствиям для общества и государства. Существующий подход к женщинам в уголовном праве также не позволяет добиться реализации и соблюдения принципа справедливости, равно как и соблюдения принципа равенства граждан перед законом.

Поэтому, подытоживая вышесказанное, стоит сказать, что для решения вышеуказанных проблем целесообразнее внести соответствующие изменения в уголовное законодательство РФ и предложить следующие рекомендации законодателю:

Необходимо в Общей части УК РФ в ч. 4 ст. 49, ч. 5 ст. 50, ч. 7 ст. 53, ст. 54, ст. 61 ч. 3.1 ст. 79, ч. 2.1 ст. 80, ст. 82, ч. 2 ст. 93 помимо слов «наличие детей» или «имеющим детей» дополнить данные фразы «воспитывающим и содержащим».

Необходимо уравнивать женщин с лицами мужского пола в некоторых аспектах уголовной ответственности (например, при назначении наказания за совершенные деяния с особой жестокостью, особенно в отношении новорожденных и малолетних детей).

Следует предусмотреть возможность направления женщин, совершивших особо тяжкие преступления (включая рецидив преступлений), для отбытия наказания в колонии строгого режима с целью раздельного их содержания с теми, кто совершил преступления средней тяжести и тяжкие преступления, но отбывает наказание в колонии общего режима.

Список источников

- Абдулвалиев А. Ф. 2021. Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемы квалификации преступления по уголовному законодательству России и Республики Казахстан // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы развития уголовного права в свете реализации правовой политики Республики Казахстан». Нур-Султан: ИП «Булатов А.Ж.». С. 83–88.
- Абдулвалиев А. Ф., Каземов В. И. 2021. Социальные факторы как признаки состава преступления, предусмотренного статьей 106 Уголовного Кодекса Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. Выпуск № 2. С. 77–80.
- Ветрова И. В. 2015. Особенности исполнения наказания в отношении осужденных к лишению свободы женщин // Вестник Кузбасского института. № 1 (22). С. 9–15.
- Дядюн К. В. 2009. Гендерный подход в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации: влияние на реализацию принципов равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток: ДВГУ. 542 с.

- Казакова Е. Н. 2008. Реализация уголовно-правовых принципов при применении и назначении пожизненного лишения свободы // Современное право. № 9. С. 98–103.
- Маркова Д. С. 2022. Сравнительно-правовой анализ отбывания наказания женщинами в виде лишения свободы в России и в США // Международный научно-исследовательский журнал. № 3-2 (117). С. 148–152.
- Овсянникова М. В. 2017. К вопросу о психологических особенностях осужденных женского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях. Молодой ученый. № 6 (140). С. 202–204.
- Пикин И. В., Тараканов И. А. 2021. Особенности уголовно-правовой защиты и уголовной ответственности женщин в отечественном и зарубежном законодательстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 5. С. 138–143.
- По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ленинградского областного суда: Постановление Конституционного Суда РФ от 11.05.2017 №13-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 21. Ст. 3067.
- О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 №58 (ред. от 18.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2. С. 9–15.
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. №3. 1999.
- Приговор Арского районного суда Республики Татарстан от 12.12.2013 по уголовному делу №1-82/2013 // Сайт судебных и нормативных актов Sudact. URL: www.sudact.ru/regular/doc/SCZygLNVJL1a/ (дата обращения: 30.09.2022).
- Приговор Волгоградского областного суда от 17.12.2020 по уголовному делу №2-21/2020 // Сайт судебных и нормативных актов Sudact. URL: www.sudact.ru/regular/doc/Y5s1s2rbXZWn/ (дата обращения: 30.08.2022).
- Приговор Воронежского областного суда от 03.08.2020 по уголовному делу № 2-3/2020 // Сайт судебных и нормативных актов Sudact. URL: www.sudact.ru/regular/doc/Cbwb5o9esQr4/ (дата обращения: 31.08.2022).
- Приговор Саратовского областного суда от 29.12.2020 по уголовному делу № 2-25/2020 // Сайт судебных и нормативных актов Sudact. URL: www.sudact.ru/regular/doc/LYjoBetG3Emx/ (дата обращения: 31.08.2022).
- Приговор Сычевского районного суда Смоленской области от 25.06.2015 по уголовному делу № 1-51/2015 // Сайт судебных и нормативных актов Sudact. URL: www.sudact.ru/regular/doc/GM0lmrNQBrY3/ (дата обращения: 30.09.2022).
- Синьков Д. В. 2011. Преступления и наказания женщин: анализ современных тенденций // Всероссийский криминологический журнал. № 3. С. 34–41.
- Слепцов В. А., Голунов Д. Д. 2016. Применение высшей меры наказания для женщин // Вопросы современной юриспруденции. № 4 (55). С. 81–86.
- Тювина Н. А., Балабанова В. В., Воронина Е. О. 2015. Гендерные особенности депрессивных расстройств у женщин // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. №2. С. 75–79.

- Abdulvaliev A., Morozov V., Pavlenko O. 2020. Problems of Preventing Crimes Related to the Killing by a Mother of her Newborn Child in Russia: Geographical and Criminological Analysis // *Journal of complementary medicine research*. Vol 11. No. 2. Pp. 75–85.
- Collica-Cox K, Schulz D. 2019. When Doing Gender in the Joint: Perceptions of Being an Effective Woman Leader in Corrections // *Women & Criminal Justice*. Vol. 30. No. 6. Pp. 427–444. <https://doi.org/10.1080/08974454.2019.1586028>
- Heminway, J. M. 2009. Female Investors and Securities Fraud: Is the Reasonable Investor a Woman? // *William & Mary Journal of Race, Gender, and Social Justice*, Vol. 15. No. 2/3. Pp. 291–336.

References

- Abdulvaliev, A. F. (2021). Murder of a newborn child by a mother: problems of crime qualification under the criminal legislation of Russia and the Republic of Kazakhstan. *Proceedings of the International Conference "Problemy i perspektivy razvitiya ugolovnogogo prava v svete realizacii pravovoj politiki Respubliki Kazahstan"* (pp. 83–88). [In Russian]
- Abdulvaliev, A. F. & Kazemov, V. I. (2021). Social factors as signs of a crime under Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. Seriya: Istoricheskie nauki. Kul'turologiya. Politicheskie nauki*, (2), 77–80. [In Russian]
- Vetrova, I. V. (2015). Features of execution of punishment in relation to women sentenced to imprisonment. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, (1), 9–15. [In Russian]
- Dyadyun, K. V. (2009). *Gender approach in criminal and penal enforcement legislation of the Russian Federation: impact on the implementation of the principles of equality of citizens before the law, justice and humanism* [dissertation, DVGU]. [In Russian]
- Kazakova, E. N. (2008). Implementation of criminal law principles in the application and appointment of life imprisonment. *Sovremennoe pravo*, (9), 98–103. [In Russian]
- Markova, D. S. (2022). Comparative legal analysis of serving sentences by women in the form of imprisonment in Russia and in the USA. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, (3-2), 148–152. [In Russian]
- Ovsyannikova, M. V. (2017). On the psychological characteristics of female convicts serving sentences in correctional institutions colonies. *Molodoj uchenyj*, (6), 202–204. [In Russian]
- Pikin, I. V. & Tarakanov, I. A. (2021). Features of criminal legal protection and criminal responsibility of women in domestic and foreign legislation. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, (5), 138-143. [In Russian]
- On the case of checking the constitutionality of § 1 of part 3 of art. 31 of the RF Criminal Procedure Code in connection with the request of the Leningrad Regional Court, Resolution of the RF Constitutional Court of May 11, 2017, No. 13-P (2017). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, May 22, (21), art. 3067. [In Russian]
- On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation, Resolution of the Plenum of the RF Supreme Court of Dec. 22, 2015, No. 58 (as of Dec. 18, 2018) (2016). *Byulleten' Verhovnogo Suda RF*, (2), Feb., 9–15. [In Russian]
- On judicial practice in cases of murder (art. 105 of the RF Criminal Code), Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 27, 1999, No. 1 (as of Mar. 3, 2015) (1999). *Byulleten' Verhovnogo Suda RF*, (3). [In Russian]

- The verdict of the Arsky District Court of the Republic of Tatarstan of Dec. 12, 2013, in criminal case No. 1-82/2013 (2013). *Sajt sudebnyh i normativnyh aktov Sudact*. Retrieved Sept. 30, 2022, from www.sudact.ru/regular/doc/SCZygLNvJL1a/ [In Russian]
- Verdict of the Volgograd Regional Court of Dec. 17, 2020, in criminal case No. 2-21/2020 (2020). *Sajt sudebnyh i normativnyh aktov Sudact*. Retrieved Aug. 30, 2022, from www.sudact.ru/regular/doc/Y5s1s2rbXZWn/ [In Russian]
- The verdict of the Voronezh Regional Court of Aug. 3, 2020, in criminal case No. 2-3/2020 (2020). *Sajt sudebnyh i normativnyh aktov Sudact*. Retrieved Aug. 31, 2022, from www.sudact.ru/regular/doc/Cbwb5o9esQr4 [In Russian]
- Verdict of the Saratov Regional Court of Dec. 29, 2020 in criminal case No. 2-25/2020 (2020). *Sajt sudebnyh i normativnyh aktov Sudact*. Retrieved Aug. 31, 2022, from www.sudact.ru/regular/doc/LYjoBetG3Emx/ [In Russian]
- The verdict of the Sychevsky District Court of the Smolensk region of Jun. 25, 2015, in criminal case No. 1-51/2015 (2015). *Sajt sudebnyh i normativnyh aktov Sudact*. Retrieved Sept. 30, 2022, from www.sudact.ru/regular/doc/GM0lmrNQBPY3/ [In Russian]
- Sin'kov, D. V. (2011). Crimes and punishments of women: analysis of modern trends. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal*, (3), 34–41. [In Russian]
- Slepcev, V. A. & Golunov D. D. (2016). Application of capital punishment for women. *Voprosy sovremennoj yurisprudencii*, (4), 81–86. [In Russian]
- Tyuvina, N. A. (2015). Gender features of depressive disorders in women. *Nevrologiya, nejropsihiatriya, psihosomatika*, (2), 75–79. [In Russian]
- Abdulvaliev, A. F., Morozov, V., & Pavlenko, O. (2020). Problems of Preventing Crimes Related to the Killing by a Mother of her Newborn Child in Russia: Geographical and Criminological Analysis. *Journal of Complementary Medicine Research*, 11(2), 75–85.
- Collica-Cox, K. (2019). Women & Criminal Justice When Doing Gender in the Joint: Perceptions of Being an Effective Woman Leader in Corrections. *Women & Criminal Justice*, 30(6), 427–444.
- Heminway, J. (2008). Female Investors and Securities Fraud: Is the Reasonable Investor a Woman? *William & Mary Journal of Women and the Law*, 15(2/3), 291–336.

Информация об авторе

Алмаз Фирзязрович Абдулвалиев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
a.f.abdulvaliev@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0390-393X>

Information about the author

Almaz F. Abdulvaliev, Cand. Sci. (Jur), Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Tyumen State University
a.f.abdulvaliev@utmn.ru

Адаптация правового регулирования института отцовства к достижениям в области медицины: история и современность

Виктория Анатольевна Мун

Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия
Контакт для переписки: mun-va@vlgr.ranepa.ru

Аннотация. В статье проведен анализ роли медико-биологических исследований в правовом регулировании установления отцовства в России в период с момента принятия первого семейного кодекса в 1918 г. до настоящего времени. Отмечается, что на сегодняшний день данная проблематика приобрела междисциплинарный характер исследования и является предметом изучения различных областей научного знания, включая исторические, философские, социальные, медико-биологические, а также правовые науки. Уделение особого внимания связи права и медицины в вопросах установления отцовства обуславливается неотвратимыми последствиями для всех лиц, вовлеченных в данное разбирательство. Автор приходит к выводу, что начиная с XX в. до настоящего времени медицина в своем развитии претерпела существенные, качественные изменения, усовершенствовались методы проведения экспертиз, техническое обеспечение ДНК-исследований, квалификация персонала. Однако наличие таких факторов как: случайные совпадения, определенные требования по сбору проб ДНК-материалов, вероятность идентификации, фрагментарность популяционно-генетических материалов — свидетельствует о том, что в целом заключение экспертов носит предположительный характер.

Ключевые слова: отцовство, детство, генетика, медицина, экспертиза, ДНК-анализ, семейный кодекс

Цитирование: Мун В. А. 2023. Адаптация правового регулирования института отцовства к достижениям в области медицины: история и современность // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 1. С. 122–130. <https://dx.doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-122-130>

Поступила 05.11.2022; одобрена 28.11.2022; принята 31.01.2023

Adaptation of the legal regulation of the institution of fatherhood to advances in medicine: history and modernity

Victoria A. Mun

Volgograd Institute of Management — Branch of RANEPA, Volgograd, Russia

Corresponding author: mun-va@vlgr.ranepa.ru

Abstract. The author examines the role of biomedical research in the legal regulation of establishing paternity in the Russian Federation in the period from the adoption of the first Family Code in 1918 to the present. It is noted that today this problem has acquired an interdisciplinary nature of research and is the subject of study of various fields of scientific knowledge, including historical, philosophical, social, biomedical, and legal sciences. Paying special attention to the relationship between law and medicine in matters of establishing paternity is conditioned by the inevitable consequences for all persons involved in this proceeding. The author comes to the conclusion that since the twentieth century to the present, medicine has undergone significant, qualitative changes in its development, methods of conducting examinations, technical support for DNA research, and personnel qualifications have been improved. However, the presence of such factors as: random coincidences, certain requirements for the collection of DNA samples of materials, the probability of identification, fragmentation of population-genetic materials — indicates that, in general, the expert opinion is presumptive.

Keywords: Fatherhood, childhood, genetics, medicine, expertise, DNA analysis, family code

Citation: Mun, V. A. (2023). Adaptation of the legal regulation of the institution of fatherhood to advances in medicine: history and modernity. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(1), 122–130. <https://dx.doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-122-130>

Received Nov. 5, 2022; Reviewed Nov. 28, 2022.; Accepted Jan. 31, 2023

Введение

Вопрос об установлении отцовства рассматривается экспертами различных областей знаний. Специалисты в области семейного права, анализируя современное законодательство о браке и семье, указывают на необходимость защиты прав детей, а также обращают внимание на проблемы сбора и оценки различных доказательств при при-

нятии судами решения в делах об установлении отцовства [Аблятипова, Девятова, 2020], юридические последствия подтверждения происхождения отцовства (жилищные, наследственные, социальные и др.) [Ахмедова, Тарикова, 2019]. Философы исследуют особенности культуры постразводного поведения, выделяя такие его негативные последствия, как феномены агрессивного материнства, травмированного отцовства, его реабилитация [Орлова, 2017]. Социологи рассматривают проблемы социальной адаптации детей, выросших без отца, влияние на ребенка ценностных установок семьи, важность участия отца в воспитании детей и др. [Королев, 2015]. Цивилисты обращаются к современным проблемам, возникающим в ходе практической юридической деятельности, изучают правовые последствия фиктивного установления отцовства и анализируют случаи уклонения от установления отцовства [Краснова, Алексеева, 2016]. Сравнительно новым направлением стало исследование особенностей установления отцовства при помощи искусственных методов репродукции человека [Зыков, 2020]. Подобное всестороннее обращение внимание к различным аспектам установления отцовства свидетельствует как об актуальности исследования данного института, так и о существующих проблемах, требующих государственно-правового разрешения. Однако влияние медико-биологических факторов на институт отцовства в России является малоизученной областью историко-правовой науки и до настоящего времени не стало предметом специального изучения.

Методы

При написании работы применены общеправовые методы (диалектико-материалистический), общенаучные методы (анализ, синтез, логический и исторический, сравнения и др.), специально-юридические методы (сравнительно-правовой, историко-правовой и др.).

Результаты и обсуждение

Трансформация семейного законодательства под воздействием медико-биологических факторов уходит своими корнями в послереволюционный период, когда было законодательно установлено предбрачное медицинское освидетельствование, предусматривался запрет на брак по медицинским показаниям. Распространение в России в 1920-х гг. идеи о необходимости охраны человечества от различных пороков, ухудшающих наследственность, развитие учения о наследственности на фоне демографического кризиса в стране, дали благоприятную почву для популяризации евгенических идей и обсуждению законодательных мер, предусматривающих вмешательство в брачно-семейные отношения.

Первый семейный кодекс 1918 г. [Кодекс законов об актах гражданского состояния...] провозгласил абсолютное равенство матери и отца в вопросах воспитания и содержания совместных детей по взаимному согласию и в интересах детей (ст. 150, 151). С принятием семейного кодекса 1918 г. также произошло уравнивание правового положения детей, рожденных в браке и вне брака. Установление отцовства происходило путем записи лица в качестве отца ребенка в книге записи о рождении (ст. 134).

При отсутствии подобной отметки предусматривался судебный порядок установления отцовства (ст. 135). Тем самым произошло отступление от многовековых традиций патриархальных устоев, согласно которым в семье главенствовала роль отца, а права внебрачных детей существенно ограничивались.

Примечательно, что предусматривалась юридически простая процедура установления отцовства, которая заключалась в обращении беременной женщины с соответствующим заявлением в орган записи актов гражданского состояния. Срок подачи заявления ограничивался тремя месяцами до родов. При подаче заявления необходимо было указать предполагаемое время зачатия ребенка, а также данные об отце будущего ребенка (ст. 140). Последнему же предоставлялось право возбудить спор против матери и необоснованности заявления, тем самым оспорив отцовство.

Специфика рассмотрения данной категории дел в суде заключалась в сложности доказывания родственных отношений ребенка с предполагаемым отцом. Противоречивые свидетельские показания сторон носили неоднозначный характер. В этой связи судьи, не имеющие достоверных доказательств, стремясь разрешить вопрос о принадлежности ребенка отцу, нередко обращались за помощью к врачам. Однако ввиду неподготовленности, недостаточной изученности законов наследственной передачи определенных телесных признаков, законов генетики эксперты наряду с методом исследования крови применяли методы словесного портрета, дактилоскопии, исследования половой способности [Лейбович, 1928, с. 320]. Указанные методы, по мнению самих судебных экспертов, не могли дать достоверных результатов, в связи с чем Верховный суд РСФСР в 1925 г. дал разъяснения о преждевременности установления отцовства в судебном порядке на основании судебно-медицинских экспертиз, проведенных путем исследования крови. Необходимо отметить, что во многом по этой причине судебная практика по установлению отцовства зачастую была противоречива. Нередки были случаи ошибочно установленного отцовства либо изменений решений нижестоящих судов при их обжаловании [Гидулянов, 1927, с. 92].

На принятие Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 г. определенное влияние оказала существовавшая сложная судебная процедура установления отцовства. Теперь этот процесс упрощался и заключался в заявительном характере матери ребенка о предполагаемом отце (ст. 28). Сложилась так называемая «презумпция материнской правоты» [Российский гендерный порядок..., 2007, с. 106].

Указанные меры вводились на фоне легализованных аборт в ноябре 1920 г., популяризации контрацепции, обсуждении такого средства борьбы с бесплодием, как искусственное оплодотворение женщин [Шорохова, 1929]. Так, по мнению Н. К. Кольцова, государственно-правовые меры охраны материнства и младенчества являются евгеническими мерами, которые необходимо всячески проводить в жизнь во имя интересов расы и человечества. И в первую очередь государству следовало бы бороться с распространением абортов [Кольцов, 1921]. Тем не менее на протяжении 1920-х гг. в СССР практика искусственного прерывания беременности приобрела массовый характер. Правительство рабочих и крестьян возлагало надежды на пропаганду против абортов в массах трудоспособного женского населения, однако данная мера не принесла ожи-

даемых результатов [Mishina, 2017]. Сложилась «абортная культура», в ходе которой возникло привыкание общества к широкому распространению аборт и естественному падению рождаемости. В учреждениях Народного комиссариата здравоохранения РСФСР в 1934 г. на каждые 4 рождения приходился 1 аборт [Афанасова, 2012].

Законодательный запрет аборт в 1936 г. привел, хоть и на непродолжительное время, к росту рождаемости на всей территории РСФСР. С изданием Указа 1944 г. отменялась процедура судебного установления отцовства. Отныне только зарегистрированный брак являлся основанием для возникновения взаимных прав и обязанностей (п. 20). В случае рождения ребенка в гражданском браке на биологического отца не возлагались каких-либо родительских обязательств. Несмотря на то, что реализация данных мероприятий была направлена на повышение рождаемости в стране и улучшение демографических показателей, однако на практике это привело к укоренению понятия «многоженство», а тема «безответственности отцов» стала центральной проблемой семейных отношений [Замараева, Новоселов, 2012].

Примечательно, что после 1920-х гг. исследования в области генетики и антропологии достигли небывалых результатов. Усилиями ученых-антропологов сделан вывод о наследственной природе морфологических особенностей строения тела. Появление новой самостоятельной дисциплины — популяционной генетики человека — дало толчок для специального изучения такого явления в обществе как наследственная изменчивость [Фандо, 2011, с. 38.]. К концу 1930-х гг. медицинская генетика в Советском Союзе и в теории, и в практике «соответствовала самым высоким мировым стандартам» [Полищук, 2010]. Однако последовавшие репрессии привели к официальному запрету генетики вплоть до 1964 г.

Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г. [Кодекс о браке и семье РСФСР...] вновь предоставлял возможность установления отцовства в судебном порядке. При этом указывалось, что судам при оценке доказательств следовало принимать во внимание факт совместного проживания и ведения общего хозяйства матерью ребенка и ответчиком (ст. 48).

В конце XX в. во всем мире получил широкое распространение метод судебной экспертизы — ДНК-дактилоскопия. В 1990 г. первая подобная судебная экспертиза была проведена в России [Качина, 2012]. Специалистами отмечалось, что установление родства по характеристикам ДНК является сложной задачей. Указанное во многом объяснялось тем, что эксперт мог предоставить на рассмотрение суда только вероятность идентификации или установления родства, которая подлежит оценке судом наряду с другими доказательствами. Как отмечает российский генетик, специалист в области популяционной генетики Л. А. Животовский, существует вероятность того, что лицо не является генетическим отцом ребенка даже в тех случаях, когда судебная экспертиза свидетельствует о 99,97% такой вероятности. В качестве примера им приведен случай из его практики, в которой оспаривалась экспертиза установления отцовства. Несмотря на положительное заключение экспертов, 0,03% могли показать отсутствие родства между ребенком и предполагаемым отцом, что и было обнаружено в ходе использования поправочных коэффициентов, учитывающих данные по популяции коренного

населения и родственные отношения между вовлеченными в дело лицами. На основании рецензии, написанной на экспертизу с участием Л. А. Животовского, дело было прекращено [Животовский, 2001]. Данный случай не является единичным. Так, в США в ходе расследования уголовного дела, возбужденного в отношении молекулярного биолога, было установлено, что на основании проведенных им экспертиз по уголовным делам было приведено к исполнению 10 смертных приговоров. В каждом из этих случаев имели место ошибки эксперта [Там же].

Действующий Семейный кодекс Российской Федерации [Семейный кодекс...] предусматривает возможность установления отцовства (происхождения ребенка от конкретного лица) в судебном порядке в случаях рождения ребенка у родителей, не состоящих в зарегистрированном браке (ст. 49). В качестве доказательств подтверждения отцовства судом принимаются любые достоверные сведения. В Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 16.05.2017 [О применении судами...] обращено внимание судов на то, что заключение эксперта по вопросу о происхождении ребенка является лишь «одним из доказательств и подлежит оценке в совокупности с иными доказательствами, имеющимися в деле» (п. 20). Подобный подход позволяет оценить доказательства в делах об установлении отцовства наиболее всесторонне и полно.

Стремительные изменения, вызванные внедрением новых методов анализа ДНК, общедоступность генетических тестов, многофакторность, влияющая на результаты экспертизы, привели к тому, что вопрос о способах и методах проведения экспертизы установления отцовства был предметом обсуждения на международном уровне. Так, основанное в 1968 г. Международное общество судебной генетики (The International Society for Forensic Genetics) учредило Комиссию по установлению отцовства (Paternity Testing Commission). Общеизвестным фактом стало утверждение, что качество и достоверность проверки отцовства зависит от целого ряда условий, в число которых входит управление лабораторией, квалификация персонала, система качества, техническое оснащение и делопроизводство. Для избежания ошибок при производстве подробных экспертиз Комиссией были выработаны Международные рекомендации по стандартам проверки отцовства, в которых также содержатся комментарии по некоторым возможным ситуациям при проведении экспертизы [Orlinga, Allen и др.]. Указанное свидетельствует как о повсеместной востребованности процедуры установления отцовства, так и о важности соблюдения определенных стандартов.

Заключение

Таким образом, своевременное правовое регулирование института отцовства приобретает особую важность на фоне стремительно развивающихся технологий в области биологии, генетики. Особенностью института отцовства является не только его междисциплинарный характер, но и тесная связь с генетическими технологиями в медицине. Очевидно, что доказывание в делах об установлении отцовства в ближайшей перспективе будет основано на результатах генетической экспертизы. Однако только в случае своевременного отражения в праве достижений медицины возможно эффективное регулирование возникающих правоотношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аблятипова Н. А., Девятова Н. В. 2020. Роль доказательств в делах об установлении отцовства: системность правоприменительной практики // Вестник Московского университета МВД России. № 6. С. 70–75.
- Афанасова Е. Н. 2012. Реализация государственной политики запрещения аборт на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг. // Вестник Иркутского государственного технического университета. № 7 (66). С. 227–231.
- Ахмедова З. А., Тарикова Б. Р. 2019. Проблемные аспекты установления отцовства // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки. Том 34. Вып. 3. С. 102–108.
- Гидулянов П. В. 1927. Кодекс законов о браке, семье и опеке: с постат. коммент. Ленинград. 308 с.
- Животовский Л. А. 2001. ДНК в суде // Химия и жизнь. № 12. С. 23–27.
- Замараева З. П., Новоселов В. М. 2012. Особенности трансформации института отцовства в советский период // Теория и практика общественного развития. № 6. С. 53–56.
- Зыков С. В. 2020. Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия // Право Журнал Высшей школы экономики. № 3. С. 44–71. <https://www.doi.org/10.17323/2072-8166.2020.3.44-71>
- Качина Н. Н. 2012. Совершенствование правовых и методических основ исследования ДНК // Медицинская экспертиза и право. 2012. № 2. С. 7–10.
- Кодекс законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве: Кодекс от 22.10.1918 № 818 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=196029155&rdk=&link_id=2&intel-search=%EF%EE%EB%EE%E2%EE%E9++
- Кодекс о браке и семье РСФСР: Кодекс РСФСР от 30.07.1969 б/н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010117&rdk=&backlink=1>
- Кольцов Н. К. 1921. Евгеника как научная база в работе Отдела Охраны Материнства и Младенчества и аборты с точки зрения евгеники и охраны материнства и младенчества // Материалы I Всероссийского совещания по охране материнства и младенчества, Москва, 1–5 декабря 1920. Москва. С. 41–55.
- Королев С. В. 2015. О причинах кризиса института отцовства в России и его влияние на ценностные установки // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. № 1 (4). С. 20–23.
- Краснова Т. В., Алексеева Е. В. 2016. Отцы и дети: проблемы приобретения родительских прав мужчинами (на примере законодательства России) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. Вып. 34. С. 426–439. <https://www.doi.org/10.17072/1995-4190-2016-34-426-439>
- Лейбович Я. 1928. Судебная гинекология: руководство для врачей и юристов. Харьков: Юридическое изд-во Наркомюста УССР, 1928. 350 с.
- О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федера-

- ции от 16 мая 2017 г. N 16 // Российская газета. Официальный сайт. URL: <https://rg.ru/documents/2017/05/24/detiproishozhd-dok.html>
- Орлова Н. Х. 2017. Ограничение прав отцов в постразводной ситуации // Парадигма: философско-культурологический альманах. № 26. С. 93–104.
- Полищук А. М. 2010. Медицинская генетика в России // Химия и жизнь — XXI век. № 2. С. 44–48.
- Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. 306 с.
- Семейный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102038925&rdk=>
- Фандо Р. А. 2011. Становление генетики человека в СССР в первой половине XX в.: теоретические и социокультурные аспекты: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2011. 51 с.
- Шорохова А. А. 1929. Новые пути в селекции человека и млекопитающих // Врачебная газета. № 3–4. С. 179–184.
- Mishina E. 2017. Soviet family law: women and child care (from 1917 to the 1940s) // Russian Law Journal. Vol. 5. No. 4. Pp. 69–92. <https://www.doi.org/10.17589/2309-8678-2017-5-4-69-92>
- Morling N., Allen R. B., Carracedo A., Geada H., Guidet F., Hallenberg C., Martin W., Mayr W. R., Olaisen B., Pascali V. L., Schneider P. M. 2003. Международные рекомендации по стандартам проверки отцовства. URL: https://tapotili.ru/doc/ptc_2003_rus.pdf (Дата обращения 01.10.2022 г.)

References

- Abyatipova, N. A., Devyatova, N. V. (2020). The role of evidence in paternity cases: consistency of law enforcement practice. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (6), 70–75. [In Russian]
- Afanasova, E. N. (2012). Implementation of the state policy of banning abortions in Eastern Siberia in the second half of the 1930s. *Bulletin of the IrSTU*, (7), 227–231. [In Russian]
- Akhmedova, Z. A. & Tarikova, B. R. (2019). Problematic aspects of establishing paternity. *Bulletin of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences*, 34(3), 102–108. [In Russian]
- Gidulyanov, P. V. (1927). *The Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship: with article commentaries*. [In Russian]
- Zhivotovsky, L. A. (2001). DNA in court. *Chemistry and life*, (12), 23–27. [In Russian]
- Zamaraeva, Z. P. & Novoselov, V. M. (2012). Features of the transformation of the institution of fatherhood in the Soviet period. *Theory and Practice of Social Development*, (6), 53–56. [In Russian]
- Zykov, S. V. (2020). The exercise of the right of paternity in modern Russia: law enforcement and legislative obstacles. *Law Journal of the Higher School of Economics*, (3), 44–71. <https://www.doi.org/10.17323/2072-8166.2020.3.44.71> [In Russian]
- Kachina, N. N. (2012). Improving the legal and methodological foundations of DNA research. *Medical Expertise and Law*, (2), 7–10. [In Russian]

- Koltsov, N. K. (1920). Eugenics as a scientific basis in the work of the Department of Maternity and Infancy Protection and abortions from the point of view of eugenics and maternity and infancy protection. *Proceedings of the 1st All-Russian Conference on Maternity and Infancy Protection, Moscow, Dec. 1–5* (pp. 41–55). [In Russian]
- Korolev, S. V. (2015). On the causes of the crisis of the institution of fatherhood in Russia and its impact on value attitudes. *Civil Society in Russia: State, Trends, Prospects*, (1), 20–23. [In Russian]
- Krasnova, T. V. & Alekseeva, E. V. (2016). Fathers and children: problems of acquiring parental rights by men (on the example of Russian legislation). *Bulletin of the Perm University. Legal Sciences*, (34), 426–439. <https://www.doi.org/10.17072/1995-4190-2016-34-426-439> [In Russian]
- Leibovich, Ya. (1928). *Forensic Gynecology: A Guide for Doctors and Lawyers*. Legal Publishing House of the People's Commissariat of the USSR. [In Russian]
- Orlova, N. H. (2017). Restriction of the rights of fathers in a post-divorce situation. *Paradigm: Philosophical and Cultural Almanac*, (26), 93–104. [In Russian]
- Polishchuk, A. M. (2010). Medical genetics in Russia. *Chemistry and Life — XXI century*, (2), 44–48. [In Russian]
- Zravomyslova, E. & Temkina A. (Eds.). (2007). *The Russian Gender Order: A Sociological Approach*. Publishing House of the European University in St. Petersburg. [In Russian]
- Fando, R. A. (2011). *The formation of human genetics in the USSR in the first half of the twentieth century: theoretical and socio-cultural aspects* [Doctoral dissertation abstract, Moscow]. [In Russian]
- Shorokhova, A. A. (1929). New ways in human and mammalian breeding. *Medical Gazette*, (3–4), 179–184. [In Russian]
- Mishina, E. (2017). Soviet family law: women and child-care (1917–1940s). *Russian Law Journal*, 5(4), 69–92.
- Morling, N., Allen, R. B., Carracedo, A., Geada, H., Guidet, F., Hallenberg, C., Martin, W., Mayr, W. R., Olaisen, B., Pascali, V. L., Schneider, P. M. (2003). *Paternity Testing Commission of the International Society of Forensic Genetics: recommendations on genetic investigations in paternity cases* (N. N. Borisov, Trans.). Retrieved Oct. 1, 2022, from https://tapotili.ru/doc/ptc_2003_rus.pdf [In Russian]

Информация об авторе

Виктория Анатольевна Мун, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Волгоградский институт управления — филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия
mun-va@vlgr.ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3010-1094>

Information about the author

Victoria A. Mun, Cand. Sci. (Jur.). Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State, Volgograd Institute of Management — Branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia
mun-va@vlgr.ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3010-1094>

Влияния имущественных налогов на инвестиционную деятельность организаций

Людмила Павловна Королева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
E-mail для переписки: lpkoroleva@fa.ru

Аннотация. Имущественное налогообложение может оказывать существенное влияние на решения инвесторов. В России роль его регулирующей функции увеличивается. С одной стороны, повышена налоговая нагрузка в связи с переходом на обложение кадастровой стоимости имущества, отменой ряда федеральных льгот. С другой стороны, понижено бремя на активную часть основных средств путем освобождения движимого имущества, предоставления других льгот. В этой связи актуальным является эмпирический анализ влияния имущественного налогообложения на динамику основных показателей инвестиционной деятельности организаций. Гипотеза исследования: имущественные налоги оказывают значимое влияние на инвестиционное поведение субъектов хозяйствования, направленность которого определяется спецификой отрасли и используемого в ней основного капитала. Цель исследования — оценить влияние имущественных налогов на инвестиционную деятельность в РФ как в целом, так и в разрезе ключевых отраслей, несущих по ним основное бремя.

Анализ влияния имущественных налогов на валовые показатели инвестиций разного уровня проведен за 2006–2021 гг., по видам деятельности — за 2011–2021 гг. Используются методы экономического и корреляционно-регрессионного анализа.

В результате исследования выявлена тенденция несущественного (1–2%) опережающего роста инвестиций в активную часть основных средств по сравнению с платежами по имущественным налогам. Доказано, что сильная прямая связь, существующая между агрегированными показателями имущественных налогов и инвестиций в основной капитал, не подтверждается в разрезе ряда видов деятельности. Значимая обратная зависимость между ними установлена в сфере обеспечения электрической энергией, газом и паром, а также транспортировки и хранения. В преференциальном положении находятся обрабатывающая промышленность, строительство, сельское и лесное хозяйство, вклад которых

в имущественные налоги значительно меньше вклада в инвестиции в основной капитал. Полученные результаты могут быть использованы при разработке мер налогового стимулирования инвестиционной деятельности организаций.

Ключевые слова: имущественное налогообложение, налог на имущество организаций, транспортный налог, земельный налог, инвестиционная деятельность, инвестиции в основной капитал, виды экономической деятельности

Цитирование: Королева Л. П. 2023. Влияния имущественных налогов на инвестиционную деятельность организаций // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 1 (33). С. 131–147. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-131-147>

Поступила 03.10.2022; одобрена 10.10.2022; принята 12.10.2022

The impact of property taxes on the investment activities of organizations

Lyudmila P. Koroleva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Corresponding author: lpkoroleva@fa.ru

Abstract. Property taxation can have a significant impact on investors' decisions. In Russia, it is actively used to regulate the economic activity of business. On the one hand, the tax burden increased due to the transition to the taxation of the cadastral value of property, with the abolition of a number of federal benefits. On the other hand, the burden on the active part of fixed assets has been reduced due to the exemption of movable property, the provision of other benefits. In this regard, it is relevant to analyze the impact of property taxation on the main indicators of investment activity of organizations. The hypothesis of the research: property taxes have a significant impact on the investment behavior of business, which depends on the specifics of the industry and the fixed capital used in it. The objective of the study is to assess the impact of property taxes on the investment activity in the Russian Federation at the macro level and in the context of key economic activities.

The analysis of influence of property taxes on the gross investment indices of different levels was carried out for the years 2006–2021. The analysis by types of activities was conducted for 2011–2021. The methods of economic and correlation-regression analysis were used.

The conducted study provides empirical evidence of cause-and-effect relationships between property taxes from organizations and investment in fixed capital in

Russia. The tendency of insignificant (1-2%) outstripping growth of investment in the active part of fixed assets in comparison with payments on property taxes was revealed. A strong direct relationship between the aggregate indicators of property taxes from organizations and investment in fixed capital was revealed. However, it is not confirmed in the context of types of economic activity. A significant inverse relationship is established between property taxes and investment in fixed capital in the sphere of electricity, gas and steam supply, as well as transportation and storage. Manufacturing industry, construction, agriculture and forestry received a positive effect from the abolition of the tax on movable property. The contribution of these industries to property taxes is much smaller than their contribution to fixed capital investment. The results obtained can be used in the development of tax incentives for investment activity of organizations.

Keywords: Property taxation, tax on property of organizations, transport tax, land tax, investment activity, investments into the fixed capital, types of economic activity

Citation: Koroleva, L. P. (2023). The impact of property taxes on the investment activities of organizations. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(1), 131–147. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-131-147>

Received Oct. 3, 2022; Reviewed Oct. 10, 2022; Accepted Oct. 12, 2022

Введение

Налоги на имущество входят в состав капитальных издержек инвестора и наряду с налогом на доходы влияют на инвестиционное поведение. Введение новых или повышение тяжести действующих имущественных налогов может привести к снижению спроса на капитальные блага и тем самым дестимулировать инвестиционный процесс.

При этом имущественные налоги относят к числу наименее отрицательно влияющих на экономику и экономический рост. Они способствуют передаче имущества более эффективным собственникам. Сокращают благосостояние налогоплательщиков не прямо за счет изъятия части дохода (прибыли), а косвенно посредством увеличения затрат на содержание имущества. Их введение, как правило, сопряжено с меньшим эффектом дохода, чем введение подоходных налогов. Однако их оторванность от доходов может привести к кризису ликвидности, особенно в отраслях с низкой рентабельностью и в периоды убыточной деятельности [Bastani, Waldenström, 2018, с. 8].

Более масштабным последствием налогообложения имущества организаций является эффект замещения, приводящий к потерям благосостояния [Занадворов, Колосницына, 2006, с. 212–213]. Например, в ответ на рост имущественных налогов инвестор может отказаться от реализации проекта. Если при этом он найдет иное приложение для своего капитала внутри страны, то потери по общему объему инвестиций на национальном уровне будут минимальны. Негативный эффект может проявиться в избыточном потоке инвестиций в более доходные (льготлируемые) сферы деятельности при их дефиците в прочих, что вызовет структурные деформации экономики. Если же отказ от реализа-

ции инвестиционного проекта внутри страны сопряжен с вывозом капитала за рубеж, негативные последствия эффекта замещения будут максимальными [Майбуров и др., 2022].

Ограничивает негативные эффекты сравнительно низкая мобильность основного капитала, составляющего основу налогооблагаемой базы. Это минимизирует возможности его перевода в другие юрисдикции в среднесрочном периоде. Однако рост нагрузки на имущество может привести к отказу от реинвестирования прибыли в модернизацию действующих мощностей, их устареванию, выводу в долгосрочном периоде капитала через амортизационные отчисления и свертыванию деятельности (банкротству). В первую очередь в зоне риска оказывается движимое имущество, имеющее более высокую мобильность и ликвидность на любом этапе жизненного цикла бизнеса, по сравнению с недвижимостью [Корытин, Малинина, 2019]. Учитывая ключевую роль активной части основных средств в производственном процессе, ее обложение налогом на имущество усиливает эффект замещения.

Кроме того, повышение тяжести имущественных налогов может исказить решения бизнеса относительно выбора взаимозаменяемых факторов производства, например, средства могут пойти не на приобретение машин и оборудования, а на увеличение ручного труда и выплату заработных плат, что будет чревато технологическим отставанием. Часть имущества (земля или специфические для отрасли производственные здания, дорогостоящее оборудование и т. п.) не мобильны между отраслями. В этом случае бремя налога нельзя переложить, его целиком понесет немобильный подфактор [Хиллман, 2009, с. 580–581].

В зарубежной академической литературе влияние налогов на имущество организаций, как правило, рассматривается в контексте местного налогообложения и занятости. Так, по данным итальянских производственных фирм за период 2001–2010 гг. налогообложение нежилой недвижимости на местном уровне оказывает отрицательное и статистически значимое влияние на занятость, капитал, общую факторную производительность и продажи. Среднее увеличение местного налога вызывает отрицательную вариацию примерно на 0,5 занятого, такое же увеличение приводит к сокращению капитала примерно на 8 150 евро. Занятость сокращается из-за несовершенной взаимозаменяемости капиталом, но, поскольку рынок несовершенный изменения препятствуют эффективной реорганизации производства, производительность и продажи снижаются [Belotti, Di Porto, Santoni, 2021]. Сокращение налога на имущество корпораций в Англии на местном уровне не стимулирует развитие малого бизнеса и рост занятости [Gobey, Matikonis, 2021]. По данным выборки фирм из 45 отраслей в 43 городах США льготы по налогу на недвижимость оказывают положительное влияние в виде прироста занятости только в первые годы их действия [Leonard и др., 2020]. В целом более высокая эффективная ставка по налогу на имущество корпораций снижает инвестиции в рамках определенной территории [Church, 1981]. Повышение ставки налога на имущество сокращает инвестиции в недвижимость [Hayashi, Hynes, 2020]. Имущественные налоги составляют налоговый потенциал территорий [Leonard и др., 2020]. В зависимости от территориальных особенностей реформа на-

логообложения недвижимости может приводить к интенсивному или экстенсивному экономическому росту [Victorova и др., 2020].

В российской научной литературе акцент сделан на моделировании налоговой базы по налогу на имущество организаций в зависимости от макроэкономических показателей состояния территории, в том числе инвестиций в основной капитал. По данным 52 субъектов РФ методом пошагового отбора факторов построена регрессионная модель базы налога на имущество организаций, в соответствии с которой при увеличении инвестиций в основной капитал на 1 млрд р. налоговая база вырастет на 1,1 млрд р. Однако в разрезе отдельных субъектов РФ значимость инвестиций различна. К примеру, в Иркутской области инвестиции в основной капитал признаны статистически незначимым фактором [Сорокина, 2017]. Показатель инвестиций был также исключен из числа значимых факторов при построении модели множественной регрессии для определения поступлений по налогу на имущество организаций по данным субъектов РФ за 2016 г. [Бобошко, 2018а]. При этом инвестиции в активную и пассивную часть основных фондов используются для расчета прироста налога на имущества организаций в прогнозной модели поступления налога на имущество организаций на основе метода структурного моделирования [Дадашева, 2009]. Предлагается формула расчета оптимальной с точки зрения стимулирования инвестиций в основной капитал ставки налога на имущество организаций в зависимости от характеристик имущества (стоимость, доля износа) и доли прибыли, направляемой на инвестиции [Бухонова, Дорошенко, Атабиева, 2007]. Обосновывается стимулирующее влияние замены налога на имущество налогом на недвижимость для достаточно технически оснащенных проектов [Аркин, Слостников, 2005]. В ряде работ рассматриваются отраслевые особенности имущественного налогообложения [Баснукаев, 2017; Бобошко, 2018б; Корытин, 2020].

Предметом данного исследования является регулирующая функция налогов на имущество. Как было отмечено выше, рост нагрузки по имущественным налогам может приводить к сокращению инвестиций и их переливу в другие отрасли и даже страны. В связи с этим цель исследования оценить эффекты от влияния имущественных налогов на инвестиционную деятельность на практических данных РФ. В силу квалификации налогов на имущество в теории как наиболее нейтральных по отношению к экономическому росту можно предположить отсутствие явной обратной зависимости между ними и инвестициями, что доказывают и ранее проведенные исследования. Поэтому гипотеза исследования такова: имущественные налоги оказывают значимое влияние на инвестиционное поведение субъектов хозяйствования, направленность которого определяется спецификой отрасли и используемого в ней основного капитала.

Методы

Анализ влияния имущественных налогов на инвестиционную деятельность затрудняет их весьма неоднородная база: налог на относительно фиксированный и немобильный фактор «земля» и переменный, мобильный фактор «капитал». Имущество облагается по различным ставкам в различных местностях, на разных уровнях власти. Эффекты могут зависеть также от отрасли, на которую накладывается налог, ее специфики в части

типа рынка по конкуренции, эластичности спроса на товары (работы, услуги), капиталоемкости производства, структуры основного капитала. В связи с этим объектом исследования являются не только валовые показатели имущественных налогов и инвестиций по РФ, но их величина и структура по видам экономической деятельности.

Выборка отраслей проведена по показателю доли имущественных налогов. Основное бремя имущественных налогов возложено на шесть ключевых видов экономической деятельности, совокупный вклад которых в общую сумму имущественных налогов составляет около 80%: обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; деятельность по операциям с недвижимым имуществом; транспортировка и хранение; добыча полезных ископаемых; торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов. Кроме того, в выборку включены строительство, сельское и лесное хозяйство, вклад которых в налоги на имущество небольшой, по данным 2021 г., соответственно, 1,5% и 1,4%. Однако на эти виды деятельности приходится значительная доля транспортного налога.

Информационную основу исследования составили данные статистической отчетности Федеральной налоговой службы России о начислении и поступлении имущественных налогов в бюджетную систему (формы №1-НМ и №1-НОМ), а также данные Федеральной службы статистики РФ о валовых накоплениях, динамике наличия основных фондов, инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности, по источникам финансирования за 2006–2021 гг. Для оценки влияния освобождения от обложения налогом движимого имущества, решение о котором было принято в 2018 г., более детальный анализ проведен за 2019–2021 гг.

Анализ на уровне РФ проведен по валовым показателям поступления налога на имущество, транспортного налога и земельного налога с организаций. Из анализа по отраслям вынужденно исключен земельный налог, так как данные о его поступлении по видам экономической деятельности в открытых источниках не представлены. Однако это не оказало существенного влияния на результаты исследования, так как использование земельных ресурсов, ограниченных и немобильных, малоэластично в зависимости от налоговой нагрузки.

Исследование проведено с применением методов экономического и корреляционно-регрессионного анализа с использованием функционала Microsoft Excel. Для оценки достоверности полученных зависимостей использованы следующие показатели (и их критические уровни): R — коэффициент корреляции (0–1); R^2 — коэффициент детерминации ($>0,8$); F — критерий Фишера (более критических значений $F_{кр} (0,05) = 4,7$; $F_{кр} (0,01) = 9,1$); t -критерий Стьюдента (более критических значений $t_{кр} (0,05) = 2,1$; $t_{кр} (0,01) = 2,9$); P -значение ($< 0,05$); \bar{A} — средняя ошибка аппроксимации ($< 10\%$).

Результаты исследования и их обсуждение

В России организации уплачивают три имущественных налога. По данным 2021 г. в структуре их валовых поступлений 83,2% составлял налог на имущество организаций; 13,2% — земельный налог; 3,6% — транспортный налог. Динамика поступивших

в бюджет имущественных налогов и инвестиций в основной капитал в 2006–2021 гг. представлена на рис. 1.

Рис. 1. Динамика показателей инвестиций в основной капитал и имущественных налогов

Fig. 1. Dynamics of fixed capital investment and property taxes indices

Как видно на рис. 1, несмотря на рост объема уплачиваемых организациями имущественных налогов, в 2006–2021 гг. инвестиции в активную часть основного капитала увеличивались более быстрыми темпами. Исключение составили периоды кризисов в 2009 г. и в 2014–2015 гг., когда объем инвестиций сокращался (как в сопоставимых, так и в фактических ценах) на фоне умеренно растущих сумм имущественных налогов. Очевидно, что это следствие кризисных процессов в экономике, а не роста налоговой нагрузки. В 2013–2018 гг. темпы роста имущественных налогов на 1–2% опережали темпы роста инвестиций, что было связано как с рецессией и кризисом в 2013–2014 гг., так и с переходом на обложение кадастровой стоимости по ряду категорий недвижимого имущества.

Федеральный закон от 03.08.2018 № 302-ФЗ внес изменения в главу 30 НК РФ, согласно которым с 01.01.2019 налогом на имущество организаций стало облагаться только недвижимое имущество (п. 1 ст. 374 НК РФ). Этим объясняется некоторое сокращение налоговых поступлений в 2019–2020 гг. В 2021 г. поступления налога на имущество с организаций выросли по сравнению с 2020 г., но так и не достигли величины 2018 г. В результате указанных изменений в объекте налогообложения государство ожидало роста объема инвестиций в активную часть основных средств. В фактических ценах прирост инвестиций в 2021 г. по сравнению с 2018 г. составил 13% на фоне сокращения налога на имущество организаций на 2% и роста транспортного налога на 43%. Однако

в сопоставимых ценах инвестиции изменились не существенно. Индекс физического объема инвестиций в сопоставимых ценах по полному кругу хозяйствующих субъектов в 2019 г. составил 102,1%, в 2020 — 98,5% и только в 2021 г. на фоне низкой базы 2020 г. увеличился до 107,7%. Однако, учитывая многочисленные государственные налоговые преференции инвесторам [Князева, Малинина, 2019; Синенко, Домников, 2022], такой прирост инвестиций нельзя признать существенным.

Корреляционный анализ влияния имущественных налогов на динамику разноразмерных показателей инвестиций (валовые накопления, инвестиции в основной капитал, а также инвестиции в основной капитал по видам вложений и источникам финансирования) показал, что между инвестициями в основные средства (здания, сооружения, машины, оборудование и транспортные средства, по улучшению земель, не включая жилье и прочие виды инвестиции) и валовыми поступлениями имущественных налогов организаций существует очень сильная прямая связь по шкале Чеддока (коэффициент корреляции 0,97), а между темпами их роста заметная прямая связь (коэффициент корреляции 0,63). Очень сильная прямая связь также характеризует зависимость имущественных налогов и инвестиций в основной капитал за счет собственных и привлеченных источников, не включая инвестиции из бюджетов разных уровней (коэффициент корреляции 0,97). Таким образом, между агрегированными показателями имущественных налогов и инвестиций в основной капитал (без разделения на виды деятельности) существует сильная прямая связь. Выявленная зависимость в очередной раз доказывает, что любое приращение инвестиций в основной капитал вызывает рост налоговой нагрузки по имущественным налогам, что может дестимулировать инвесторов.

Наиболее достоверной из всех полученных можно считать модель зависимости имущественных налогов с организаций (Y) от инвестиций в здания, сооружения, машины, оборудование, транспортные средства (X), параметры которой представлены в таблице 1.

Таблица 1. Параметры статистической значимости уравнения парной линейной регрессии

Table 1. Parameters of the statistical significance of the pairwise linear regression equation

Модель	R	R ²	F	t		p		Ā, %
				a ₀	a ₁	a ₀	a ₁	
Y = -12,3 + 0,074X + ε	0,97	0,94	197,2	-2,033	14,04	0,063	3,10368E-09	9,55

В соответствии с данным уравнением увеличение инвестиций на 1 млрд рублей приведет к росту имущественных налогов на 74 млн руб. Модель характеризуется высоким уровнем корреляции между результативным и факторным признаком (множественный коэффициент корреляции R — 0,97) и существенной долей дисперсии зависимой переменной, объясняемой рассматриваемой моделью (коэффициент детерминации R² —

0,94). F-тест и t-критерий Стьюдента для коэффициента регрессии a_0 и a_1 подтверждают статистическую значимость и достоверность регрессионного уравнения.

В достоверных моделях р-значение стремится к нулю. В полученном регрессионном уравнении р-значение по коэффициенту корреляции a_1 существенно менее 0,05, что доказывает его статистическую значимость. Однако по свободному члену (a_0) р-значение на 0,01 более уровня значимости в 0,05, что можно считать несущественным отклонением в рамках однофакторной модели. Присутствие свободного члена в уравнении лишь уточняет вид зависимости, а в экономическом смысле он отражает воздействие прочих факторов, не учтенных в модели. Поэтому свободный член в моделях можно сохранить даже при наличии признаков его статистической незначимости.

Для построенного уравнения регрессии средняя ошибка аппроксимации \bar{A} составляет 9,55%, менее допустимых 10%, что свидетельствует об его удовлетворительном качестве. Коэффициент эластичности равен 1,18. То есть при изменении инвестиций в здания, сооружения, машины, оборудования, транспортные средства на 1% сумма поступлений по налогу на имущество и транспортному налогу с организаций увеличится на 1,18%.

Однако в разрезе разных отраслей воздействие имущественных налогов на инвестиционный процесс может различаться (рис. 2).

Рис. 2. Динамика показателей структуры налога на имущество организаций и транспортного налога с организаций по основным видам деятельности, % к итогу

Fig. 2. Dynamics of indicators of the structure of the property tax and transport tax on organizations by main types of activity, % of the total

Согласно рис. 2, в 2011–2021 гг. существенно изменилось распределение имущественных налогов между видами экономической деятельности. Сократился вклад стро-

ительства ($-55,2\%$), обрабатывающей промышленности ($-39,2\%$), сельского и лесного хозяйства ($-14,0\%$), добычи полезных ископаемых ($-13,8\%$), деятельности по операциям с недвижимым имуществом ($-6,1\%$) в общие поступления имущественных налогов. Возросли платежи по имущественным налогам в оптовой, розничной торговле и ремонте автомобилей и мотоциклов ($+99,3\%$), в обеспечении электрической энергией, газом и паром, кондиционировании воздуха ($+44,1\%$), в транспортировке и хранении ($+24,7\%$).

Рациональность такого перераспределения бремени можно оценить на основе сопоставления вклада отраслей в инвестиции в основной капитал и в поступления имущественных налогов (рис. 3).

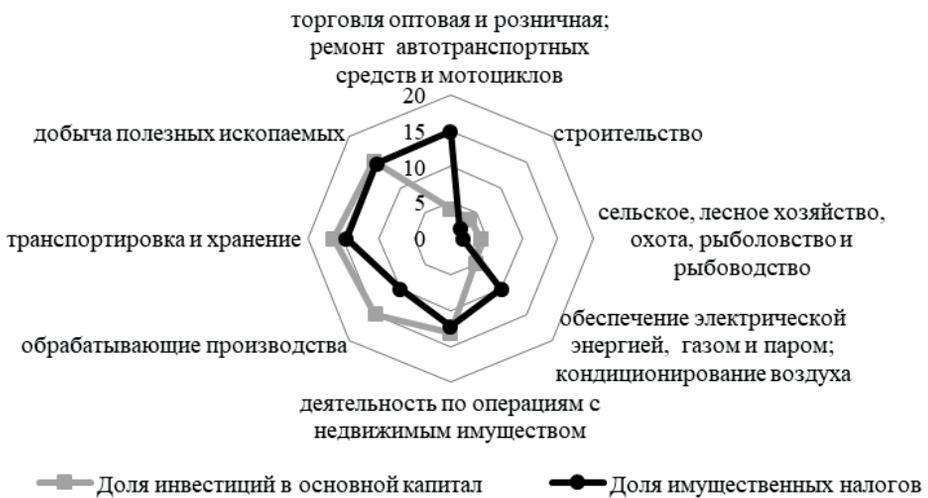

Рис. 3. Доля инвестиций в основной капитал и доля имущественных налогов по видам экономической деятельности за 2021 г., % к итогу

Fig. 3. The proportion of investment in fixed capital and the share of property tax by type of economic activity, % of the aggregate in 2021

На рис. 3 видно, что в условиях действующего порядка налогообложения имущества выигрывают обрабатывающая промышленность, строительство, сельское и лесное хозяйство. В период 2019–2021 гг. (после отмены налога на движимое имущество) платежи организаций по данному налогу сократились в строительстве на $24,1\%$, в обрабатывающей промышленности на $15,7\%$, при росте инвестиций на $36,2\%$. На фоне сохранения платежей по налогу на имущество организаций на уровне 2018 г. увеличился объем инвестиций в сельском хозяйстве ($23,4\%$) (таблица 2). В результате по данным видам деятельности вклад в имущественные налоги меньше, чем вклад в инвестиции в основной капитал. Такое соотношение свидетельствует о стимулировании отраслей, важных для обеспечения неиндустриального развития российской экономики на фоне исчерпания возможностей экспортно-сырьевой модели.

Обратная ситуация по торговле и ремонту автотранспортных средств и мотоциклов, а также по обеспечению энергией, газом и паром. Данные виды деятельности вносят более высокий вклад в имущественные налоги, чем в инвестиции в основной капитал. При этом в анализируемый период 2019–2021 гг. в них также наблюдалась обратная зависимость между имущественными налогами и инвестициями в основной капитал. В торговле платежи по налогу на имущество организаций сократились на 10,5%, в сфере обеспечения энергией, газом и паром — на 6,6%, а инвестиции выросли соответственно на 19,7% и 11,1%.

В данных видах деятельности сокращение налоговых платежей связано не только с отменой налога на движимое имущество. В связи с переходом на налогообложение недвижимости по кадастровой стоимости субъекты хозяйствования в торговле оптимизируют количество основных средств. Кроме того, в 2020 г. торговля попала в число наиболее пострадавших отраслей от ограничений пандемии COVID-19. В результате в 2015 г. на торговлю приходилось 2,9% основных фондов от общей их величины по всем видам деятельности, а в 2021 г. — только 1,4%.

В сфере обеспечения электрической энергией, газом и паром, кондиционирования воздуха за весь период анализа 2011–2021 гг. суммы уплаченных налогов на имущество увеличились более чем в 3 раза в связи с отменой льгот по объектам инженерной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса, пониженных ставок в отношении магистральных трубопроводов, линий энергопередачи, а также сооружений, являющихся неотъемлемой технологической частью указанных объектов.

По добыче полезных ископаемых, транспортировке и хранению, по операциям с недвижимым имуществом вклад в инвестиции сопоставим с вкладом в имущественные налоги, что свидетельствует о сбалансированности налоговой нагрузки на них. Хозяйствующим субъектам по данным трем видам деятельности принадлежит максимальная доля основных фондов на конец 2021 г., которая в совокупности составляет 69,2%. Этот факт обуславливает их лидерство по суммам уплачиваемых имущественных налогов. Отмена налога на движимое имущество коснулась только деятельности по транспортировке и хранению, в которой в 2021 г. сумма налога на имущество увеличилась всего на 0,7% по сравнению с 2018 г., а рост инвестиций составил 21,9%. В добывающей промышленности и по операциям с недвижимым имуществом платежи по имущественным налогам росли быстрее, чем величина инвестиций соответственно на 2,8% и 13%.

Следует отметить, что в 2019–2021 гг. по всем анализируемым видам деятельности существенно увеличились платежи по транспортному налогу. Очевидно, что отмена налога на движимое имущество стимулировала расширение транспортного парка. И на фоне сокращения совокупных платежей по налогу на имущество на 2%, платежи по транспортному налогу выросли на 42,8%.

Таким образом, элементарное сопоставление показателей динамики имущественных налогов и инвестиций в основной капитал в фактических ценах за 2019–2021 г. свидетельствует о наличии по ряду видов деятельности эффекта от отмены налога на движимое имущество в виде прироста инвестиций (таблица 2).

Таблица 2. Показатели динамики и корреляции между имущественными налогами с организаций и инвестициями в основной капитал по видам экономической деятельности

Table 2. Dynamics and correlation indices between property taxes from organizations and investments in fixed capital by kinds of economic activities

Вид экономической деятельности	Темп прироста 2021 г. / 2018 г.			Вид зависимости / коэффициент корреляции между ИОК и НИО+ТН за 2011-2021 гг.	
	ИОК	НИО	ТН	по сумме, в млрд руб.	по вкладу, % к итогу
торговля оптовая и розничная; ремонт авто и мотоциклов	19,7	-10,5	48,0	прямая 0,93	прямая 0,51
транспортировка и хранение	21,9	0,7	79,5	прямая 0,37	обратная 0,77
добыча полезных ископаемых	8,4	11,0	21,8	прямая 0,93	обратная 0,63
деятельность по операциям с не- движимым имуществом	11,8	24,8	20,6	прямая 0,92	прямая 0,02
обеспечение электрической энер- гией, газом и паром; кондициони- рование воздуха	11,1	-6,6	19,6	обратная 0,14	обратная 0,99
обрабатывающие производства	36,2	-15,7	40,3	прямая 0,26	обратная 0,33
строительство	36,2	-24,1	35,3	обратная 0,37	обратная 0,52
сельское, лесное хозяйство, охо- та, рыболовство и рыбоводство	23,4	0,3	43,1	прямая 0,89	обратная 0,34
Итого по всем ВЭД	29,0	-2,0	42,8	0,93	—

Однако нельзя с уверенностью утверждать, что динамика инвестиций была вызвана изменениями нагрузки по имущественным налогам. В 2020 г. на объем инвестиций существенное влияние оказали факторы, обусловленные пандемией COVID-19, к примеру, необходимость модернизации и развертывания ряда промышленных производств в ответ на трансформацию спроса. В обрабатывающей промышленности максимальный прирост инвестиций был по производству лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях (+157,6%), в 2021 г. объем инвестиций в эту сферу сократился на 23,7% по сравнению с 2020 г. Розничная торговля непродовольственными товарами и транспортная деятельность в наибольшей степени пострадали в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции. Кроме того, по большей части прирост инвестиций был достигнут не за счет собственных и привлеченных источников, объем которых эластичен в зависимости от налоговой

нагрузки, а за счет бюджетных средств: темпы прироста бюджетных источников финансирования инвестиций в 2020 г. составили 23,7%, в 2021 г. — 9,3%.

Для проверки гипотезы об обратном влиянии имущественных налогов на объем инвестиций был проведен их корреляционно-регрессионный анализ по видам экономической деятельности за 2011–2021 гг. В среднесрочном периоде по большинству анализируемых видов экономической деятельности между абсолютными значениями уплаченных имущественных налогов и инвестиций в основной капитал была выявлена прямая зависимость с разной силой связи. Качественные регрессионные зависимости удалось выявить по оптовой и розничной торговле, добыче полезных ископаемых (коэффициент корреляции 0,93), деятельности по операциям с недвижимым имуществом (0,92) и сельскому и лесному хозяйству (0,89). Из них следует, что рост инвестиций в основной капитал по данным видам экономической деятельности создает новую налоговую базу и вызывает прирост имущественных налогов.

Корреляционно-регрессионный анализ вклада видов деятельности в валовые платежи имущественных налогов и инвестиции в основные средства (% к итогу) выявил преимущественно обратную зависимость между ними. Качественные однофакторные регрессионные модели можно построить по обеспечению электрической энергией, газом и паром, кондиционированию воздуха (коэффициент корреляции 0,99), а также по транспортировке и хранению (0,77). По данным видам деятельности в 2011–2021 гг. рост нагрузки по имущественным налогам сопровождался сокращением их вклада в инвестиции в основной капитал.

По обрабатывающим производствам и строительству теснота связи между имущественными налогами и инвестициями от слабой до умеренной. В обрабатывающих производствах это может быть следствием большого числа подотраслей, в каждой из которых динамика анализируемых показателей имеет свои особенности. В строительстве налоги на имущество не играют существенной роли в налоговой нагрузке. Кроме того, стимулирование инвестиционной деятельности в обрабатывающих производствах и строительстве осуществляется с использованием широкого перечня инструментов, в том числе неналогового характера, что делает невозможным определить значимость влияния имущественных налогов в рамках однофакторных моделей.

Заключение

Влияние имущественных налогов на инвестиционную деятельность вызывает эффект замещения, который на практике проявляется в форме смены собственника имущества; изменения объекта инвестиций; отказа от модернизации действующих мощностей; отказа от инвестиционного проекта и вывоза капитала из страны — эффекта перемещения налоговой базы. Влияние имущественных налогов на инвестиционное поведение бизнеса зависит также от возможности переложить их бремя на владельцев других факторов производства или потребителей. В краткосрочном периоде, когда физический капитал не мобилен, основную часть бремени несут собственники, в долгосрочном периоде — они могут воспользоваться разными возможностями для оптимизации и переложения налогового бремени, меняя юрисдикции, объекты инвестирования, отрасли. Сокращению

негативных последствий от эффекта замещения способствует смещение инвестирования на внутренний рынок и обеспечение стабильности налоговой нагрузки на протяжении всего периода реализации инвестиционного проекта. Проведенное исследование предоставляет эмпирические доказательства причинно-следственных связей между имущественными налогами с организаций и инвестициями в основной капитал в России.

В результате исследования выявлена тенденция несущественного (1–2%) опережающего роста инвестиций в активную часть основных средств по сравнению с платежами по имущественным налогам в 2006–2021 гг., особенно очевидная в период с 2019 г. после отмены налога на движимое имущество. Однако прирост инвестиций в сопоставимых ценах не значительный и обусловлен не только освобождением от налога на движимое имущество, но и многочисленными льготами и преференциями для инвесторов по налогу на прибыль.

Корреляционно-регрессионный анализ за 2006–2021 гг. позволил выявить сильную прямую зависимость и заключить, что на национальном уровне рост инвестиций в основной капитал вызывает рост налоговых баз и окладов имущественных налогов. Однако, как и предполагалось, в разрезе отдельных отраслей влияние имущественных налогов на инвестиционную деятельность разнонаправленное. В среднесрочном периоде 2011–2021 гг. имущественные налоги оказывали обратное влияние на инвестиции в сфере обеспечения электрической энергией, газом и паром, кондиционирования воздуха, а также по транспортировке и хранению. Рост инвестиций в основной капитал в оптовой и розничной торговле, добыче полезных ископаемых, деятельности по операциям с недвижимым имуществом и сельскому и лесному хозяйству создавал новую налоговую базу и вызвал прирост уплачиваемых имущественных налогов. В строительстве влияние имущественных налогов на инвестиции в основной капитал не существенно. В обрабатывающей промышленности необходимы расчеты в разрезе составляющих ее многочисленных видов производства, данные для проведения которых отсутствуют в открытом доступе.

Очевидно, что от отмены налога на движимое имущество в краткосрочном периоде получили выгоду обрабатывающие производства, строительство и сельское хозяйство. В фактических ценах в этих отраслях был получен существенный прирост инвестиций в основной капитал, однако нельзя утверждать, что он полностью стал следствием сокращения налогов на имущество. Несмотря на это, мы разделяем мнение, что отказ от налога на движимое имущество в России — это не льгота, а переход к общепринятой и обоснованной норме. Возврат к обложению движимого имущества будет чреват ростом негативных эффектов замещения.

Список источников

- Аркин В. И., Слаников А. Д. 2005. Моделирование влияния имущественных налогов на создание новых предприятий в условиях риска и неопределенности // Экономика и математические методы. Т. 41. № 4. С. 68–79.
- Баснукаев М. Ш. 2017. Имущественное налогообложение и его специфика в сфере торговли // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). № 1 (57). С. 56–60.

- Бобошко И. В. 2018а. Анализ влияния факторов социально-экономического развития регионов на систему имущественного налогообложения организаций // *Инновационное развитие экономики*. № 4 (46). С. 157–162.
- Бобошко И. В. 2018б. Особенности формирования налога на имущество организаций в разных отраслевых сегментах экономики // *Сибирская финансовая школа*. № 4 (129). С. 77–82.
- Бухонова С. М., Дорошенко Ю. А., Атабиева Е. Л. 2007. Стимулирование инвестиций в промышленность на основе оптимизации налоговых ставок // *Экономический анализ: теория и практика*. № 7 (88). С. 2–6.
- Дадашева Ю. А. 2009. Прогнозирование поступлений по имущественным налогам: метод структурного моделирования // *Налоговая политика и практика*. № 11. С. 66–70.
- Занадворов В. С., Колосницына М. Г. 2006. *Экономическая теория государственных финансов: учеб. пособие для вузов*. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ. 390 с.
- Князева М. В., Баладина А. С., Баннова К. А. 2015. Оценка эффективности предоставления налоговых льгот по налогу на имущество (на примере Томской области) // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. № 11 (83). С. 39.
- Корытин А. В., Малинина Т. А. 2019. Международный опыт налогообложения движимого имущества организаций // *Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал*. № 2 (48). С. 22–36. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2019-2-22-36>
- Корытин А. В. 2020. Влияние налоговой нагрузки на распределение прямых иностранных инвестиций по отраслям экономики // *Финансовый журнал*. Т. 12. № 1. С. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-1-68-86>
- Сорокина П. Г. 2017. Прогнозирование динамики налоговой базы по налогу на имущество организаций // *Baikal Research Journal*. Т. 8. № 2. С. 16. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8\(2\).16](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(2).16)
- Синенко О. А., Домников А. Ю. 2022. Имущественное налогообложение юридических лиц на территориях с особым экономическим статусом // *Финансовый журнал*. Т. 14. № 3. С. 74–85.
- Хиллман А. Л. 2009. *Государство и экономическая политика: возможности и ограничения управления: учебное пособие*. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. 880 с.
- Майбуров И. А. и др. 2022. *Теоретико-методологические аспекты имущественного налогообложения юридических лиц: монография*. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 264 с.
- Bastani S. Waldenström D. 2018. How should capital be taxed? Theory and evidence from Sweden // *IZA Discussion Paper*. No. 11475. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3170264> (дата обращения: 03.10.2022).
- Belotti F, Di Porto E., Santoni G. 2021. The effect of local taxes on firm performance: Evidence from geo-referenced data // *Journal of Regional Science*. Vol. 61. No. 2. Pp. 492–510. <https://doi.org/10.1111/jors.12518>
- Church A. M. 1981. The effects of local government expenditure and property taxes on investment // *Real Estate Economics*. 1981. Vol. 9. No. 2. Pp. 165–180. <https://doi.org/10.1111/1540-6229.00238>
- Hayashi A. T., Hynes R. M. 2020. Protectionist property taxes // *Virginia Public Law and Legal Theory*. No. 2020-24; *Virginia Law and Economics*. No. 2020-02. <http://doi.org/10.2139/ssrn.3549340> (дата обращения: 03.10.2022)

- Gobey M., Matikonis K. 2021. Small business property tax reductions and job growth // *Small Business Economics*. 2021. Vol. 56. No. 1. Pp. 277–292. <https://doi.org/10.1007/s11187-019-00219-9>
- Leonard T., Yang X., Zhang L., Reed C. I. 2020. Impact of property tax abatement on employment growth // *Economic Development Quarterly*. Vol. 34. No. 2. Pp. 209–221. <https://doi.org/10.1177/0891242420911712>
- Victorova N., Rytova E., Koroleva L., Pokrovskaia N. 2020. Determinants of tax capacity for a territory (the case of the Russian Federal districts) // *International Journal of Technology*. Vol. 11. No. 6. Pp. 1255–1264. <https://doi.org/10.14716/ijtech.v11i6.4421>

References

- Arkin, V. I. & Slastnikov, A. D. (2005). Modeling the influence of property taxes on the creation of new enterprises in conditions of risk and uncertainty. *Economics and Mathematical Methods*, 41(4), 68–79. [In Russian]
- Basnukaev, M. Sh. (2017). Property taxation and its specifics in the field of trade. *Bulletin of the Rostov State University of Economics*, (1), 56–60. [In Russian]
- Boboshko, I. V. (2018). Analysis of the influence of factors of socio-economic development of regions on the system of property taxation of organizations. *Innovative Development of the Economy*, (4), 157–162. [In Russian]
- Boboshko, I. V. (2018). Features of the formation of the property tax of organizations in different industry segments of the economy. *Siberian Financial School*, (4), 77–82. [In Russian]
- Bukhonova, S. M., Doroshenko, Yu. A. & Atabieva, E. L. (2007). Stimulation of investments in industry based on optimization of tax rates. *Economic Analysis: Theory and Practice*, (7), 2–6. [In Russian]
- Dadasheva, Yu. A. (2009). Forecasting income from property taxes: a method of structural modeling. *Tax Policy and Practice*, (11), 66–70. [In Russian]
- Zanodvornov, V. S. & Kolosnitsyna, M. G. (2006). *Economic Theory of Public Finance: Manual for Universities* (pp. 212–213). HSE Publishing House. [In Russian]
- Knyazeva, M. V., Balandina, A. S., & Bannova, K. A. (2015). Evaluation of the effectiveness of providing tax benefits for property tax (the case of the Tomsk region). *Management of Economic Systems*, (11), 39. [In Russian]
- Korytin, A. V., Malinina, T. A. (2019). International experience of taxation of movable property of organizations. *Research Financial Institute. Financial Journal*, (2), 22–36. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2019-2-22-36> [In Russian]
- Korytin, A. V. (2020). The impact of the tax burden on the distribution of foreign direct investment by economic sectors. *Financial Journal*, 12(1), 68–86. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-1-68-86> [In Russian]
- Sorokina, P. G. (2017). Forecasting the dynamics of the tax base on the property tax of organizations. *Baikal Research Journal*, 8(2), 16. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8\(2\).16](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(2).16) [In Russian]
- Sinenko, O. A. & Domnikov, A. Yu. (2022). Property taxation of legal entities in territories with special economic status. *Financial Journal*, 14(3), 74–85. [In Russian]
- Hillman, A. (2009). *The State and Economic Policy: Opportunities and Limitations of Management: Textbook* (V. V. Busyrgin & M. I. Levin, Trans.). HSE Publishing House. [In Russian]

- Mayburov, I. A. (Ed.). (2022). *Theoretical and Methodological Aspects of Property Taxation of Legal Entities: Monograph*. YuNITI-DANA. [In Russian]
- Bastani, S. & Waldenström, D. (2018). *How should capital be taxed? Theory and evidence from Sweden* [IZA Discussion Paper, no. 11475]. Retrieved Oct. 3, 2022, from <http://doi.org/10.2139/ssrn.3170264>
- Belotti, F., Porto, E. Di., & Santoni, G. (2021). The effect of local taxes on firm performance: Evidence from geo-referenced data. *Journal of Regional Science*, 61(2), 492–510. <https://doi.org/10.1111/jors.12518>
- Church, A. M. (1981). The effects of local government expenditure and property taxes on investment. *Real Estate Economics*, 9(2), 165–180. <https://doi.org/10.1111/1540-6229.00238>
- Hayashi, A. T. & Hynes, R. M. (2020). *Protectionist property taxes* [Virginia Public Law and Legal Theory. Research Paper No. 2020-24; Virginia Law and Economics Research Paper No. 2020-02]. Retrieved Oct. 3, 2022, from <http://doi.org/10.2139/ssrn.3549340>
- Gobey, M. & Matikonis, K. (2021). Small business property tax reductions and job growth. *Small Business Economics*, 56(1), 277–292. <https://doi.org/10.1007/s11187-019-00219-9>
- Leonard, T., Yang, X., Zhang, L., & Reed, C. I. (2020). Impact of property tax abatement on employment growth. *Economic Development Quarterly*, 34(2), 209–221. <https://doi.org/10.1177/0891242420911712>
- Victorova, N., Rytova, E., Koroleva, L., & Pokrovskaya, N. (2020). Determinants of tax capacity for a territory (the case of the Russian Federal Districts). *International Journal of Technology*, 11(6), 1255–1264. <https://doi.org/10.14716/ijtech.v11i6.4421>

Информация об авторе

Людмила Павловна Королева, кандидат экономических наук, доцент, Департамент экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
lpkoroleva@fa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8375-8524>

Information about the author

Ljudmila P. Koroleva, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Economic Security and Risk Management, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
lpkoroleva@fa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8375-8524>

Прогноз котировок акций ПАО «Сбербанк» с применением корреляционно-регрессионного анализа

Людмила Игоревна Теньковская

Московская биржа ММВБ-РТС, Москва, Россия
Контакт для переписки: tenkovskaya.lyudmila@gmail.com

Аннотация. Научное исследование, заключающееся в составлении прогноза относительно котировок акций ПАО «Сбербанк», актуально, потому что раскрывает перспективы российского финансового сектора. Оно позволяет инвесторам сформировать торговую стратегию покупки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» для получения доходов в будущем. Цель научной статьи — построить экономико-математическую модель для прогноза котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк». Для достижения цели изучены теоретические основы формирования денежно-кредитной политики в России, курса российского рубля, цен нефти на мировом рынке. Установлена степень влияния приведенных факторов на котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк». В процессе работы задействованы общие и специальные научные методы: анализ, синтез, монографический, статистические. Научная новизна исследования состоит в построении уравнений множественной и парной линейной регрессии, отражающих зависимость котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» от денежного агрегата М2 в России, ключевой ставки Центрального банка РФ, валютной пары USD/RUB, цен нефти марки Brent. На основе уравнения парной линейной регрессии, содержащего данные о денежном агрегате М2 в России, сделан прогноз стоимости обыкновенных акций ПАО «Сбербанк». В сравнении с тенденцией увеличения денежной массы в России обыкновенные акции ПАО «Сбербанк» выглядят недооцененными и привлекательными для инвестиций.

Ключевые слова: валютная пара USD/RUB, денежный агрегат М2 в России, инвестиции, ключевая ставка Центрального банка РФ, корреляционно-регрессионный анализ, котировки акций ПАО «Сбербанк», прогноз, тенденции, фондовый рынок, цены на нефть, экономика России

Цитирование: Теньковская Л. И. 2023. Прогноз котировок акций ПАО «Сбербанк» с применением корреляционно-регрессионного анализа // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 1. С. 148–166. <https://dx.doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-148-166>

Поступила 02.12.2022; одобрена 16.01.2023; принята 06.02.2022

Forecast of stock quotations of Sberbank PJSC using correlation and regression analysis

Lyudmila I. Tenkovskaya

Moscow Exchange MICEX-RTS, Moscow, Russia

Corresponding author: tenkovskaya.lyudmila@gmail.com

Abstract. The scientific research, which consists in making a forecast regarding the stock quotes of Sberbank PJSC, is relevant because it reveals the prospects of the Russian financial sector. It allows investors to form a trading strategy for buying ordinary shares of Sberbank PJSC to generate income in the future. The purpose of the scientific article is to build an economic and mathematical model for forecasting quotations of ordinary shares of Sberbank PJSC. To achieve this goal, the theoretical foundations of the formation of monetary policy in Russia, the exchange rate of the Russian ruble, oil prices on the world market have been studied. The degree of influence of the above factors on the quotations of ordinary shares of Sberbank PJSC has been established. In the process of work, general and special scientific methods are involved: analysis, synthesis, monographic, statistical. The scientific novelty of the study consists in the construction of multiple and paired linear regression equations reflecting the dependence of quotations of ordinary shares of Sberbank PJSC on the M2 monetary aggregate in Russia, the key rate of the Central Bank of the Russian Federation, the USD/RUB currency pair, and Brent crude oil prices. Based on the equation of paired linear regression containing data on the M2 monetary aggregate in Russia, a forecast was made for the value of ordinary shares of Sberbank PJSC. In comparison with the trend of increasing money supply in Russia, ordinary shares of Sberbank PJSC look undervalued and attractive for investment.

Keywords: USD/RUB currency pair, monetary aggregate M2 in Russia, investments, key rate of the Central Bank of the Russian Federation, correlation and regression analysis, stock quotes of Sberbank PJSC, forecast, trends, stock market, oil prices, Russian economy

Citation: Tenkovskaya, L. I. (2023). Forecast of stock quotations of Sberbank PJSC using correlation and regression analysis. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(1), 148–166. <https://dx.doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-1-148-166>

Received Dec. 2, 2022; Reviewed Jan. 16, 2023; Accepted Feb. 6, 2022

Введение

Актуальность научных познаний, касающихся предвидения ситуации на фондовом рынке с задействованием корреляционно-регрессионного анализа, обусловлена необходимостью получения новых данных о перспективах российского фондового рынка для максимизации доходов от инвестиционной деятельности. Поскольку известно, что эффективность деятельности инвесторов зависит от точности составленных экономических прогнозов на основе грамотного применения определенных методов предвидения экономической ситуации.

Цель научного исследования заключается в построении экономико-математической модели для прогнозирования котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк». Для достижения цели исследования решены следующие *задачи*: изучены теоретические основы прогнозирования котировок акций ПАО «Сбербанк», денежного предложения и процентных ставок в России, валютной пары USD/RUB, цен нефти марки Brent; определена корреляционно-регрессионная связь между денежным агрегатом M2 в России, ключевой ставкой Центрального банка РФ, валютной парой USD/RUB, ценами нефти марки Brent и котировками обыкновенных акций ПАО «Сбербанк»; на основе выявленной связи построено уравнение парной линейной регрессии для прогноза котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» с независимой переменной в виде денежного агрегата M2 в России; сделан прогноз котировок акций ПАО «Сбербанк».

Научная новизна исследования приводится в следующих пунктах:

- 1) построены уравнения множественной и парной линейной регрессии, которые отражают воздействие денежного агрегата M2 в России, ключевой ставки Центрального банка РФ, валютной пары USD/RUB, цен нефти марки Brent на котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк»;
- 2) уравнение парной линейной регрессии с денежным агрегатом M2 в России и котировками обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» служит основой экономико-математического моделирования, позволяющего получить прогнозные значения котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк».

Обзор литературы

В глобализированном мире внешние условия воздействуют на экономическую эффективность отдельной страны. Для России в настоящее время внешние факторы негативны, потому что наша страна отстаивает собственные интересы безопасности в ходе специальной

военной операции в Украине. На фоне этой военной операции и многочисленных санкций котировки акций российских компаний значительно подешевели. Котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» не стали исключением. Однако имеются и позитивные воздействующие силы, помогающие оживлению российского фондового рынка.

Так, для отечественного финансового сектора большое значение имело двустороннее инвестирование с разными странами. Причины перелива российского капитала за рубеж: низкий потенциал роста на внутреннем рынке; обеспечение доступа к высоким технологиям; проникновение в отрасли, связанные с природными ресурсами. Сейчас, когда геополитическая обстановка для России неблагоприятна, инвестирование в развитие экономики ограничено. Однако диверсификация инвестиционной деятельности России в развивающихся странах придает устойчивость ее финансовой отрасли [Andreff W., Andreff M., 2017]. Существование тенденций уменьшения государственного сектора в народном хозяйстве может привести в открытой экономике к массовому оттоку капитала за рубеж [Abramov, Radygin, Chernova, 2017]. Присутствие государства в компании ПАО «Сбербанк» помогает в укреплении финансовой стабильности в нашей стране. Экономический рост в России обусловлен повышением цен на ресурсы [Idrisov, Kazakova, Polbin, 2015]. Финансовый сектор может быть эффективным за счет источников инвестирования, образованных от повышения цен на природные ресурсы. Таким образом, котировки акций ПАО «Сбербанк» поддерживает инвестиционная деятельность в нашей стране.

Наиболее важным фактором для компаний финансового сектора является денежная масса. Определенный объем денежной массы способен привести к экономическому равновесию, когда существует баланс денежного предложения, активов и обязательств. Капиталистические страны отступают от приведенных правил, что формирует повышенные темпы прироста инфляции. Рост инфляции выходит из-под контроля центральных банков, теряющих свой авторитет [Осадчий, 2022; Отто, Игнатов, 2022]. По мнению Т. И. Щербаковой, рост цен на фоне неконтролируемой денежной массы и теневой экономики обрушил экономику Советского Союза в конце 1980-х годов [Щербакова, 2022]. Однако на современном этапе развития в России денежная масса играет большую роль в экономике. Во время настоящего глубокого экономического кризиса в России целесообразно покрыть имеющиеся обязательства и выполнить Центральным банком РФ функцию финансовой стабильности в ущерб функции ценовой стабильности [Зубов, 2022]. Опыт развитых капиталистических стран показал, что финансовая стабильность обеспечивается управлением денежной массой посредством эмиссионных кредитов центральных банков или погашения ранее выданных эмиссионных кредитов. В таком случае большое значение имеют процентные ставки, которые находятся на относительно низких уровнях в России [Павлова, 2022]. Денежно-кредитная политика центрального банка государства является частью его экономической политики и может оказывать влияние на макроэкономические показатели [Филиппова, 2022]. Поскольку Центральный банк РФ будет настроен на мягкую денежно-кредитную политику с низкими процентными ставками и на увеличение денежной массы посредством кредитования, это будет способствовать притоку инвестиционных средств на российский фондовый рынок.

Такие перспективы позитивны для стоимости акций ПАО «Сбербанк» [Безсмертная, 2022]. Мягкая денежно-кредитная политика с низкими процентными ставками на фоне медленных темпов прироста инфляции и высокой занятости населения обеспечила финансовую стабильность экономики Соединенных Штатов [Сахаров, 2022].

В Российской Федерации валютная пара USD/RUB считается основным макроэкономическим показателем, поскольку экономика нашей страны ориентирована на экспорт ресурсов, цены которых на мировых рынках выражены в долларах США. Санкции в отношении России и низкие цены нефти, ослабившие российский рубль, должны были уничтожить российскую экономику. Обесценение российского рубля в нашей стране повышает конкурентоспособность экспорта, увеличивает выручку экспортеров и денежную массу, но сокращает внутренний потребительский спрос из-за повышенной инфляции в нашей экономике с высокой долей импорта [Мигонov, 2015]. Также известно, что девальвация российского рубля и долларизация являются следствием многолетнего нестабильного экономического развития России и ликвидации советской рублевой зоны в странах бывшего Советского Союза [Dabrowski, 2022]. Отсюда следует, что долгосрочная тенденция ослабления российского рубля по отношению к доллару США будет иметь место, несмотря на наличие факторов, ограничивающих девальвацию нашей национальной валюты (диверсификация валютных резервов в мире с целью снижения роли доллара США; усиление роли юаня в связи с быстрыми темпами развития китайской экономики; появление криптовалют; санкционная политика в отношении доступа к глобальной валюте, риск оказаться отрезанными от доллара США для стран, на которые распространяются санкции; меры Европейского союза по усилению роли евро в международных платежах; прецедент начала 2019 г. с золотыми запасами Венесуэлы, хранящимися в Банке Англии; увеличение доли золота в слитках в золотовалютных резервах стран) [Мау, 2019].

Цены нефти играют большую роль в экономике России, потому что она ориентирована на экспорт энергетических ресурсов. В частности, цены нефти оказывают влияние на котировки акций российских компаний. От цен на энергию будут зависеть котировки акций ПАО «Сбербанк». Существует научное исследование, доказывающее, что фондовые индексы развитых стран (Канады, Франции, Германии, Италии, Японии, Великобритании, Соединенных Штатов) находятся под влиянием шоков предложения нефти и спроса на нее (финансовых кризисов, последствий американского протекционизма, военных и политических факторов, инноваций в технологиях, пандемии коронавируса) [Jiang, Tian, Mo, 2020]. Для инвесторов важна волатильность цен нефти на мировом рынке энергетических ресурсов, потому что с помощью нее можно предсказать падение фондовых рынков. Дело в том, что высокая волатильность нефтяных цен наблюдается при их стремительном снижении во время наступления экономического кризиса [Zhang и др., 2022.]. В настоящее время во многих странах большой проблемой является высокая инфляция. Чтобы остановить рост потребительских цен, центральные банки готовы повышать процентные ставки в ущерб экономике, что может вызвать мировую рецессию. Однако цены нефти пока недостаточно волатильны для того, чтобы сформировать ожидания рецессии.

Таким образом, российский фондовый рынок в целом и котировки акций ПАО «Сбербанк» в частности находятся под влиянием денежной массы в России, ключевой ставки Центрального банка РФ, валютной пары USD/RUB, цен нефти (для экономического

анализа инвесторами используются цены нефти марки Brent, отражающие цену нефти на мировом рынке энергетических ресурсов).

Чтобы определить степень воздействия перечисленных выше факторов на котировки акций ПАО «Сбербанк», целесообразно задействовать корреляционно-регрессионный анализ. Существует много научных трудов, внесших вклад в экономико-статистические исследования на основе корреляционно-регрессионной связи. Этот статистический метод часто задействуется для расчета величины связи макроэкономических индикаторов и фондовых индексов, состоящих из акций отдельных компаний. Так, для познания силы влияния мировых фондовых индексов на российский фондовый рынок апробированы такие статистические методы, как корреляция, линейная регрессия, метод выявления тенденции на основе рядов динамики [Nivorozhkin, Castagneto-Gisse, 2016]. С помощью корреляционно-регрессионного анализа обследована зависимость фондового индекса FTSE 100 в Великобритании от политических настроений во время местных выборов 2016 г. [Nisar, Yeung, 2018]. Для оценки долгосрочного воздействия на индекс ASE фондового рынка Греции греческой драхмы в соотношении с немецкой маркой и долларом США тоже применялся регрессионный анализ [Laopodis, 2002]. Корреляционный анализ помог оценить степень взаимосвязи фондовых индексов Таиланда, Малайзии, Соединенных Штатов и следующих макроэкономических переменных: реального валового внутреннего продукта, процентной ставки, денежной массы, обменного курса валют, уровня безработицы [Chen, Huang, 2012]. Определено воздействие большой степени негативного настроения инвесторов, сформировавшегося в ожидании обрушения ураганов, на фондовый рынок Соединенных Штатов. В ходе проработок задействован метод регрессии [Huerta, Perez-Liston, 2011]. Многомерная регрессия, рассчитанная за длительный временной отрезок, помогла в поиске связи между заемным и собственным капиталом компаний и следующими индикаторами компаний: размером; волатильностью котировок акций; финансовыми результатами [Nenu, Vintilă, Gherghina, 2018]. Метод регрессии установил степень долгосрочного влияния макроэкономических индикаторов Германии (валового внутреннего продукта, текущего счета и счета движения капитала, уровня безработицы, инвестиций, экспорта, сбережений, инфляции, обменного курса валют и других) на фондовый рынок страны [Celebi, Hönig, 2019].

Прогнозированию котировок акций ПАО «Сбербанк» посвящено немного научных трудов. Существует научное исследование, выявляющее негативное воздействие санкций со стороны Соединенных Штатов и Европейского союза на активы банковского сектора России, в частности, на активы ПАО «Сбербанк». Эти санкции в основном были направлены на ограничение доступа к иностранным рынкам капитала, уменьшение иностранного кредитования, сокращение притока иностранного капитала в нашу страну. Установлено, что в России сформировался дефицит финансирования и инвестирования, что сократило активы российского банковского сектора [Gurvich, Prilepskiy, 2015.]. Это существенно снизило котировки акций ПАО «Сбербанк».

М. Денерт обследовал связь цифровой трансформации и эффективности компаний финансового сектора. Он определил, что цифровые бизнес-процессы могут повысить производительность финансовой компании по всей цепочке создания стоимости.

Им была проведена оценка цифровых подразделений ПАО «Сбербанк», в процессе которой выяснилось, что данная компания хорошо подготовлена в сфере предоставления цифровых сервисов, позволяющих клиентам получать доступ к банковским услугам без необходимости посещения отделений [Dehnert, 2020]. Это положительно сказывается на прибыли и котировках акций ПАО «Сбербанк».

А. Лепский и А. Суевалов утверждают, что российский банковский сектор зависим от иностранных платежных систем, из-за этого в условиях иностранных санкций работа ПАО «Сбербанк» сильно ограничивается. Иностранные платежные системы оказывают негативное воздействие на деятельность ПАО «Сбербанк», так как он не может с ними конкурировать, что плохо отражается на результатах работы данной компании [Lepskiy, Suevalov, 2019]. Котировки акций ПАО «Сбербанк» снижаются из-за этого фактора. Однако в нашей стране создается централизованная, управляемая Центральным банком РФ система безналичных платежей. Исследователь В. Горшков считает, что для котировок акций ПАО «Сбербанк» позитивна цифровизация экономики под руководством российского государства [Gorshkov, 2022].

Т. А. Мешкова и Е. Я. Моисейчев пишут, что котировки акций ПАО «Сбербанк» могут быть спрогнозированы с помощью технических индикаторов, позволяющих использовать теорию функции убеждения и разрабатывать торговые стратегии типа «покупать», «удерживать», «продавать» [Meshkova, Moiseichev, 2016]. Имеется научное исследование, в котором делается акцент на необходимости приведения временных рядов котировок акций ПАО «Сбербанк» к стационарному виду. Отмечается, что оценку статистических данных о курсе акций ПАО «Сбербанк» целесообразно проводить с помощью расширенного теста Дики — Фуллера [Смирнова, Клянина, 2016]. Результаты следующего научного труда по прогнозированию стоимости ценных бумаг ПАО «Сбербанк» свидетельствуют о том, что значительное падение котировок акций ПАО «Сбербанк» во время глобальных экономических кризисов можно предсказать с помощью их высокой волатильности [Теньковская, 2022].

Имеет место научная работа по моделированию цен акций ПАО «Сбербанк». Во-первых, с помощью корреляционного анализа выявлялось влияние финансовых показателей на котировки акций ПАО «Сбербанк». Но, как оказалось, оно отсутствует. Во-вторых, определялась корреляционная связь ведущих мировых индексов (S&P 500, Nasdaq, Dow Jones Industrial Average, DAX), российских фондовых индексов (индексов Мосбиржи и РТС) со стоимостью ценных бумаг ПАО «Сбербанк». На этой основе получилась хорошая модель для прогноза. В-третьих, разработана торговая стратегия на коинтегрированной паре акций ПАО «Сбербанк» и ПАО «НК «Роснефть» [Боченина, Нерадовская, Мартюхин, 2020].

Другая научная проработка свидетельствует о целесообразности использования пакета Prophet (он доступен в Python) для прогнозирования временных рядов котировок акций ПАО «Сбербанк», поскольку с помощью него можно получить довольно-таки точный прогноз экономических индикаторов фондового рынка. Полученная модель будет включать компоненты тренда, сезонности, праздников. Для задачи прогнозирования стоимости акций ПАО «Сбербанк» использовалась кусочно-линейная трендовая мо-

дель, в которой Prophet обнаруживает точки изменения тренда и позволяет тенденции соответствующим образом адаптироваться [Орлова, 2021].

Существует научное исследование, касающееся сравнительного анализа различных методов коррекции атипичных значений статистических данных. Для обнаружения и коррекции выбросов во временных рядах котировок акций ПАО «Сбербанк» предлагается использование следующих методов машинного обучения: методов Z-score, изолирующего леса, опорных векторов для обнаружения выбросов; методов винсоризации и множественного вменения для коррекции выбросов. Предполагается, что такой подход повысит точность прогнозирования котировок акций ПАО «Сбербанк» [Золотова, Волкова, 2022].

Итак, в настоящее время на российский фондовый рынок оказывают влияние следующие факторы: денежный агрегат М2 в России, ключевая ставка Центрального банка РФ, валютная пара USD/RUB, цены нефти марки Brent. Для установления связи между стоимостью ценных бумаг ПАО «Сбербанк» и приведенными внешнеэкономическими факторами целесообразно использовать корреляционно-регрессионный анализ. По прогнозированию котировок акций ПАО «Сбербанк» существует не очень много научных трудов, и они не включают исследования воздействия перечисленных индикаторов на анализируемую российскую финансовую компанию.

Методы научного исследования

В ходе исследования задействованы *общие и специальные научные методы*: анализ, синтез, монографический, статистические. Статистические данные о котировках обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», валютной паре USD/RUB, ценах нефти марки Brent получены с сайта ru.investing.com, информация о денежном агрегате М2 и процентной ставке в России взята с официального сайта Центрального банка РФ. Эти внешнеэкономические индикаторы являются основными факторами российского фондового рынка. Длительный временной интервал, в течение которого анализировались статистические данные, поделен на четыре коротких периода с разными экономическими сценариями. С помощью зрительного анализа определено, что исследуемые временные ряды подвержены сезонности и имеют тенденции. Для приведения временных рядов к стационарному виду применен метод центрированного скользящего среднего. Установлено, что для прогноза котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» лучше всего задействовать статистические данные III периода. Для оценки качества данных III периода рассчитана матрица коэффициентов корреляции. Сглаженные статистические данные III периода стали основой уравнения множественной линейной регрессии. В процессе оценки этого уравнения выяснилось, что из эконометрической модели целесообразно исключить факторы: ключевую ставку Центрального банка РФ, валютную пару USD/RUB, цены нефти марки Brent. Построено уравнение парной линейной регрессии для III периода, отражающее зависимость котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» от денежного агрегата М2 в России. С помощью него сделан прогноз результативного показателя. Проведена оценка уравнений регрессии по параметрам: мультиколлинеарность; средние ошибки аппроксимации; коэффициенты эластичности; коэффициенты

корреляции и детерминации; значения t-критериев Стьюдента и F-критериев Фишера; наличие автокорреляции остатков.

Результаты научного исследования

Периоды исследования и статистические данные

В представленной научной статье статистические данные исследуются в течение длинного временного интервала, охватывающего февраль 2006 г. — декабрь 2022 г. Длительный отрезок времени поделен на четыре более коротких периода с разными экономическими сценариями: первый период включает февраль 2006 г. — декабрь 2008 г.; второй период содержит январь 2009 г. — май 2014 г.; третий период вмещает июнь 2014 г. — январь 2022 г.; четвертый период охватывает февраль 2022 г. — декабрь 2022 г.

Первый период характеризуется цикличностью экономики, поскольку в это время экономический рост сменился глубоким экономическим кризисом. Второй период отличается оживлением экономики после депрессии, попытками роста стоимости ценных бумаг и сырьевых товаров. Третий период отображает экономическую ситуацию со следующими событиями: изменение конъюнктуры рынка энергетических ресурсов на фоне сланцевой революции в Соединенных Штатах; последствия неонацизма в Украине для России; санкции западных стран в отношении России; пандемия коронавируса COVID-19. Четвертый период описывает состояние экономики с неблагоприятной геополитической обстановкой для нашей страны после начала военной операции России в Украине.

С помощью зрительного анализа установлено, что представленные временные ряды с изучаемыми статистическими данными подвержены сезонности и имеют тенденции, что свидетельствует об их нестационарности. Для приведения временных рядов к стационарному виду использован метод центрированного скользящего среднего. Для осуществления корреляционно-регрессионного анализа задействованы временные ряды, сглаженные с помощью указанного метода.

Анализ представленных ниже котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» и внешнеэкономических факторов (денежного агрегата M2 в России, ключевой ставки Центрального банка РФ, валютной пары USD/RUB, цен нефти марки Brent), влияющих на них, показал, что для построения эконометрической модели с функцией прогноза следует использовать статистические данные III периода, поскольку он наиболее точно отображает будущую экономическую ситуацию на российском фондовом рынке (конъюнктуру рынка энергетических ресурсов после сланцевой революции в Соединенных Штатах; неблагоприятную геополитическую обстановку с санкциями для России; последствия неонацизма в Украине, приведшего к необходимости выполнения Россией специальной военной операции; влияние пандемии коронавируса COVID-19 на экономическую активность). Приведенные ниже рисунки демонстрируют увеличение стоимости обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» в III периоде за счет роста денежной массы в России на фоне смягчающейся денежно-кредитной политики Центрального банка РФ, слабого курса российского рубля по отношению к доллару США из-за санкционной политики и снижающихся цен нефти (рис. 1–4).

Рис. 1 представляет в течение четырех периодов исходные и преобразованные временные ряды с котировками обыкновенных акций ПАО «Сбербанк».

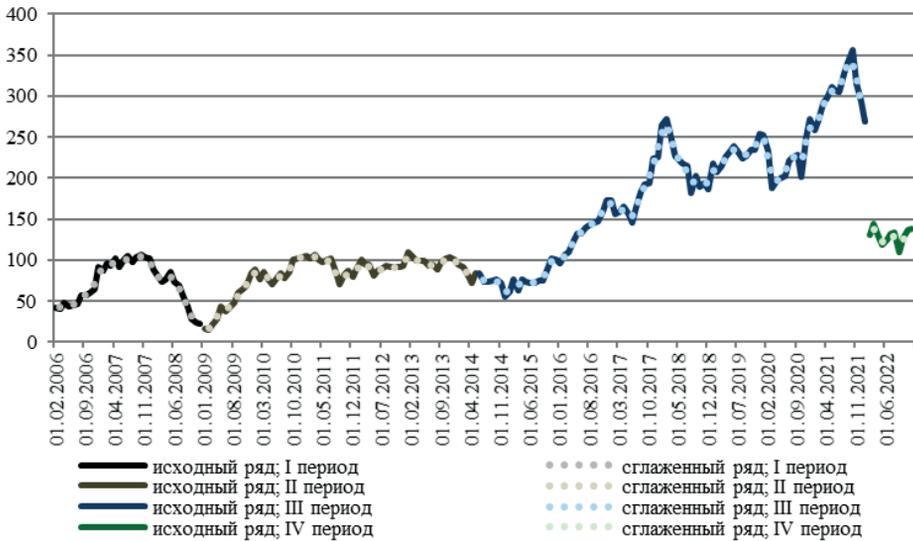

Рис. 1. Котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», российские рубли за акцию

Fig. 1. Quotations of ordinary shares of Sberbank PJSC, Russian rubles per share

Рис. 2 показывает в течение четырех периодов исходные и преобразованные временные ряды с эволюцией денежного агрегата M2 в России.

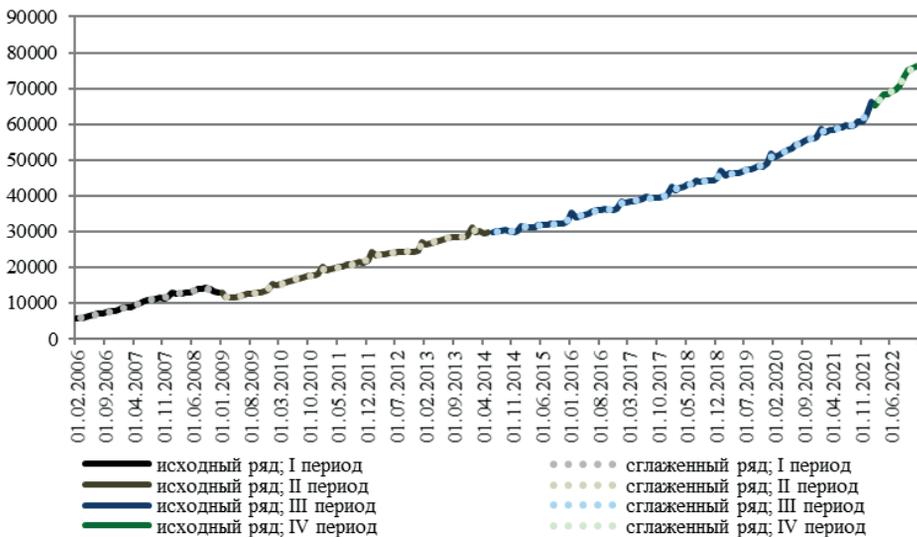

Рис. 2. Денежный агрегат M2 в России, млрд российских рублей

Fig. 2. Monetary aggregate M2 in Russia, billion Russian rubles

Рис. 3 демонстрирует в течение четырех периодов исходные и преобразованные временные ряды с изменениями ключевой ставки Центрального банка РФ.

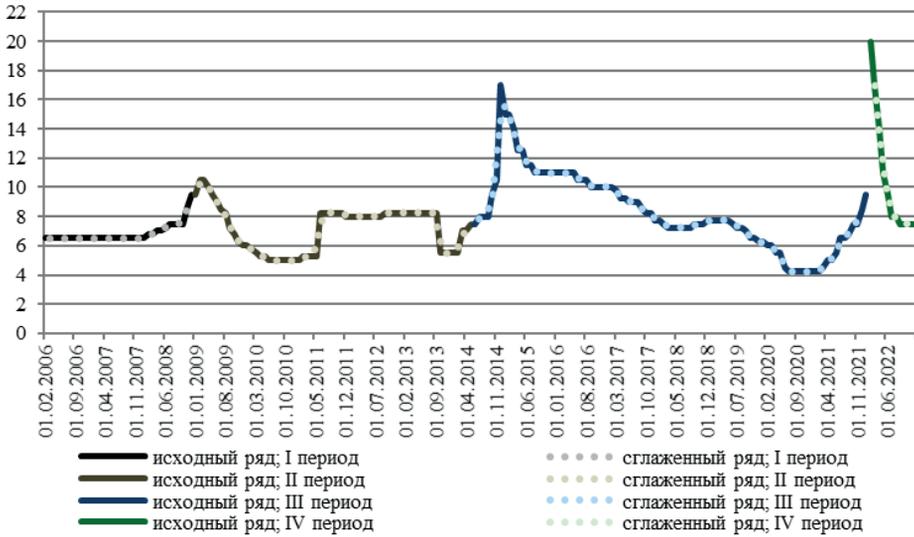

Рис. 3. Ключевая ставка Центрального банка РФ (с 2013 года), %

Fig. 3. The key rate of the Central Bank of the Russian Federation (since 2013), %

Рис. 4 отражает динамику исходных и преобразованных временных рядов валютной пары USD/RUB четырех периодов.

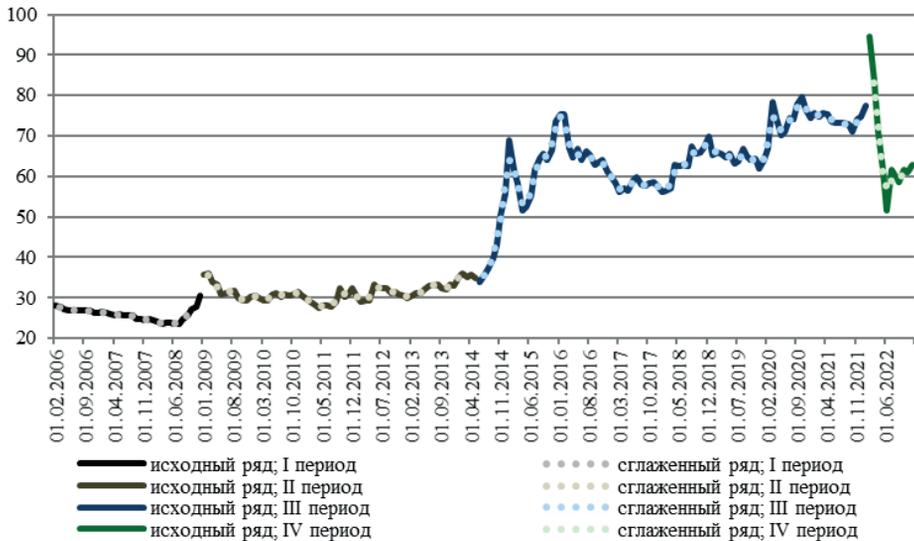

Рис. 4. Валютная пара USD/RUB, российские рубли за доллар США

Fig. 4. USD/RUB currency pair, Russian rubles per US dollar

Рис. 5 воссоздает тенденции исходных и преобразованных временных рядов цен нефти марки Brent четырех периодов.

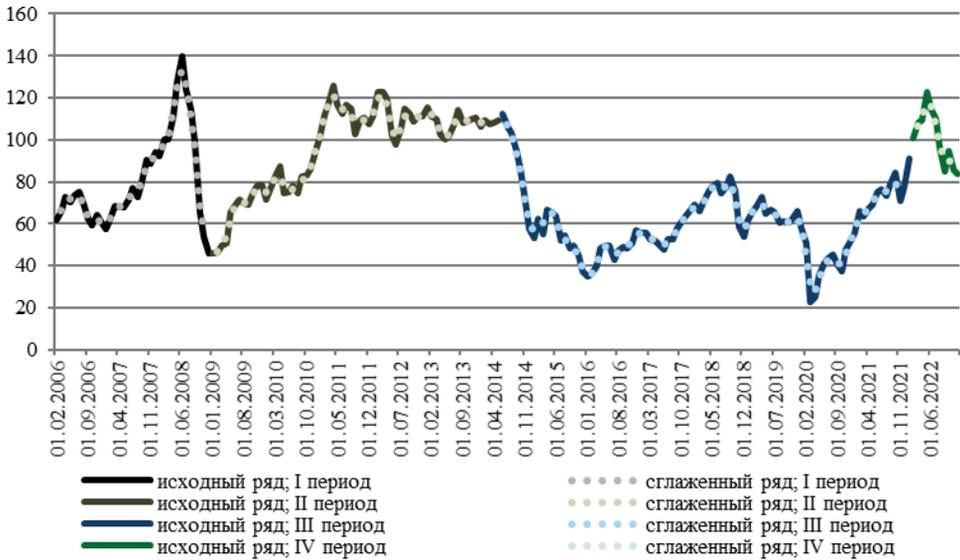

Рис. 5. Цены нефти марки Brent, доллары США за баррель

Fig. 5. Brent crude oil prices, US dollars per barrel

Итак, для построения эконометрической модели с целью прогнозирования котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» использованы преобразованные статистические данные III периода, так как в нем наиболее точно отражены внешнеэкономические условия для российского фондового рынка. Статистические данные I и II периодов не задействуются, потому что они не подвержены внешнеэкономическим факторам неблагоприятной геополитической обстановки для России. Статистические данные текущего IV периода не применяются, так как в них заложена непостоянная природа экономических шоков на фондовом рынке, проявившихся с началом военной операции России в Украине.

Построена матрица коэффициентов корреляции для котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» и влияющих на них внешнеэкономических факторов III периода: имеется довольно-таки тесная линейная связь между зависимой переменной и независимыми факторами. Цены нефти марки Brent оказывают слабое воздействие на результат.

Таким образом, с использованием статистических данных III периода может быть построено уравнение множественной линейной регрессии.

Таблица 1. Матрица коэффициентов корреляции для III периода
Table 1. Matrix of correlation coefficients for the III period

Наименование показателей	Котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», российские рубли за акцию	Денежный агрегат M2 в России, млрд российских рублей	Ключевая ставка ЦБ РФ, %	Валютная пара USD/RUB, российские рубли за доллар США	Цены нефти марки Brent, доллары США за баррель
Котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», российские рубли за акцию	1,000	0,916	-0,788	0,553	0,194
Денежный агрегат M2 в России, млрд российских рублей	0,916	1,000	-0,834	0,710	0,045
Ключевая ставка ЦБ РФ, %	-0,788	-0,834	1,000	-0,450	-0,086
Валютная пара USD/RUB, российские рубли за доллар США	0,553	0,710	-0,450	1,000	-0,494
Цены нефти марки Brent, доллары США за баррель	0,194	0,045	-0,086	-0,494	1,000

Уравнения регрессии и их оценка

Уравнение множественной линейной регрессии на основе преобразованных статистических данных III периода выглядит следующим образом:

$$Y = -122,1754 + 0,00719 \cdot X_1 - 1,0705 \cdot X_2 - 0,4805 \cdot X_3 + 0,626 \cdot X_4, \quad (1)$$

где Y — котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», российские рубли за акцию; X_1 — денежный агрегат M2 в России, млрд российских рублей; X_2 — ключевая ставка Центрального банка РФ, %; X_3 — валютная пара USD/RUB, российские рубли за доллар США; X_4 — цены на нефть марки Brent, доллары США за баррель.

Оценка приведенного уравнения множественной линейной регрессии показала наличие мультиколлинеарности факторов, влияющих на результат: в матрице коэффициентов корреляции есть межфакторные коэффициенты корреляции со значением

$\geq 0,7$. Средняя ошибка аппроксимации находится немного выше нормы и составляет 15,64%. Частные коэффициенты эластичности имеют значения: $E_1 = 1,666$; $E_2 = -0,0477$; $E_3 = -0,166$; $E_4 = 0,2$. Влияние факторов X_2, X_3, X_4 на результат незначительно. Коэффициент множественной корреляции: $R = 0,9292$. Скорректированное значение коэффициента детерминации: $R^2 = 0,857$. Критерии Стьюдента: $t_{\text{табл.}} = 2,28$; $t_0 = 2,407$; $t_1 = 7,373$; $t_2 = 0,452$; $t_3 = 0,564$; $t_4 = 1,945$. Статистическая значимость коэффициентов регрессии b_2, b_3, b_4 не подтверждается. Критерии Фишера: $F_{\text{табл.}} = 2,45$; $F_{\text{расч.}} = 134,273$. Уравнение регрессии статистически надежно. Статистика Дарбина — Уотсона показала наличие автокорреляции остатков. Можно заключить, что факторы X_2, X_3, X_4 целесообразно убрать из уравнения регрессии. На результативный признак большое влияние оказывает денежная масса в России.

Уравнение парной линейной регрессии с задействованием сглаженных временных рядов III периода имеет вид:

$$Y = -123,8256 + 0,00717 \cdot X_1, \quad (2)$$

где Y — котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», российские рубли за акцию;
 X_1 — денежный агрегат M2 в России, млрд российских рублей.

Оценка уравнения парной линейной регрессии: средняя ошибка аппроксимации $A = 15,4\%$ — немного выше нормы; коэффициент эластичности $E = 1,662$; коэффициент корреляции $R = 0,916$; коэффициент детерминации $R^2 = 0,8383$; критерии Стьюдента свидетельствуют о статистической значимости коэффициентов регрессии — $t_{\text{табл.}} = 2,28$; $t_0 = 8,31$; $t_1 = 21,36$; критерии Фишера говорят о статистической надежности уравнения регрессии — $F_{\text{табл.}} = 3,92$; $F_{\text{расч.}} = 456,349$. Таким образом, приведенное уравнение парной линейной регрессии может быть использовано для прогноза. Расчеты, сделанные на его основе, показали, что котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» могут повыситься до 424 российских рублей за акцию.

Обсуждение и заключение

Представленное научное исследование дополняет имеющиеся научные работы по анализу российского фондового рынка методикой прогнозирования котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк», основанной на построении эконометрических моделей с воздействующими факторами (денежным агрегатом M2 в России, ключевой ставкой Центрального банка РФ, валютной парой USD/RUB, ценами нефти марки Brent).

Прогноз котировок обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» сделан в следующих внешнеэкономических условиях: наращивание денежного предложения и мягкая денежно-кредитная политика в России; слабый курс российского рубля; изменение конъюнктуры рынка нефти под воздействием сланцевой революции в Соединенных Штатах; санкции; неблагоприятная геополитическая обстановка для нашей страны; пандемия коронавируса COVID-19. Определено, что в таких условиях котировки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» изменяются за счет денежного агрегата M2 в России. В итоге для прогноза стоимости обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» построено уравне-

ние парной линейной регрессии с независимой переменной в виде денежного агрегата M2 в России. Тенденция увеличения денежного предложения в нашей стране свидетельствует о том, что исследуемые ценные бумаги недооценены и имеют потенциал роста.

Результаты данного научного исследования могут быть использованы инвесторами для принятия решения относительно покупки обыкновенных акций ПАО «Сбербанк» на долгосрочную перспективу. Это обеспечит получение высоких доходов в будущем в виде разницы между ценами покупки и продажи обыкновенных акций ПАО «Сбербанк».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Безсмертная Е. Р. 2022. Поведение частных инвесторов на фондовом и срочном рынках в 2022—2023 годах: возможная реакция на изменения денежно-кредитной политики // Экономика. Налоги. Право. № 15 (1). С. 63–71. <https://doi.org/10.26794/1999-849x-2022-15-1-63-71>
- Боченина М. В., Нерадовская Ю. В., Мартюхин И. Ю. 2020. К вопросу о торговой стратегии на фондовом рынке России // Вестник Российского университета кооперации. № 4 (42). С. 16–20.
- Золотова Т. В., Волкова Д. А. 2022. Методы интеллектуальной обработки данных для коррекции атипичных значений котировок акций // Статистика и экономика. Т. 19. № 2. С. 4–13. <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2022-2-4-13>
- Зубов Я. О. 2022. Влияние денежно-кредитной политики Банка России на развитие экономики страны // Экономика и бизнес: цифровая трансформация и перспективы развития. Материалы международной научно-практической конференции, в 2 томах. Москва. С. 100–113.
- Орлова И. В. 2021. Использование пакета Prophet в прогнозировании временных рядов // Фундаментальные исследования. № 3. С. 94–102.
- Осадчий В. В. 2022. Объем денежной массы и формирование портфеля без рисков // Вестник науки и образования. № 4-2 (124). С. 51–59.
- Отто В. С., Игнатов А. И. 2022. Оценка денежной эмиссии в различных странах в период пандемии при помощи математических методов // Экономические отношения. Т. 12. № 1. С. 11–32. <https://doi.org/10.18334/eo.12.1.114322>
- Павлова О. Ю. 2022. Банк Англии под руководством Марка Карни (2013—2020 гг.): в поисках новой стабильности // Российский экономический интернет-журнал. № 2. С. 1–12.
- Сахаров Д. М. 2022. Конкуренция резервных валют в условиях полицентрического развития мировой финансовой системы. // Финансы: теория и практика. № 26 (1). С. 6–23. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-1-6-23>
- Смирнова И. В., Клянина Л. Н. 2016. Определение порядка интегрируемости экономических временных рядов // Инженерный вестник Дона. № 2 (41).
- Теньковская Л. И. 2022. Волатильность котировок акций ПАО «Сбербанк» в условиях глобальных экономических кризисов // Общество, экономика, управление. Т. 7. № 4. С. 34–43. <https://doi.org/10.47475/2618-9852-2022-17406>
- Филиппова Ю. А. 2022. Развитие денежно-кредитной политики центрального банка государства // Сборник научных работ серии «Финансы, учет, аудит». № 1 (25). С. 243–251. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6503643>

- Щербакова Т. И. 2022. Экономическая модель постсталинского СССР и ее результаты // *Экономическая история*. Т. 18. № 1. С. 45–54. <https://doi.org/10.15507/2409-630X.056.018.202201.045-054>
- Abramov A., Radygin A., Chernova M. 2017. State-owned enterprises in the Russian market: Ownership structure and their role in the economy // *Russian Journal of Economics*. Vol. 3. No. 1. P. 1–23. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.02.001>
- Andreff W., Andreff M. 2017. Multinational companies from transition economies and their outward foreign direct investment // *Russian Journal of Economics*. Vol. 3. No. 4. P. 445–474. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.12.008>
- Celebi K., Hönig M. 2019. The impact of macroeconomic factors on the German stock market: evidence for the crisis, pre- and post-crisis periods // *International Journal of Financial Studies*. Vol. 7. No. 2. Art. 18. <https://doi.org/10.3390/ijfs7020018>
- Chen D. Y., Huang B. 2012. Financial crises and stock market indices: Markov switching approach // *Global Business and Finance Review*. Vol. 17. No. 2. P. 101–120.
- Dabrowski M. 2022. Thirty years of economic transition in the former Soviet Union: Macroeconomic dimension // *Russian Journal of Economics*. Vol. 8. No. 2. P. 95–121. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.8.90947>
- Dehnert M. 2020. Sustaining the current or pursuing the new: incumbent digital transformation strategies in the financial service industry // *Business Research*. No. 13. P. 1071–1113. DOI: <https://doi.org/10.1007/s40685-020-00136-8>
- Gorshkov V. 2022. Cashless payment in emerging markets: the case of Russia // *Asia and the Global Economy*. No. 2. P. 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2022.100033>
- Gurvich E., Prilepskiy I. 2015. The impact of financial sanctions on the Russian economy. // *Russian Journal of Economics*. Vol. 1. No. 4. P. 359–385. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2016.02.002>
- Huerta D., Perez-Liston D. 2011. The impact of hurricanes on investor sentiment and stock market returns // *Global Business and Finance Review*. Vol. 16. No. 2. P. 136–149.
- Idrisov G., Kazakova M., Polbin A. 2015. A theoretical interpretation of the oil prices impact on economic growth in contemporary Russia // *Russian Journal of Economics*. Vol. 1. No. 3. P. 257–272. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2015.12.004>
- Jiang Y., Tian G., Mo B. 2020. Spillover and quantile linkage between oil price shocks and stock returns: new evidence from G7 countries // *Financial Innovation*. No. 6. Art. 42. <https://doi.org/10.1186/s40854-020-00208-y>
- Laopodis N. T. 2002. Exchange rate and stock market interactions: evidence from an emerging economy // *Global Business and Finance Review*. Vol. 7. No. 1. P. 49–60.
- Lepskiy A., Suevalov A. 2019. Application of the belief function theory to the development of trading strategies // *Procedia Computer Science*. No. 162. P. 235–242. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.11.280>
- Mau V. A. 2019. Global trends and national goals: Russia approaches a new model of economic growth // *Russian Journal of Economics*. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 27–45. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.5.35234>
- Meshkova T. A., Moiseichev E. I. 2016. Russia's experience of foresight implementation in global value chain research // *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. 2016. No. 5. Art. 9. <https://doi.org/10.1186/s13731-016-0039-7>

- Mironov V. 2015. Russian devaluation in 2014–2015: Falling into the abyss or a window of opportunity? // *Russian Journal of Economics*. Vol. 1. No. 3. P. 217–239. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2015.12.005>
- Nenu E. A., Vintilă G., Gherghina Ș. C. 2018. The impact of capital structure on risk and firm performance: empirical evidence for the Bucharest stock exchange listed companies // *International Journal of Financial Studies*. Vol. 6. No. 2. Art. 41. <https://doi.org/10.3390/ijfs6020041>
- Nisar T. M., Yeung M. 2018. Twitter as a tool for forecasting stock market movements: a short-window event study // *The Journal of Finance and Data Science*. 2018. No. 4. P. 101–119. <https://doi.org/10.1016/j.jfds.2017.11.002>
- Nivorozhkin E., Castagneto-Gissey G. 2016. Russian stock market in the aftermath of the Ukrainian crisis // *Russian Journal of Economics*. Vol. 2. No. 1. P. 23–40. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruje.2016.04.002>
- Zhang Y., Wang Y., Ma F., et al. 2022. To jump or not to jump: momentum of jumps in crude oil price volatility prediction // *Financial Innovation*. No. 8. Art. 56. <https://doi.org/10.1186/s40854-022-00360-7>

References

- Bezsmertnaya, E. R. (2022). Behavior of private investors in the stock and futures markets in 2022–2023: Possible reaction to changes in monetary policy. *Economics, Taxes & Law*, (15), 63–71. <https://doi.org/10.26794/1999-849x-2022-15-1-63-71> [In Russian]
- Bochenina, M. V., Neradovskaya, Yu. V., & Martyuhin, I. Yu. (2020). On the issue of trading strategy on the Russian stock market. *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii*, (4), 16–20. [In Russian]
- Zolotova, T. V., Volkova, D. A. (2022). Methods of intelligent data processing for correction of typical values of stock quotes. *Statistika i ekonomika*, 19(2), 4–13. <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2022-2-4-13> [In Russian]
- Zubov, Ia. O. (2022). The impact of the monetary policy of the Bank of Russia on the development of the country's economy. In *Proceedings of Internation Research Conference "Ekonomika i biznes: tsifrovaia transformatsiia i perspektivy razvitiia"* (in 2 vols., pp. 100–113). [In Russian]
- Orlova, I. V. (2021). Using the Prophet package in time series forecasting. *Fundamental'nye issledovaniya*, (3), 94–102. [In Russian]
- Osadchii, V. V. (2022). The volume of money supply and the formation of a risk-free portfolio. *Vestnik nauki i obrazovaniia*, (4-2), 51–59. [In Russian]
- Otto, V.S. & Ignatov, A. I. (2022). Estimation of monetary emissions in various countries during the pandemic using mathematical methods. *Ekonomicheskie otnosheniia*, 12(1), 11–32. <https://doi.org/10.18334/eo.12.1.114322> [In Russian]
- Pavlova, O. Iu. (2022). The Bank of England under the leadership of Mark Carney (2013–2020): in search of new stability. *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal*, (2), 1–12 [In Russian]
- Sakharov, D. M. (2022). Reserve currency competition in a polycentric world financial system. *Finance: Theory and Practice*, (26), 6–23. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-1-6-23> [In Russian]
- Smirnova, I. V. & Klyanina, L. N. (2016). Determination of the order of integrability of economic time series. *Inzhenernyj vestnik Dona*, (2), 42. [In Russian]

- Tenkovskaya, L. I. (2022). Volatility of stock quotations of Sberbank PJSC in the context of global economic crises. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie*, 7(4), 34–43. <https://doi.org/10.47475/2618-9852-2022-17406> [In Russian]
- Filippova, Iu. A. (2022). Development of monetary policy of the central bank of the state. *Sbornik nauchnykh rabot serii "Finansy, uchet, audit"*, (1), 243–251. <https://doi.org/10.5281/zenodo.6503643> [In Russian]
- Shcherbakova, T. I. (2022). The economic model of the post-Stalinist USSR and its results. *Ekonomicheskaiia istoriia*, 18(1), 45–54. <https://doi.org/10.15507/2409-630X.056.018.202201.045-054> [In Russian]
- Abramov, A., Radygin, A., & Chernova, M. (2017). State-owned enterprises in the Russian market: ownership structure and their role in the economy. *Russian Journal of Economics*, 3(1), 1–23. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.02.001>
- Andreff, W. & Andreff, M. (2017). Multinational companies from transition economies and their outward foreign direct investment. *Russian Journal of Economics*, 3(4), 445–474. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2017.12.008>
- Celebi, K. & Hönig, M. (2019). The impact of macroeconomic factors on the German stock market: evidence for the crisis, pre- and post-crisis periods. *International Journal of Financial Studies*, 7(2), 18. <https://doi.org/10.3390/ijfs7020018>
- Chen, D. Y. & Huang, B. (2012). Financial crises and stock market indices: Markov switching approach. *Global Business and Finance Review*, 17(2), 101–120.
- Dabrowski, M. (2022). Thirty years of economic transition in the former Soviet Union: macroeconomic dimension. *Russian Journal of Economics*, 8(2), 95–121. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.8.90947>
- Dehnert, M. (2020). Sustaining the current or pursuing the new: incumbent digital transformation strategies in the financial service industry. *Business Research*, (13), 1071–1113. <https://doi.org/10.1007/s40685-020-00136-8>
- Gorshkov, V. (2022). Cashless payment in emerging markets: the case of Russia. *Asia and the Global Economy*, (2), 1–10. <https://doi.org/10.1016/j.jaglobe.2022.100033>
- Gurvich, E. & Prilepskiy, I. (2015). The impact of financial sanctions on the Russian economy. *Russian Journal of Economics*, 1(4), 359–385. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2016.02.002>
- Huerta, D. & Perez-Liston, D. (2011). The impact of hurricanes on investor sentiment and stock market returns. *Global Business and Finance Review*, 16(2), 136–149.
- Idrisov, G., Kazakova, M. & Polbin, A. (2015). A theoretical interpretation of the oil prices impact on economic growth in contemporary Russia. *Russian Journal of Economics*, 1(3), 257–272. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2015.12.004>
- Jiang, Y., Tian, G. & Mo, B. (2020). Spillover and quantile linkage between oil price shocks and stock returns: new evidence from G7 countries. *Financial Innovation*, (6), 42. <https://doi.org/10.1186/s40854-020-00208-y>
- Laopodis, N. T. (2022). Exchange rate and stock market interactions: evidence from an emerging economy. *Global Business and Finance Review*, 7(1), 49–60.
- Lepskiy, A. & Suevalov, A. (2019). Application of the belief function theory to the development of trading strategies. *Procedia Computer Science*, (162), 235–242. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.11.280>

- Mau, V. A. (2019). Global trends and national goals: Russia approaches a new model of economic growth. *Russian Journal of Economics*, 5(1), 27–45. <https://doi.org/10.32609/j.ruje.5.35234>
- Meshkova, T. A. & Moiseichev, E. I. (2016). Russia's experience of foresight implementation in global value chain research. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, (5), 9. <https://doi.org/10.1186/s13731-016-0039-7>
- Mironov, V. (2015). Russian devaluation in 2014–2015: Falling into the abyss or a window of opportunity? *Russian Journal of Economics*, 1(3), 217–239. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2015.12.005>
- Nenu, E. A., Vintilă, G. & Gherghina, Ș. C. (2018). The impact of capital structure on risk and firm performance: empirical evidence for the Bucharest stock exchange listed companies. *International Journal of Financial Studies*, 6(2), 41. <https://doi.org/10.3390/ijfs6020041>
- Nisar, T. M. & Yeung, M. (2018). Twitter as a tool for forecasting stock market movements: a short-window event study. *The Journal of Finance and Data Science*, (4), 101–119. <https://doi.org/10.1016/j.jfds.2017.11.002>
- Nivorozhkin, E. & Castagneto-Gissey, G. (2016). Russian stock market in the aftermath of the Ukrainian crisis. *Russian Journal of Economics*, 2(1), 23–40. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruje.2016.04.002>
- Zhang, Y., Wang, Y., Ma F. et al. (2022). To jump or not to jump: momentum of jumps in crude oil price volatility prediction. *Financial Innovation*, (8), 56. <https://doi.org/10.1186/s40854-022-00360-7>

Информация об авторе

Людмила Игоревна Теньковская, кандидат экономических наук, доцент, аналитик фондового рынка, ПАО «Московская биржа ММВБ-РТС», Москва, Россия
tenkovskaya.lyudmila@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-2055-1497>

Information about the author

Lyudmila I. Tenkovskaya, Cand. Sci. (Econ), Associate Professor, Stock Market Analyst, Moscow Exchange MICEX-RTS, Moscow, Russia
tenkovskaya.lyudmila@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-2055-1497>

Финансовый механизм государственно-частного партнерства: особенности и направления совершенствования

Юлия Габдрашитовна Тюрина^{1✉}, Анна Александровна Духовская²

¹ Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

² ООО «Данон», Москва, Россия

Контакт для переписки: u_turina@mail.ru[✉]

Аннотация. В последние десятилетия проекты в области инфраструктуры и государственно-частного партнерства стали вызывать все больший интерес как у государственного сектора, так и у частных инвесторов. В России рассматриваемый вариант сотрудничества государства и бизнеса стал активно развиваться и распространяться не так давно (в последние 15–20 лет). Несмотря на то, что до 2019 г. рынок ГЧП в России показывал положительный тренд по разным параметрам и активно развивался, начиная с 2020 г. отмечается замедление темпов роста количества ГЧП-проектов (3 440 проектов в 2020 г. против 4 285 проектов в 2019 г.), что связано со многими факторами, такими как: увеличение стоимости строительных материалов, общее повышение цен, рост инфляции, пандемия COVID-19, сниженный уровень платежеспособного спроса, нестабильная геополитическая ситуация и т. д. При этом совокупный объем инвестиций в проекты ГЧП (накопительным итогом) продолжает расти. Быстрая урбанизация, меняющиеся экологические, социальные и экономические приоритеты предъявляют все более высокие требования к способности правительств привлекать частные финансовые средства и мотивировать компании развиваться синергетически с государством. Совершенствование государственно-частного партнерства и его масштабирование среди корпоративного сектора в России являются одним из ключевых направлений деятельности государства с целью создания лучших условий для соединения людей и мест с возможностями.

Целью статьи является изучение теоретических и практических особенностей государственно-частного партнерства и его финансового механизма, а также выявление перспективных направлений решения проблем, препятствующих

эффективной реализации проектов в рамках государственно-частного партнерства. Предметом исследования является совокупность экономических и организационно-правовых отношений по вопросам формирования и реализации финансового механизма проектов государственно-частного партнерства. Методологической основой послужили концептуальные положения теории государственно-частного партнерства, научные методы и приемы анализа.

Научная новизна работы заключается в том, что результаты исследования в части выявления ключевых проблем, препятствующих эффективному функционированию проектов ГЧП и их финансового механизма, позволили сформулировать комплекс авторских рекомендаций по их решению.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, ГЧП, финансовый механизм ГЧП, проекты ГЧП, бизнес и государство

Цитирование: Тюрина Ю. Л., Духовская А. А. 2023. Финансовый механизм государственно-частного партнерства: особенности и направления совершенствования // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 1. С. 167–188. <https://dx.doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-167-188>

Поступила 11.01.2023; одобрена 18.01.2023; принята 31.01.2023

Financial mechanism of public-private partnership: features and directions of improvement

Yulia G. Tyurina, Anna A. Dukhovskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Danone LLC, Moscow, Russia

Corresponding author: u_turina@mail.ru✉

Abstract. In recent decades, projects in the field of infrastructure and public-private partnership (PPP) have become increasingly interesting for both the public sector and private investors. In Russia, the option of cooperation between the state and business started developing and spreading not so long ago (in the last 15-20 years). Despite the fact that until 2019, the PPP market in Russia showed a positive trend in various parameters and actively developed, there has been a slowdown in the growth rate of the number of PPP projects since 2020 (3,440 projects in 2020 against 4,285 projects in 2019), which is due to many factors, such as: an increase in the cost

of construction materials, a general increase in prices, an increase in inflation, the COVID-19 pandemic, a reduced level of effective demand, an unstable geopolitical situation, etc. At the same time, the total volume of investments in PPP projects continues to grow. Rapid urbanization, changing environmental, social and economic priorities place increasing demands on the ability of governments to attract private finance and motivate companies to develop synergistically with the state. Improving public-private partnership and scaling it up among the corporate sector in Russia is one of the key areas of government activity in order to create better conditions for connecting people and places with opportunities.

The purpose of the article is to study the theoretical and practical features of public-private partnership and its financial mechanism, as well as to identify promising areas for solving problems that hinder the effective implementation of projects within the framework of public-private partnership. The subject of the study is an aggregate of economic and organizational-legal relations that contribute to the formation and implementation of the financial mechanism of public-private partnership projects. The methodological basis was the conceptual provisions of the theory of public-private partnership, scientific methods and techniques of analysis.

The scientific novelty of the work lies in the fact that the results of the study (in terms of identifying key problems that hinder the effective functioning of PPP projects and their financial mechanism) allowed us to formulate a set of recommendations for their solution.

Keywords: public-private partnership, PPP, PPP financial mechanism, PPP projects, business and government

Citation: Tyurina, Y. G. & Dukhovskaya, A. A. (2023). Financial mechanism of public-private partnership: features and directions of improvement. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(1), 167–188. <https://dx.doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-1-167-188>

Received Jan. 11, 2023; Reviewed Jan. 18, 2023; Accepted Jan. 31, 2023

Введение

В настоящее время возникающие макроэкономические вызовы и шоки обуславливают необходимость и значимость сотрудничества государства и бизнеса. Совершенствование государственно-частного партнерства и его масштабирование среди корпоративного сектора в России являются одним из ключевых направлений деятельности государства с целью создания более благоприятных условий и возможностей реализации проектов бизнеса и государства. Меняющиеся экономические, социальные, политические приоритеты предъявляют все более высокие требования к способности органов государственной власти привлекать частные финансовые средства, стимулируя хозяйствующие субъекты развиваться совместно с государством.

Авторами в исследовании определены основные триггеры становления государственно-частного партнерства, а именно приватизация государственных активов, отсутствие достаточных объемов финансовых ресурсов только лишь у государства для успешной реализации крупных социально-значимых проектов и низкая мобильность и адаптивность изменяющимся реалиям государства по сравнению с частным сектором. Основу используемых в процессе написания статьи источников составляют нормативные правовые акты, зарубежные и отечественные источники литературы.

Методы

Изучение теоретико-методологических аспектов играет огромное значение в развитии основ партнерских отношений государства и бизнеса, учитывая специфику финансового механизма ГЧП. Исследование построено на анализе многих теоретических аспектов в части сущностной составляющей партнерства государства и бизнеса, соблюдения интересов всех участников отношений в системе ГЧП. Практические аспекты рассматриваемой темы представлены результатами использования методов системного подхода, анализа, синтеза, сравнения. Авторами изучены теоретические и практические особенности государственно-частного партнерства и его финансового механизма, определены перспективные направления решения проблем, препятствующие эффективной реализации проектов в рамках государственно-частного партнерства.

Результаты

Теоретико-методологические аспекты государственно-частного партнерства

Сущность и понятие ГЧП претерпевали те или иные изменения в течение долгого периода времени. Несмотря на то, что всеобщую огласку, известность и заинтересованность не только со стороны государства, но и со стороны частного сектора механизм ГЧП приобрел не так давно (последние 35–40 лет), понимание необходимости и важности ГЧП зародилось еще в XVI в. Общеизвестно, что в период XVI–XVII вв. в западных странах торговому капиталу требовалось сильное правительство для избавления от устаревших ограничений и обеспечения эффективного международного сотрудничества. Основным ключом для реализации данной необходимости стало существующее в то время направление меркантилизма. Странники данной концепции стали первыми, кто выступал за взаимодействие государства и частного сектора. Их основной целью было обеспечение положительного денежного баланса (для ранних меркантилистов) или торгового баланса (для более поздних меркантилистов). Партнерство государства и предприятий происходило за счет обеспечения правительствами стран контроля за всеми торговыми операциями, совершаемыми частным сектором, взимая за каждую транзакцию определенную комиссию. Данная протекционистская политика позволила простимулировать импорт дешевого сырья для защиты отечественных производителей от иностранной конкуренции и поддержать экспортеров отечественной продукции [Mostepaniuk, 2016].

Следующим этапом в развитии понимания сущности сотрудничества государства и бизнеса стал период XVIII — начала XIX в., когда в мире распространялись идеи классической политической экономии. Уильям Петти, один из известнейших представителей классической политической экономии, считал, что государство и частный сектор должны находить компромиссы для достижения общих целей. Так, в своем труде “*A Treatise of Taxes & Contributions*” (1662 г.) Петти подчеркивал необходимость введения государственного страхования взамен импортных пошлин («*Customs be reduced into the nature of an Ensurance-premium*») [Petty, 1662], обосновывая это первостепенностью собственных интересов бизнеса перед всеобщими (общественными). В данной ситуации выигрывают обе стороны — и государство, и частный сектор, так как первая сторона получает больший объем денежных средств, который может перенаправить в «требующее русло», а вторая — несет меньшие убытки при наступлении страховых случаев.

При определении сущности ГЧП важно учитывать баланс сил таким образом, чтобы частый сектор действовал в рамках свободной конкуренции, а государство не злоупотребляло своими возможностями. Согласно классической политической экономии, обеспечение «честного партнерства» является одной из важнейших экономических функций государства, необходимых для обеспечения эффективной и независимой работы рыночного механизма (Адам Смит, 1776. Книга 5. Глава 2). Благодаря использованию рыночных механизмов в рамках сотрудничества государства с бизнесом представляется возможным получать более высокое качество производимых товаров, оказываемых работ для потребителей, то есть для граждан конкретной страны [Smith, 2016].

Современное понимание ГЧП непременно носит в себе социальный характер. Толчок в изучении социальной направленности проектов государства и частного сектора дал Джон Стюарт Милль (1806–1873). Британский экономист, сторонник политической экономии считал, что государство может владеть каналами и железными дорогами, при этом не эксплуатируя их. Эксплуатация должна принадлежать компаниям при выполнении ими некоторых условий (в том числе при ограниченных временных рамках, согласованных с государством). Именно Милль сформулировал ключевую идею, которая впоследствии трансформировалась в системную концепцию ГЧП — использование концессий [Mill, 1848].

Обеспечение конкуренции и функционирования свободного рыночного механизма считалось основой здоровых взаимоотношений между государством и частным сектором не только сторонниками классической политической экономии, но и представителями неоклассической экономической теории (такими как Альфред Маршалл, Леон Вальрас, Ирвинг Фишер, Джон Бейтс Кларк, Вильфредо Парето и др.). Данные ученые продвигали важность свободной конкуренции и законов саморегулирования, которые поддерживали реализацию частных интересов и неограниченное движение товаров в экономике. В то же время, если объем использованных ресурсов со стороны частного бизнеса меньше или недостаточен, чем это необходимо для увеличения национального благосостояния населения, то появляется необходимость для вмешательства государства [Pigou, 1920].

Исследование взаимоотношений государства и частного сектора в рыночных условиях также проводил экономист Михаил Иванович Туган-Барановский (1865–1919)

в своей работе «Основы политической экономии» (1909). Он считал, что государство ограничивает свободу действия фирмы, при этом направляя их на выполнение определенного плана, сформулированного и объявленного государством [Туган-Барановский, 1909]. Первое полноценное употребление понятия ГЧП принято относить к середине XX века к США, когда государство стало привлекать частный бизнес для финансирования и поддержки сферы образования, а позднее объектов коммунальной среды. Во второй половине XX в. термин стал также применяться по отношению партнерства в рамках реконструкции и модернизации объектов городских жилых фондов, финансирования научно-исследовательских разработок и некоторых других сфер [Йескомб, 2015]. Все упомянутые направления являются важными с социально-экономической точки зрения, традиционно ими принято «управлять» государству. Однако тенденция такова, что в последние годы правительства отдают предпочтение передавать в частную собственность или управление частным компаниям объекты, ужесточая при этом меры ответственности, основываясь на основе законодательной, нормативно-правовой, организационно-управленческой и иной институциональной базы [Варнавский, 2009].

Для наиболее полного понимания сущности ГЧП необходимо обратиться к самому понятию данного термина. Однако с учетом того, что в настоящее время единого международно признанного определения ГЧП не существует, необходимо рассмотреть несколько подходов к содержанию.

Согласно мнению В. Г. Варнавского, «ГЧП представляет собой юридически оформленную систему отношений (как правило, на определенный срок), предполагающую соинвестирование и разделение рисков между, с одной стороны, государством и муниципальными образованиями и, с другой стороны, гражданами и юридическими лицами, предметом которой выступают объекты государственной и муниципальной собственности, а также услуги, предоставляемые государственными и муниципальными органами, организациями, учреждениями и предприятиями» [Там же]. Данное определение носит более широкий характер, выделяет в качестве предметов сотрудничества не только услуги, но и государственную и муниципальную собственность.

В Российской Федерации понятие ГЧП претерпело ряд изменений и модернизаций. Впервые понятие появилось в Санкт-Петербурге в 2006 г., когда был принят закон «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах» [Об участии Санкт-Петербурга ...]. В данном документе отражаются стороны процесса партнерства, а также основной пул проектов, которые следует разделять между государством и частным сектором («социально значимых проектов, проектов, направленных на развитие образования, здравоохранения, социального обслуживания населения, физической культуры, спорта, культуры, туризма, транспортной и инженерной инфраструктур, инфраструктуры связи и телекоммуникаций»). Благодаря введению подобного нормативного правового акта распространение внедрения законодательно закрепленного понятия ГЧП увеличилось. Другие регионы России стали использовать закон Санкт-Петербурга в качестве опоры (эталона) для построения собственной базы в рамках сотрудничества государства и бизнеса [Борщевский, 2018].

Стоит отметить, что определение, сформулированное в законе Санкт-Петербурга, дает достаточно широкое понятие договору ГЧП. Так как концессия является одной из форм ГЧП (как отмечалось ранее), то обратимся к федеральному закону № 115-ФЗ [О концессионных соглашениях], которое вносит некоторую конкретику. Также в 115-ФЗ мы можем увидеть объекты договора, а именно создание, реконструкцию и эксплуатацию движимого и недвижимого имущества (не услуга), их принадлежность государству (объекты находятся в государственной (муниципальной) собственности), а также необходимость финансового участия частной стороны договора.

В 2015 г. был сформирован единый федеральный закон № 224-ФЗ [О государственно-частном партнерстве]. Данный закон стал эталонным для всех уровней власти, а также установил широкое описание сущности ГЧП и его особенностей. Таким образом, частный сектор в рамках договора ГЧП принимает на себя важную роль в обеспечении эффективного предоставления товаров/оказания услуг, но не полностью, а лишь частично, так как основные социальные обязательства перед гражданами остаются у государства. ГЧП имеет достаточно сильную социально-экономическую значимость, а также ряд преимуществ для домохозяйств, государства и частного сектора.

Особенности формирования и реализации финансового механизма государственно-частного партнерства

Реализация проектов ГЧП происходит в разных сферах. Для России основными сферами являются коммунально-энергетическая среда, транспортная среда, социальная сфера, а также иные сферы (например, жилищное строительство, благоустройство, ИТ-инфраструктура, оборона и безопасность страны, сельскохозяйственная инфраструктура). Согласно данным аналитического обзора, подготовленного Национальным центром ГЧП и ВЭБ.РФ [Инвестиции в инфраструктуру и ГЧП], наибольшее количество проектов приходится на коммунально-энергетическую сферу (2 662 проекта), затем идет социальная сфера (536 проектов), далее — транспортная сфера (154 проекта) и потом иные сферы (88 проектов). При этом самый большой объем инвестиций приходится на транспортную сферу (2,8 трлн руб.), что говорит о высокой стоимости реализации проектов в данной сфере и необходимости высокой степени контроля за ходом реализации проектов ГЧП в этом направлении.

В целом рынок инфраструктурных инвестиций в России имел положительную динамику до 2019 г., однако начиная с 2020 г. ситуация немного изменилась — произошло замедление темпов роста количества ГЧП-проектов (3 440 проектов в 2020 г. против 4 285 проектов в 2019 г.), что связано со многими факторами, такими как увеличение стоимости строительных материалов, общее повышение цен, рост инфляции, пандемия COVID-19, сниженный уровень платежеспособного спроса, нестабильная геополитическая ситуация и т. д. При этом, согласно рис. 1, совокупный объем инвестиций в проекты ГЧП (накопительным итогом) продолжает расти и по состоянию на 2021 г. равен почти 4,7 трлн руб. (однако прирост незначительный +5% по сравнению с 2020 г.).

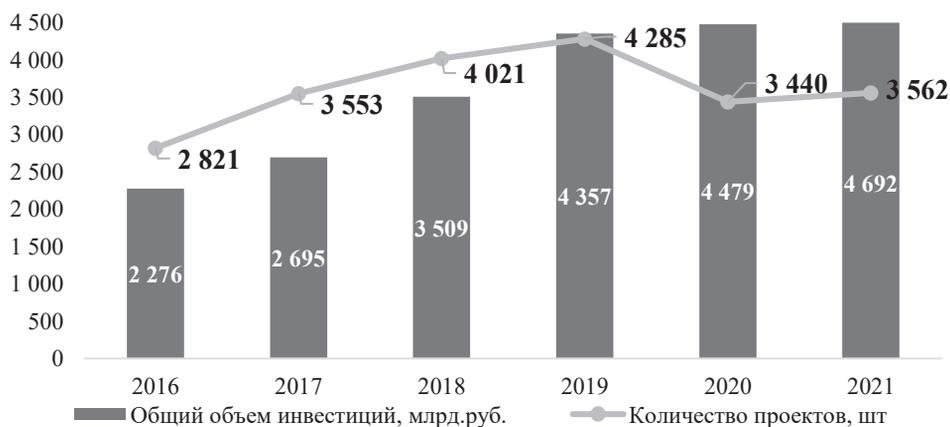

Рис. 1. Рынок инфраструктурных инвестиции в России (накопительным итогом)

Fig. 1. Infrastructure investment market in Russia (cumulative total)

Все проекты ГЧП, находящиеся в реализации, основываются на определенных принципах взаимодействия, а именно: доступность и открытость информации и действий механизмов ГЧП; обеспечение конкуренции; отсутствии дискриминации при ведении отбора исполнителей на реализацию проектов в форме ГЧП.

Существуют и дополнительные принципы, характеризующиеся отсутствием различных преференций для частного партнера со стороны государства. Примерами таких принципов являются: свобода заключения ГЧП соглашения и отсутствие дискриминации, обеспечение и реализация равенства сторон соглашения о проекте ГЧП. Остальные принципы являются производными от основных и дополнительных принципов, регламентирующих добросовестную реализацию проектов в рамках установленных договорных обязательств.

Характеристика формирования и реализации финансового механизма проектов ГЧП определяется спецификой самого ГЧП, которое является долгосрочным инновационным способом финансирования со стороны государства и бизнеса крупных инвестиционных проектов. Данная специфика учитывает:

- объектную и предметную область реализации проектов ГЧП, а именно собственность государства или муниципального образования, участвующую в реализации проектов. Помимо этого, к предметной области таких проектов следует относить и услуги, которые оказываются казенным и бюджетным учреждениями при выполнении проекта ГЧП;
- наличие специального заключенного контракта (в форме договора или соглашения), законодательно закрепляющего механизм и форму взаимодействия бизнеса и публичных органов власти в лице государства;
- делегирование рисков и макроэкономических шоков между всеми участниками проекта. К макроэкономическим шокам, по мнению авторов, следует относить

кризисы финансовых рынков, повышение инфляционных ожиданий, а также другие внешние и внутренние факторы, влияющие на финансовую устойчивость организации бизнес-процессов;

- взаимодействие государства и бизнеса в рамках обеспечения исполнения по долевым, а также же по долговым обязательствам.

Исходя из представленных характеристик, финансовый механизм ГЧП в узком смысле можно определить как структуру взаимодействия финансовых рычагов, методов и инструментов выполнения данного проекта, которые характеризуются полнотой, открытостью и четким надзором реализации финансовых обязательств двух сторон по законодательно установленным контрактам ГЧП.

Конструкция (или структура) финансового механизма ГЧП представляет собой взаимодействие и сочетание их элементов, а именно: видов и форм, методов организации финансовых взаимоотношений (рис. 2). Такая структура работает благодаря определению количественных и качественных индикаторов, а также параметров каждого элемента структуры.

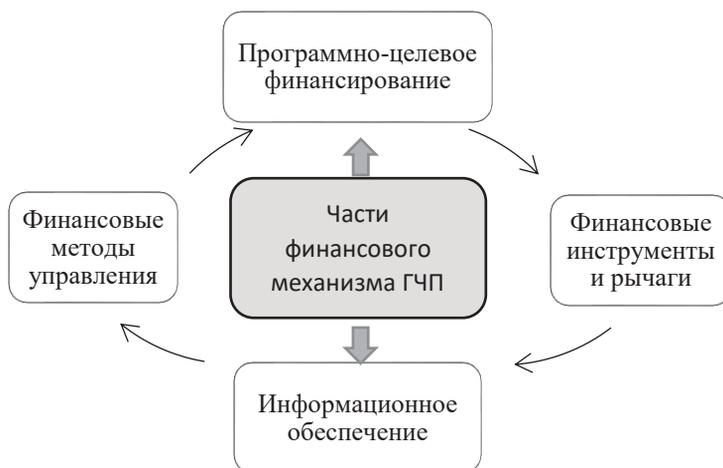

Рис. 2. Структура финансового механизма ГЧП

Fig. 2. Structure of the PPP financial mechanism

Источник: составлено авторами

Программно-целевое финансирование проектов ГЧП характеризует:

- 1) аккумуляция различных финансовых ресурсов, а также определение их источников за счет постоянного взаимодействия бизнеса и власти для планирования приоритетных направлений реализации проектов (зачастую в России — проектов, нацеленных на реализацию государственных программ). Критериями отбора финансовых ресурсов и источников их финансирования в данном случае является синергетический социально-экономический и инвестиционный эффект, планируемый как конечная цель реализации проекта;

- 2) выполнение стратегических целей и задач федеральной и региональной политики. В таком случае действует режим экономического равноправия, а также взаимной ответственности сторон — то есть все участники ГЧП имеют равные права и несут равную ответственность при реализации проекта (за исключением случаев, когда права, обязанности и ответственности закрепляются за одной из сторон действующим контрактом ГЧП).

Под финансовыми методами управления как элемента структуры финансового механизма ГЧП подразумевается наличие и ведение инструментов финансового планирования; возможность оперативного вмешательства в рамках управления финансовыми ресурсами; наличие финансового обеспечения; бюджетное и финансовое регулирование возникающих вопросов и задач, а также ведение их финансового контроля и надзора.

Финансовые инструменты и рычаги — это элемент структуры финансового механизма ГЧП, который влияет на структуру капитала и размер коммерческой и социально-экономической эффективности (данный структурный элемент больше относится к бизнесу, нежели к государству). Среди известных финансовых рычагов, которые могут повлиять на эффективность, авторы относят следующие: налоги и сборы, проценты по кредитам (низкая процентная ставка по сравнению с ключевой ставкой Центрального банка России), финансовые нормы и стимулы, а также санкции и штрафы. Такие рычаги помогают определить соотношение и взаимодействие различных источников финансирования и, как следствие, проанализировать рентабельность и окупаемость реализуемого проекта.

Финансовые нормы и стимулы (в рамках финансовых инструментов и рычагов) включают в себя введение со стороны государства капитальных и операционных грантов, позволяющих компенсировать затраты организации. Объемы представляемых грантов варьируются в зависимости от понесенных затрат конкретной организацией, ее структуры и масштабов. В совокупности данные финансовые рычаги позволяют компенсировать и освободить денежные ресурсы ГЧП-организации, направляя их на решение конкретных структурных и финансовых задач по реализации ГЧП-проекта.

Следует понимать, что представленные выше финансовые инструменты и рычаги в Российской Федерации в сфере ГЧП-проектов — это прежде всего потоки финансирования проектов ГЧП. Несмотря на разнообразие схем движения денежных средств, наиболее популярным потоком финансирования в российской практике является финансирование со стороны государства.

Следующим пунктом в общей структуре финансового механизма ГЧП является информационное обеспечение. Оно подразумевает собой формирование и совершенствование имеющейся законодательной базы, а также определение аналитических индикаторов и показателей, характеризующих принятие эффективных управленческих решений в аспекте ведения финансовой деятельности ГЧП. Вполне логичен тезис, что чем больше финансовых ресурсов, задействованных в реализации проекта, тем важнее качество поступающей информации. Впоследствии эта информация будет необходима для принятия управленческих решений для повышения результативности и эффективности процесса ГЧП.

Успешное формирование и реализация финансового механизма ГЧП не могут быть осуществлены без развитой институциональной среды. В рамках реализации проектов ГЧП институциональная среда — «внешнее поле», через которое происходит взаимодействие различных правовых и финансовых институтов, способствующих своей деятельностью реализации финансовых механизмов в рамках проектов ГЧП. Такое взаимодействие может осуществляться в форме инвестиционного проекта или проведения независимой оценки деятельности ГЧП. Авторами предлагается более широкая структура финансового механизма ГЧП, включающая в себя влияние внешних факторов (рис. 3).

Рис. 3. Полная структура финансового механизма ГЧП с детализацией влияния структурных элементов

Fig. 3. The complete structure of the PPP financial mechanism with details of the impact of structural elements

Источник: составлено авторами

Таким образом, формирование и реализация финансового механизма ГЧП основывается на нескольких ключевых принципах и факторах: поощрение частной инициативы в рамках привлечения дополнительных финансовых ресурсов; распределение в равной степени рисков и выгод между бизнесом и государством; использование ресурсов извне

(институциональная среда) и капитала бизнеса для определения и решения наиболее значимых социально-экономических задач; при этом регулятивная и контрольная функции за распределением ресурсов переходят на сторону ответственности государства; рост заинтересованности проектов ГЧП за счет привлечения внеэкономических ресурсов (информационных или трудовых — за счет создания новых рабочих мест).

Следует отметить, что организация и реализация финансового механизма ГЧП состоит из двух ключевых равнозначных элементов — механизма финансирования проекта ГЧП и инструментов определения и выплаты компенсаций для частного партнерства. По мнению авторов, основным компонентом является его финансовое обеспечение. Именно этот компонент определяет уровень экономической эффективности и инвестиционного потенциала всего проекта ГЧП. Финансовое обеспечение в широком смысле — это уровень достаточности имеющихся финансовых ресурсов для достижения поставленных целей проекта, повышения его эффективности.

В Российской Федерации основной упор на финансовую нагрузку в рамках финансирования проектов ГЧП приходится на бюджетные средства. В связи с данным фактом особую роль в механизме обеспечения эффективного финансирования приобретают рациональные управленческие решения в рамках общего бюджетного финансирования.

Сравнительный анализ отечественной практики и практики Великобритании, Франции и Германии в вопросе финансирования проектов ГЧП позволил выделить ряд некоторых особенностей. Во-первых, оба подхода ссылаются на анализ качества и структуры индикаторов эффективности проекта. Однако зарубежные страны при определении структуры финансирования проектов особое внимание уделяют разграничению зон ответственности (рисков) между сторонами ГЧП. Во-вторых, держатели и фасилитаторы денежных потоков в зарубежных странах уделяют особое внимание вопросу эффективности участия частного партнерства, нежели вопросам бюджетного финансирования. Такой подход не всегда работает/целесообразен в российской практике. В-третьих, в проанализированных работах зарубежных исследователей «при определении оптимальной доли участия в капитале публичного партнера в качестве основного показателя бюджетной эффективности используется не чистый дисконтированный доход, а государственный компаратор»¹ (public sector comparator или PSC)» [Корольков].

Данные подходы помогают в делегировании автономии принятия рисков между государством и бизнесом, а также обеспечивают доверие в рамках управления и формализации структуры финансирования, что в итоге повышает эффективность всего механизма финансирования проектов ГЧП.

Таким образом, существуют разные подходы и опыт в вопросе финансирования проектов ГЧП. Однако и отечественные, и зарубежные исследователи рассматривают

¹ Компаратор — это техническая конструкция, подробно описывающая все затраты государственного сектора, если проект реализуется традиционно. Компаратор государственного сектора используется правительством для принятия решений путем проверки инвестиционного предложения, предложения цены и качества, в сравнении с наиболее эффективной формой — государственными закупками.

понятие реализации финансового механизма ГЧП достаточно поверхностно. Проанализированные авторами работы позволили сформулировать широкую и узкую трактовки данного механизма. В широком смысле реализация финансового механизма ГЧП — структурный элемент общего финансового механизма ГЧП, который включает в себя способы, формы и факторы привлечения внебюджетных и бюджетных денежных средств. В узком смысле — это комплексный подход к определению методов, инструментов и принципов возможного привлечения бюджетных ресурсов с элементами финансирования со стороны внебюджетных средств для выполнения наиболее затратных частей проекта ГЧП.

Итак, формирование и реализация финансового механизма ГЧП — это синергетический комплексный эффект взаимодействия и использования источников финансирования для реализации совместной длительности государства и бизнеса в рамках установленного проекта. Так как ключевой составляющей спроса в рамках проекта ГЧП являются инвестиции, то сам финансовый механизм следует рассматривать с точки зрения последующего роста инвестиционного и социально — экономического потенциала субъекта, на территории которого и проходит реализация ГЧП-проекта.

Направления совершенствования финансового механизма государственно-частного партнерства

Процесс реализации ГЧП-проекта представляет собой рассчитанную по времени систему мероприятий по созданию нового объекта, либо обновлению существующего в рамках ведения предпринимательской деятельности. Каждый ГЧП уникален — размер, сложность и необходимый накопленный опыт различаются в зависимости от объемов работ и финансирования.

При налаженном взаимодействии государства и бизнеса происходит комплексная модернизация системы финансирования для удовлетворения потребностей всего проекта. Так, показатель ROI, отвечающий за возврат и окупаемость инвестиций, становится более значимым и легкодостижимым в проекты взаимодействия государственно-частного партнерства, нежели в исключительно частные или государственные проекты.

В зависимости от структуры финансирования ГЧП-проекта могут задействоваться различные бонусы за досрочную реализацию, что также ведет к повышению эффективности общего механизма ГЧП как определенного стимула. Помимо всего прочего, инвестирование ГЧП-проектов со стороны бизнеса высвобождает ресурсы государства, которые могут быть направлены на другие области развития экономики.

В то же время, накопленный опыт ГЧП-проектов показал их уязвимость в рамках организации их структуры и реализации финансирования. Проведенный анализ позволил детализировать существующие проблемы финансирования и организации ГЧП-проектов и выявить их пути решения. Основными выявленными проблемами являются: финансовая зависимость регионов от федерального бюджета; слабо разработанные методики оценки в сфере ГЧП; редкая обновляемость перечня инструментов проектного финансирования; отсутствие достаточно квалифицированных кадров в разных отраслях сферы ГЧП; некачественная оценка рисков и последствий проекта ГЧП как бизнесом,

так и государственными партнерами и их неэффективное распределение; недостаточный уровень стратегического национального и регионального планирования.

Первой значительной проблемой, выявленной в ходе анализа, является финансовая зависимость регионов от федерального бюджета. Многие публично-правовые образования находятся в прямой зависимости от федеральных источников финансирования. Это комплексная проблема конкретно дотационных регионов (например, таких как Республика Крым, Саха, Дагестан, Чеченская Республика, Ставропольский край и др.). Однако она характеризует общую привлекательность для частных инвестиций в регион, которые задействованы в рамках ГЧП-проектов. Высокодотационные регионы имеют более низкую инвестиционную привлекательность для частного капитала, что в свою очередь снижает объемы финансирования в ГЧП-проекты со стороны бизнеса.

При высокой дотационности региона для частной стороны могут возникать дополнительные риски, которые могут отторгнуть инвестора от финансирования в проекты ГЧП в данном субъекте Российской Федерации. Такими рисками могут быть:

- 1) низкий кредитный рейтинг региона и небольшой объем собственных денежных средств (при выпуске облигаций регионы с низким кредитным рейтингом будут менее привлекательны для инвесторов, а значит у такого региона будет меньше возможностей по софинансированию в проекты ГЧП);
- 2) высокая долговая нагрузка региона (при возникновении дефицита бюджета для региона будет приоритетнее финансирование общих статей расходов, нежели софинансирование в проекты ГЧП);
- 3) высокий уровень демографической нагрузки на бюджет (при диспропорции в сторону нетрудоспособного населения, у региона повышен уровень социальных расходов), что также ведет к неспособности региона софинансировать достаточный объем денежных средств в рамках ГЧП-проектов;
- 4) низкий уровень стратегического планирования, что снижает уровень дисциплины составления и исполнения бюджета, а следовательно, и исполнения всех проектов ГЧП, на которые были выделены средства регионом;
- 5) изменение объемов финансирования регионом проектов ГЧП в связи с сокращением поддержки со стороны федерального бюджета (из-за нарушения условий договоров в рамках дотаций).

В связи с этим перед государством и бизнесом стоит труднейшая задача по повышению заинтересованности властей публично-правовых образований к реализации инвестиционных проектов посредством выполнения механизмов финансирования ГЧП.

Для решения проблемы финансовой зависимости региона от федерального бюджета предлагается разработать инструменты снижения зависимости публично-правовых образований от федерального финансирования, а также создать условия для улучшения инвестиционной привлекательности. Для этого необходима реализация механизмов территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР). Данный механизм показывает успешную деятельность в развитых регионах и помогает преодолеть проблемы долговой устойчивости и дотационности.

Помимо этого, организационная структура ТОСЭР предлагает дополнительные преференции (например, использование специального налогового режима, пониженные тарифы страховых взносов, льготные налоговые ставки по налогу на прибыль организаций, ускоренный порядок возмещения НДС, льготные ставки по налогу на имущество организаций и др.). В российской практике данный механизм стал активно реализовываться с 2014 г., повышая при этом инвестиционную привлекательность в среднем на 14% [Гнатышина, 2019]. Реализация такой организационной структуры в рамках определенной территории позволяет обеспечить регионы высокотехнологической продукцией, разработанной на базе частной инициативы при создании благоприятных условий со стороны государства. Такое влияние помогает обеспечить общий приток частного инвестирования, которое может аккумулироваться в рамках реализации ГЧП-проекта. Другими словами, повышая общую привлекательность посредством реализации ТОСЭР, публично-правовое образование может обеспечить привлечение объемов частного капитала, в том числе для реализации ГЧП-проектов.

Использование системы ТОСЭР в рамках проектов ГЧП является перспективным направлением, так как на текущий момент в 85 субъектах Российской Федерации реализовано более 100 площадок ТОСЭР. Однако данное решение несет в себе риск применения системы ТОСЭР только в финансовых устойчивых регионах, что не позволит решить основную затрагиваемую проблему. Для минимизации/полного устранения данного риска предлагается внедрять систему ТОСЭР в тех публично-правовых образованиях, для которых определен низкий кредитный рейтинг и высокий уровень дотационности и государственного (муниципального) долга. Ярким примером такого публично-правового образования выступает республика Крым, где видится целесообразным формирование туристско-рекреационного типа ТОСЭР. Благодаря имплементированию системы ТОСЭР в проекты ГЧП факторы, отталкивающие частные инвестиции в регион, будут постепенно ликвидированы.

Следующей проблемой в рамках реализации финансового механизма ГЧП является слабо разработанные методики оценки в сфере ГЧП. Согласно проведенному анализу, многие ГЧП-проекты сталкиваются с несоответствием фактических финансовых результатов плановым, с превышением плановых бюджетных расходов и с превышением запланированных сроков реализации ГЧП-проекта. Данная проблема свидетельствует о недостаточном уровне качества реализации ГЧП-проекта, его структурного менеджмента.

Частный бизнес и инвесторы так же часто ограничены существующими стандартами и ограниченным доступом к передовому опыту в рамках традиционных подходов финансирования ГЧП-проектов. Однако принцип работы ГЧП предполагает поощрение новаторских решений проблем концессионерами на этапах торгов, проектирования, строительства и долгосрочной эксплуатации проекта (что в российской практике слабо прослеживается).

Для решения проблемы отсутствия разработанных методик оценки в сфере ГЧП рекомендуется модернизировать общую методику осуществления ГЧП-проектов. Согласно исследованию PricewaterhouseCoopers, данное решение может положительно повлиять на развитие ГЧП, а следовательно, и его финансового механизма [PwC].

На взгляд авторов, эффективным решением будет создание и внедрение системного подхода к управлению проектами ГЧП, ведь в существующих постановлениях о ГЧП такая информация отсутствует (то есть у бизнеса и государства нет базы для решения проблем, вызванных изменением внешних и внутренних факторов). Существующая нормативная база не учитывает особенностей реализации финансового механизма проектов ГЧП в рамках разных регионов. При этом различные климатические, социальные, экономические, территориальные условия могут сильно влиять на ход выполнения проекта ГЧП и его финансирования.

Следующая проблема связана с отсутствием достаточно-квалифицированных кадров в разных отраслях сферы ГЧП, что сильно влияет на эффективность реализации финансового механизма ГЧП и проектов в целом. Формирование проектной команды, включающей специалистов с релевантными знаниями и опытом работы критически важно для успешной реализации ГЧП-проекта [Делмон, 2010]. Решением проблемы нехватки навыков и знаний в сфере государственно-частного партнерства у государственных и муниципальных служащих могут стать инструменты повышения эффективности существующих институтов обучения и создание стимулов для работников сферы ГЧП.

В совокупности формирование общей методики с внедрением в нее описательной части «лучших практик», учетом особенностей регионов, а также повышение эффективности существующих институтов обучения и создание стимулов для работников сферы ГЧП приведет к снижению риска принятия неэффективных финансовых решений на разных этапах жизненного цикла ГЧП-проекта. Это позволит повысить эффективность механизма финансирования таких проектов.

Следующей проблемой, негативно влияющей на механизм финансирования ГЧП-проекта и общую структуру функционирования ГЧП является проблема некачественной оценки рисков и последствий проекта ГЧП как бизнесом, так и государственными партнерами и их неэффективное распределение. Некоторые финансовые риски могут быть уменьшены и разделены с помощью финансовых инструментов, известных как производные инструменты (например, свопы, форварды, фьючерсы или опционы). Как правило, такие финансовые механизмы предполагают оплату одной стороной другой в обмен на комиссию. В некоторых случаях контрагенты могут заменять риски (или обмениваться рисками), при этом каждый из них платит разное вознаграждение в случае таких непредвиденных обстоятельств. Например, валютный риск можно уменьшить путем обмена существенной суммы денег на другого участника рынка или покупки валюты по фиксированной цене в будущем. Более того, надлежащее страхование возможных валютных рисков увеличивает вероятность получения частным инвестором или бизнесом запланированного дохода, а также снижает возможные затраты и риск. Другие риски, такие как процентные и товарные, можно так же регулировать с помощью деривативов [Официальный сайт Международной ассоциации свопов и деривативов...].

Еще одной выявленной в ходе анализа проблемой является недостаточный уровень стратегического национального и регионального планирования. Проблема корреляции между концепцией инвестиционного проекта, ГЧП-проекта и социально-экономическим положением публично-правового образования в существующей российской прак-

тике сильно размыта. Перечисленные компоненты могут финансироваться со стороны государства одновременно используя государственные программы, что ведет к неэффективному расходованию бюджетных средств.

В связи с этим авторами предлагается декомпозиция политики финансирования указанных проектов и программ в части определения уточняющих нормативных правовых актов, где предмет достижения эффективного расходования бюджетных средств не будет пересечен между проектами ГЧП, инвестиционными проектами и государственными программами, связанными с социально-экономическим развитием публично-правового образования. Данная концепция позволит определить/уточнить зону ответственности внешних контрольных органов, отвечающих за эффективность бюджетных средств и включаемую в нее экономность, результативность и продуктивность. Проведение более глубокого контроля позволит определить излишне потраченные бюджетные средства со стороны государства, что в итоге позволит их сохранить и повысить уровень общего механизма финансирования ГЧП-проекта.

Следующей проблемой является вопрос редко обновляемого перечня инструментов проектного финансирования. Совершенствование механизма финансирования ГЧП-проекта должно исходить в первую очередь от государства, которое заинтересовано в обеспечении социального эффекта и удовлетворении потребностей населения. Здесь следует понимать, что именно государство несет ответственность за предоставление качественных и доступных услуг населению. Частный партнер же по большей степени заинтересован в поддержании требуемой доходности проводимого ГЧП-проекта, поддержании или снижению риска и повышению своей чистой прибыли от реализации проекта. Поэтому именно частная сторона требует принятие от государства наиболее предпочтительных механизмов финансирования, под которые частная сторона «подстраивается».

Частный бизнес должен быть также заинтересован в достижении социально-экономических улучшений своей страны, как и государство. Для этого необходима сильная государственная финансовая поддержка и обеспечение безопасности хода реализации проекта ГЧП. Благодаря этому частная сторона сможет сконцентрировать свои силы на качественной и эффективной реализации поставленных в рамках проекта задач.

Таким образом, отмечена важность выявленных проблем и способов их преодоления. Для решения всех рассмотренных проблем, негативно влияющих на функционирование и реализацию финансового механизма ГЧП, предложено:

- 1) сформировать единую методику, отвечающую вызовам и текущим требованиям, которая будет учитывать предложения авторов по оптимизации механизма финансирования ГЧП-проекта;
- 2) сформировать единый портал — ГИС-систему, которая будет апробирована согласно предлагаемой методике и нуждам государственного — частного партнерства;
- 3) внедрить механизмы ТОСЭР для снижения финансовой зависимости регионов от федерального бюджета;

- 4) модернизировать общую методику реализации ГЧП-проектов посредством включения в нее описания системного подхода к управлению проектами и включения особенностей территориальной дифференциации при формировании и исполнении проектов;
- 5) применять инструменты повышения эффективности существующих институтов обучения и создание стимулов для работников сферы ГЧП;
- 6) формирование матрицы рисков, раскрывающей степень влияния тех или иных факторов на ход реализации проекта ГЧП в процессе каждого этапа жизненного цикла проекта;
- 7) декомпозиция политики финансирования проектов ГЧП через определение уточняющих нормативных правовых актов, где предмет достижения эффективного расходования бюджетных средств не будет пересечен между проектами ГЧП, инвестиционными проектами и государственными программами;
- 8) повышение частоты обновляемости перечня инструментов проектного финансирования в рамках проектов ГЧП.

Заключение

Таким образом, были рассмотрены основные этапы становления ГЧП. Было выяснено, что зачатки ГЧП появились еще в XVI в. и они изучались меркантилистами, сторонниками классической политической экономии, неоклассической экономической теории и др. Выделены основные триггеры становления ГЧП, а именно: приватизация государственных активов, отсутствие достаточных объемов финансовых ресурсов только лишь у государства для успешной реализации крупных социально-значимых проектов и низкая мобильность и адаптивность изменяющимся реалиям государства по сравнению с частным сектором.

Сформирована общая структура финансового механизма ГЧП, которая включает в себя следующие основные компоненты:

1. Формы ГЧП (концессия, соглашение о ГЧП/МЧП, инвестиционный договор и др.).
2. Финансовые инструменты (процентная ставка, долговое финансирование, доленое финансирование, налоговые ставки, налоговые льготы, государственные гарантии и др.).
3. Финансовые методы (финансовое планирование, финансовый учет, финансовое регулирование, финансовый контроль и др.).
4. Нормативное обеспечение (кодексы, федеральные законы, постановления Правительства РФ и т. д.).

Дополнительными компонентами определены:

- 1) информационное обеспечение (т. е. соответствующая цифровая технологическая база);
- 2) институциональная среда (политико-правовые институты, нацеленные на обеспечение гражданских и политических прав граждан, а также на исполнение

законодательства; институты, обеспечивающие развитие человеческого капитала. Прежде всего, это касается образования, здравоохранения, пенсионной системы и обеспечения жильем. Ключевой проблемой развития этих секторов является проведение институциональных реформ — выработка новых правил их функционирования; институты развития, нацеленные на решение конкретных системных проблем экономического роста, то есть правила игры, нацеленные не на всех участников хозяйственной или политической жизни, а на некоторых из них).

Основные проблемы, препятствующие эффективному функционированию ГЧП и его финансового механизма, включают в себя: финансовая зависимость регионов от федерального бюджета; слабо разработанные методики оценки в сфере ГЧП; редкая обновляемость перечня инструментов проектного финансирования; некачественная оценка рисков и последствий проекта ГЧП как бизнесом, так и государственными партнерами и их неэффективное распределение; недостаточный уровень стратегического национального и регионального планирования; отсутствие достаточно квалифицированных кадров в разных отраслях сферы ГЧП.

Для решения первой проблемы (финансовой зависимости региона от федерального бюджета) предложена реализация механизмов ТОСЭР. Реализация такой организационной структуры позволяет обеспечить регионы высокотехнологической продукцией, разработанной на базе частной инициативы при создании благоприятных условий со стороны государства. Такое влияние помогает обеспечить общий приток частного инвестирования, которое может аккумулироваться в рамках реализации ГЧП-проекта.

Для решения второй проблемы предлагается модернизировать общую методiku осуществления ГЧП-проектов. Необходимо внедрить описание системного подхода к управлению проектами ГЧП. Существующая нормативная база не учитывает особенностей реализации финансового механизма проектов ГЧП в рамках разных регионов. При этом различные климатические, социальные, экономические, территориальные условия могут сильно влиять на ход выполнения проекта ГЧП и его финансирования.

Для решения третьей проблемы рекомендуется активнее внедрять и использовать инновационные передовые методы в рамках финансового механизма ГЧП. Помимо этого, видится возможной концепция, при которой частная сторона сама вправе определять наиболее предпочтительный механизм финансирования. Данный факт поможет найти удовлетворяющую модель финансирования как для государства, которое будет освобождено от бремени управления, так и для частного бизнеса.

Для решения четвертой проблемы предложено использовать производные финансовые инструменты в качестве инструментов хеджирования рисков. Например, валютный риск можно уменьшить путем обмена существенной суммы денег на другого участника рынка или покупки валюты по фиксированной цене в будущем. Более того, надлежащее страхование возможных валютных рисков увеличивает вероятность получения частным инвестором или бизнесом запланированного дохода, а также снижает возможные затраты и риск. Другие риски, такие как процентные и товарные, можно так же регулировать с помощью деривативов.

Для решения пятой проблемы видится возможным декомпозиция политики финансирования указанных проектов и программ в части определения уточняющих нормативных правовых актов, где предмет достижения эффективного расходования бюджетных средств не будет пересечен между проектами ГЧП, инвестиционными проектами и государственными программами, связанными с социально-экономическим развитием публично — правового образования. Данная концепция позволит определить/уточнить зону ответственности внешних контрольных органов, отвечающих за эффективность бюджетных средств и включаемую в нее экономность, результативность и продуктивность.

Для решения шестой проблемы предложено создать инструменты повышения эффективности существующих институтов обучения и создание стимулов для работников сферы ГЧП.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Борщевский Г. А. 2018. Государственно-частное партнерство: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Изд-во Юрайт. 412 с. URL: <https://urait.ru/viewer/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-411964>
- Варнавский В. Г. 2009. Государственно-частное партнерство: монография. М.: ИМЭМО РАН. Т. 1. 312 с. URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2009/09052.pdf>
- Гнатышина Е. И. 2019. Преференции. ТОСЭР — как метод стимулирования малого и среднего бизнеса // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. № 1 (55). С. 64–71.
- Делмон Дж. 2010. Государственно-частное партнерство в инфраструктуре: практическое руководство для органов государственной власти. Всемирный Банк. Государственно-частный консультационный центр по инфраструктуре. URL: http://www.fa.ru/org/chair/gchp/Documents/biblio/Делмон%20public_private_partner.pdf
- Инвестиции в инфраструктуру и ГЧП 2020: аналитический обзор. Аналитический центр ГЧП. 2020. URL: <https://rosinfra.ru/digest/documents/one/investicii-v-infrastrukturu-i-gcp-2020-analiticeskij-obzor>
- Йескомб Э. Р. 2015. Государственно-частное партнерство: Основные принципы финансирования М.: Альпина Паблишер. 457 с. URL: <http://www.fa.ru/org/chair/gchp/Documents/biblio/Йескомб%20Государственно-частное%20партнерство.pdf>
- Корольков И. А. Мировой опыт оценки эффективности и целесообразности применения механизмов государственно-частного партнерства и его применимость в Российской Федерации. URL: <https://www.sworld.com.ua/konfer32/889.pdf>
- О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102376338&rdk=&backlink=1>
- О концессионных соглашениях: Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 30. Ст. 3126.

- Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах: Закон Санкт-Петербурга № 627-100 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=131031432&page=1&rdk=4#10
- Официальный сайт Международной ассоциации свопов и деривативов (ISDA). URL: <http://www.isda.org/>
- Туган-Барановский М. И. 1909. Основы политической экономии. СПб: Типография акц. общ. «Слово». URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003763339/
- PwC. 2014. Capital project and infrastructure spending. Outlook to 2025 research findings. Oxford Economics. URL: <https://www.pwc.com/my/en/assets/publications/cpi-spending-outlook-to-2025-research-findings.pdf>
- Mill J. S. 1848. Principles of Political Economy with Some of Their Applications to Social Philosophy. URL: <https://oll.libertyfund.org/titles/mill-principles-of-political-economy-ashley-ed>
- Mostepaniuk A. 2016. The Development of the Public-Private Partnership Concept in Economic Theory // Advances in Applied Sociology. Vol. 6. No. 11. P. 375–388. <https://doi.org/10.4236/aasoci.2016.611028>
- Petty W. 1662. A Treatise of Taxes and Contributions. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/61588/pg61588-images.html>
- Pigou A. 1920. The Economics of Welfare. URL: http://files.libertyfund.org/files/1410/Pigou_0316.pdf
- Smith A. 2016. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations // Delphi Complete Works of Adam Smith. Delphi Classics.

References

- Borshchevskiy, G. A. (2018). *Public-Private Partnership: Textbook and Workshop for undergraduate and graduate students*. Urait Publishing. <https://urait.ru/viewer/gosudarstvenno-chastnoe-partnerstvo-411964> [In Russian]
- Varnavskiy, V. G. (2009). *Public-Private Partnership: A Monograph* (Vol. 1). IMEMO RAS. <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2009/09052.pdf> [In Russian]
- Gnatyshina, E. I. (2019). Preferences. TOSER — as a method of stimulating small and medium-sized businesses. *Vestnik Povolzhskogo gosudarstvennogo universiteta servisa. Seriya: Ekonomika*, (1), 64–71. [In Russian]
- Delmon, J. (2010). *Public-private partnership in infrastructure. Practical guide for public authorities. The World Bank. Public-private consulting center for infrastructure*. http://www.fa.ru/org/chair/gchp/Documents/biblio/Делмон%20public_private_partner.pdf [In Russian]
- Investments in Infrastructure and PPP 2020. Analytical Review* (n.d.). <https://rosinfra.ru/digest/documents/one/investicii-v-infrastrukturu-i-gcp-2020-analiticeskij-obzor> [In Russian]
- Yescombe, E. R. (2015). *Public-Private Partnership: Principles of Policy and Finance*. Alpina Publisher. <http://www.fa.ru/org/chair/gchp/Documents/biblio/Йескомб%20Государственно-частное%20партнерство.pdf> [In Russian]
- Korol'kov, I. A. (n.d.). *World experience in assessing the effectiveness and expediency of the use of public-private partnership mechanisms and its applicability in the Russian Federation*. <https://www.sworld.com.ua/konfer32/889.pdf> [In Russian]

- On public-private partnership, municipal-private partnership in the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation, RF Federal Law No. 224-FZ of July 13, 2015 (2015). *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102376338&rdk=&backlink=1> [In Russian]
- On concession agreements, RF Federal Law No. 115-FZ of July 21, 2005 (2005). *Sobranie zakonodatel'stva RF*, (30), art. 3126. [In Russian]
- On the participation of St. Petersburg in public-private partnerships, Law of St. Petersburg No. 627-100 (2006). *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=131031432&page=1&rdk=4#I0 [In Russian]
- Official website of the International Swaps and Derivatives Association (ISDA)* (n.d.). <https://www.isda.org/> [In Russian]
- Tugan-Baranovsky, M. I. (1909). *Basics of Political Economy*. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003763339/ [In Russian]
- PwC. (2014). *Capital Project and Infrastructure Spending. Outlook to 2025 Research Findings*. Oxford Economics. <https://www.pwc.com/my/en/assets/publications/cpi-spending-outlook-to-2025-research-findings.pdf>
- Mill, J. S. (1848). *Principles of Political Economy with Some of Their Applications to Social Philosophy*. <https://oll.libertyfund.org/titles/mill-principles-of-political-economy-ashley-ed>
- Mostepaniuk, A. (2016). The Development of the Public-Private Partnership Concept in Economic Theory. *Advances in Applied Sociology*, 6(11), 375–388. <https://doi.org/10.4236/aasoci.2016.611028>
- Petty W. (1662). *A Treatise of Taxes and Contributions*. <https://www.gutenberg.org/cache/epub/61588/pg61588-images.html>
- Pigou, A. (1920). *The Economics of Welfare*. http://files.libertyfund.org/files/1410/Pigou_0316.pdf
- Smith, A. (2016). An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. In *Delphi Complete Works of Adam Smith. Delphi Classics*.

Информация об авторах

Юлия Габдрашитовна Тюрина, доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента общественных финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия
u_turina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5279-4901>

Анна Александровна Духовская, специалист в категорийном менеджменте, ООО «Данон», Москва, Россия
dukhovskajaa@mail.ru

Information about the authors

Yulia G. Tyurina, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor, Department of Social Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
u_turina@mail.ru

Anna A. Dukhovskaya, specialist in category management, Danone LLC, Moscow, Russia
dukhovskajaa@mail.ru

Содержание за 2022 год

Том 8. № 1 (29)

Социология

- 8 Восприятие кризиса: опыт пандемии COVID-2019
Ромашкина Г. Ф., Худякова М. В.
- 27 Предпринимательский потенциал жителей Беларуси, проживающих на загрязненных радионуклидами территориях
Каргаполова Е. В., Лашук И. В.
- 51 Парадоксы современного институционального развития крестьянских (фермерских) хозяйств
Андреянова Е. В., Давыденко В. А., Худякова Ю.
- 102 Структура общественно-политических ценностей молодежи в современном российском обществе: региональный аспект
Галкина Е. П., Кадничанская М. И.
- 120 Волонтеры крупных спортивных мероприятий в России и Индии
Сухарькова М. П., Синг Н.

Право

- 136 А была ли реформа: к вопросу о правовом значении поправок к Конституции Российской Федерации 2020 года
Ким Ю. В.
- 152 Государственно-территориальное устройство Российской Федерации: история и современное состояние
Гамирова А. С., Добрынин Н. М.
- 173 Общероссийская гражданская идентичность как конституционно-правовая категория в России
Руденко В. В.
- 189 Регулирование предварительного конституционного контроля в постсоветских государствах (сравнительно-правовой анализ и оценка перспектив развития в России)
Иванова Е. А., Петров А. А.
- 209 Ключевые подходы к правовому регулированию использования систем искусственного интеллекта
Кутейников Д. А., Ижаев О. А., Зенин С. С., Лебедев В. А.
- 233 Эволюция понятия должностного лица в отечественном законодательстве: проблемы и перспективы
Морозов В. И., Лосев С. Г., Чукреев А. А.

Экономика

- 249 Дизайн системы аналитического учета доходов и расходов управляющей компании в сфере ЖКХ
Токмакова Е. Г., Космачева А. Ю.
- 269 Разработка методики формирования команды проекта в системе HR-менеджмента организации
Булгакова И. Н., Александрова Т. В., Елохов А. М.
- 288 Таможенное администрирование внешнеторговых операций: основные направления и результаты
Попова Л. И.
- 307 Современные тенденции в налогообложении
Трофимова Е. А., Кольцова Т. А., Бакунова Т. В., Заборовская А. Е.
- 331 Эконометрическая оценка риск-премий на российском рынке акций
Овечкин Д. В., Болдырева Н. Б.

Том 8. № 2 (30)

Социология

- 6 Риски продовольственной безопасности в контекстах новой глобальной реальности
Андреянова Е. В., Давыденко В. А., Ушакова Ю. В.
- 67 Формирование и развитие человеческого капитала малых городов Арктики в социологическом измерении
Силин А. Н., Юдашкин В. А.
- 81 Экономика совместного потребления как социальноэкономическая модель
Батырева М. В., Агафонова Д. Ю.

Право

- 106 Эволюция права публичных собраний в России
Саленко А. В.
- 129 Понятие и виды гарантий права политических партий на участие в выборах
Коновальчиков Я. А.
- 152 Хищение безналичных денежных средств: уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты
Белых Ю. П., Ляцев Д. В.

Экономика

- 164 Влияние финансов малого и среднего бизнеса на уровень экономического благосостояния региона
Захарова К. А., Актаев Н. Е., Пургина А. Д.

- 184 Страхование жизни как инструмент повышения благосостояния населения России
Бабурина Н. А., Иванова Н. В., Рычкова А. О.
- 201 Электронная коммерция: возможности и угрозы современного бизнеса
Скипин Д. А., Кольцова Т. А., Шаргина М. В., Шаргина А. В.

Обзор

- 218 Научный обзор материалов заседания «круглого стола», посвященного 160-летию со дня рождения П. А. Столыпина, проведенного в рамках всероссийской научно-производственной конференции «Бренд-менеджмент пространств»
Пахомчик С. А.

Том 8. № 3 (31)

Социология

- 6 Трансформация социального поведения населения России в условиях пандемии COVID-19: анализ регионального опыта
Кадничанская М. И., Галкина Е. П.
- 21 Формирование трудовых практик людей с инвалидностью
Кичерова М. Н., Лозовая В. С.
- 43 Некогнитивные характеристики человеческого капитала и жизненные результаты
Хузяхметов Р. Р.

Право

- 58 Конституционная модернизация института местного самоуправления в Российской Федерации (историко-правовой аспект)
Носова Н. П., Савельев Д. А., Алиева О. В.
- 76 Гражданско-правовой режим генетической информации в контексте биоэтики
Абсалямова В. Г.
- 90 Современные тенденции развития правового регулирования пределов свободы слова
Большаков А. М.
- 109 Проблемы развития системы конституционного контроля в субъектах Российской Федерации после конституционной реформы 2020 года
Рудман М. Н., Туриянов А. Р.

Экономика

- 124 Анализ конкуренции на рынке услуг операторов сотовой связи Российской Федерации
Тутарова Н. В., Трофимова Е. А., Бакунова Т. В.

- 140 Налоговая конкуренция в свободных портах азиатско-тихоокеанского региона
Еремеева В. Н., Синенко О. А.
- 158 Оценка дебиторской задолженности как фактора риска внешнеторговой деятельности китайских предприятий химической промышленности
Викторова Н. Г., Ван Д., Осыка П. В.
- 173 Экономическая привлекательность регионов как условие приоритетного финансирования
Бубнов В. А., Аксенюшкина Е. В., Мамонова Н. В.
- 188 Виды коррупции и оценка ее влияния на социально-экономические процессы в обществе
Федотов Д. Ю.
- 211 Взаимосвязь и взаимозависимость качества жизни населения и общего уровня экономического благосостояния государства
Захарова К. А., Актаев Н. Е., Иванова Н. В.
- 229 Зависимость уровня налогового бремени предприятий от вида экономической деятельности и масштаба (на примере г. Санкт-Петербурга)
Вылкова Е. С., Покровская Н. В.

Том 8. № 4 (32)

Социология

- 6 Цифровые компетенции команд проектов трансформации университетов разных стран
Апенько С. Н.
- 23 Социально-экономические последствия банкротства физических лиц
Давыденко В. А., Данилова Е. П., Портняга Е. М.
- 65 Партнерство государства и некоммерческого сектора как объект социологических исследований: библиометрический анализ актуальных трендов в мировом научном сообществе
Телепаева Д. Ф., Тарасова А. Н., Певная М. В.

Право

- 82 Новеллы современного отечественного законодательства в сфере геномной терапии и перспективы их внедрения в повседневную жизнь
Васильев С. А.
- 97 Современное государственно-территориальное устройство Российской Федерации: правовые проблемы отечественного федерализма
Федорец М. Н.
- 113 Перспективы нормоконтроля в субъектах РФ после поправок 2020 г. к Конституции РФ
Савоськин А. В., Курятников В. В., Мещерягина В. А.

- 131 **Одиночный пикет в России и Германии: конституционноправовое изменение**
Саленко А. В.
- 145 **Пассивная форма реализации принципа информационной открытости в деятельности органов публичной власти**
Карасев А. Т., Руколеев В. А.

Экономика

- 160 **Анализ мер поддержки системообразующих организаций в период пандемии**
Демидова С. Е., Блошенко Т. А.
- 182 **Обзор и оценка мер социальной политики в зарубежных странах и в России в условиях COVID-19**
Барциц А. Д.

Обзор

- 198 **Научный обзор материалов третьего всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности**
Скипин Д. А., Кольцова Т. А.

Contents for 2022

Vol. 8. No. 1 (29)

Sociology

- 8 Perception of the crisis: the experience of the COVID-2019 pandemic
Romashkina, G. F. & Khudyakova, M. V.
- 27 Entrepreneurial potential of Belarus citizens living in areas contaminated by radionuclides
Kargapolova, E. V. & Lashuk, I. V.
- 51 Paradoxes of modern institutional development of peasant (farmer) farms
Andrianova, E. V., Davydenko, V. A., & Khudyakova, Yu.
- 102 The structure of socio-political values of the youth in modern Russian society: regional aspect
Galkina, E. P. & Kadnichanskaya, M. I.
- 120 Volunteers of sport mega-events in Russia and India
Sukharkova, M. P. & Singh, N.

Law

- 136 Was there a reform: to the question of the legal significance of the amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020
Kim, Yu. V.
- 152 State-territorial structure of the Russian Federation: history and current status
Gamirova, A. S. & Dobrynin, N. M.
- 173 All-Russian civil identity as a constitutional and legal category in Russia
Rudenko, V. V.
- 189 Regulation of preliminary constitutional review in the post-Soviet states (comparative legal analysis and evaluation of development prospects in Russia)
Ivanova, E. L. & Petrov, A. A.
- 209 Key approaches to the legal regulation of artificial intelligence
Kuteynikov, D. L., Izhaev, O. A., Zenin, S. S., & Lebedev, V. A.
- 233 Evolution of the concept of an “official” in the domestic law: problems and prospects
Morozov, V. I., Losev, S. G., & Chukreev, A. A.

Economics

- 249 Design of an analytical accounting system for income and expenses of a management company in the housing and utilities sector
Tokmakova, E. G. & Kosmacheva, A. Yu.
- 269 Development of a methodology for building a project team in the HR-management system of an organization
Bulgakova, I. N., Alexandrova, T. V., & Elokhev, A. M.

- 288 Customs administration of foreign trade operations: main directions and results
Popova, L. I.
- 307 Modern trends in taxation
Trofimova, E. A., Koltsova, T. A., Bakunova, T. V., & Zaborovskaya, A. E.
- 331 Econometric assessment of risk premiums in the Russian stock market
Ovechkin, D. V. & Boldyreva, N. B.

Vol. 8. No. 2 (30)

Sociology

- 6 Food security risks in the context of a new global reality
Andrianova, E. V., Davydenko, V. A., & Ushakova, Yu. V.
- 67 Formation and development of human capital of small towns in the Arctic in the sociological dimension
Silin, A. N. & Yudashkin, V. A.
- 81 Collaborative consumption as a socio-economic model
Batyreva, M. V. & Agafonova, D. Yu.

Law

- 106 Evolution of the public assembly law in Russia
Salenko, A. V.
- 129 The concept and types of guarantees of the right of political parties to participate in elections
Konovalchikov, Ya. A.
- 152 Theft of non-cash funds means: criminal law, criminal procedure and the forensic aspects
Belykh, Yu. P. & Lyashev, D. V.

Economics

- 164 The impact of small and medium business finance on the level of economic wealth of the region
Zakharova, K. A., Aktaev, N. E., & Purgina, A. D.
- 184 Life insurance as a tool to increase the welfare of the Russian population
Baburina, N. A., Ivanova, N. V., & Rychkova, A. O.
- 201 E-commerce: opportunities and threats of modern business
Skipin, D. L., Koltsova, T. A., Shargina, M. V., & Shargina, A. V.

Overview

- 218 Scientific review of the materials of the round table meeting dedicated to the 160th anniversary of the birth of P. A. Stolypin, held as part of the All-Russian Scientific and Production Conference “Brand Management of Spaces”
Pakhomchik, S. A.

Vol. 8. No. 3 (31)**Sociology**

- 6 Transformation of social behavior of the Russian population in the context of the COVID-19 pandemic: analysis of regional experience
Kadnichanskaya, M. I. & Galkina, E. P.
- 21 Establishing work practices of people with disabilities
Kicherova, M. N. & Lozovaya, V. S.
- 43 Non-cognitive characteristics of human capital and life outcomes
Khuziakhetov, R. R.

Law

- 58 Constitutional modernization of the institution of local self-government in the Russian Federation
Nosova, N. P., Savelev, D. L., & Alieva, O. V.
- 76 The civil law regime of genetic information in the context of bioethics
Absalyamova, V. G.
- 90 Modern trends in the development of legal regulation of the limits of freedom of speech
Bolshakov, L. M.
- 109 Problems of developing the system of constitutional control in the constituent entities of the Russian Federation after the 2020 constitutional reform
Rudman, M. N. & Turyanov, A. R.

Economics

- 124 Analysis of competition in the market for cellular services in the Russian Federation
Tutarova, N. V., Trofimova, E. A., & Bakunova, T. V.
- 140 Tax competition in the free ports of the Asia-Pacific region
Yermeeva, V. N. & Sinenko, O. A.
- 158 Assessment of receivables as a risk factor for foreign trade activities of Chinese chemical enterprises
Victorova, N. G., Van, D., & Osyka, P. V.
- 173 Economic attractiveness of regions as a condition for priority financing
Bubnov, V. A., Aksenyushkina, E. V., & Mamonova, N. V.
- 188 Types of corruption and assessment of their impact on socio-economic processes in society
Fedotov, D. Yu.
- 211 Interrelationship and interdependence of the life population quality and the general level of the State economic well-being
Zakharova, K. A., Aktaev, N. E., & Ivanova, N. V.
- 229 Dependence of tax burden on the type of economic activity and scale (case of St. Petersburg)
Vylkova, E. S. & Pokrovskaya, N. V.

Vol. 8. No. 4 (32)

Sociology

- 6 Digital competencies of university transformation project teams from different countries
Apenko, S. N.
- 23 Socio-economic consequences of bankruptcy of individuals
Davydenko, V. A., Danilova, E. P., & Portnyaga, E. M.
- 65 Partnership between government and non-profit sector as an object of sociological research: Bibliometric analysis of current trends in the global scientific community
Telepaeva, D. F., Tarasova, A. N., & Pevnaya, M. V.

Law

- 82 Novels of modern domestic legislation in the field of genomic therapy and the prospects for its implementation in everyday life
Vasiliev, S. A.
- 97 Modern state-territorial structure of the Russian federation: legal problems of domestic federalism
Fedorets, M. N.
- 113 Prospects for normative control in the subjects of the Russian Federation after the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation
Savoskin, A. V., Kuriatnikov, V. V., & Meshcheryagina, V. A.
- 131 Single picket in Russia and Germany: Constitutional and legal dimension
Salenko, A. V.
- 145 Passive form of implementing the principle of information openness in the activities of public authorities
Karasev, A. T. & Rukoleev, V. A.

Economics

- 160 Analysis of support measures for strategic organizations during the pandemic
Demidova, S. E. & Bloshenko, T. A.
- 182 Review and evaluation of social policy measures in foreign countries and in Russia in the context of COVID-19
Bartsits, A. D.

Overview

- 198 Scientific review of the materials of the third national forum on economic security in Tyumen
Skipin, D. L. & Koltsova, T. A.

Научное издание

ВЕСТНИК ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Социально-экономические и правовые исследования
2023. Том 9. № 1 (33)

Редактор	<i>В. Е. Суслов</i>
Перевод	<i>В. Е. Суслов, Т. А. Протасов</i>
Компьютерная верстка	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Дизайн обложки	<i>Г. Ф. Бикмулина</i>
Печать	<i>А. В. Башкиров</i>

Подписано в печать 14.04.2023
Формат 70 × 108/16. Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard LI. Гарнитура Arno Pro
Печать цифровая. 17,33 усл. печ. л., 13,86 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 217